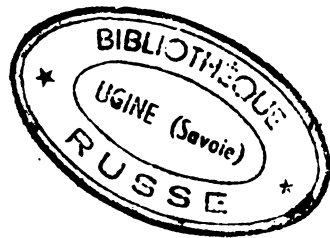

038

ТВОРЕНИЯ
СВЯТЫХЪ ОТЕЦЪ,
ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,
ИЗДАВАЕМЫЯ
ПРИ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

— 101 —

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

— 101 —

МОСКВА,
ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1843.

88686

JP

v. 2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 28-го дня, 1843 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виванской Семинарті Ректоръ

Архимандритъ Филовей.

APR 12 1954

ТВОРЕНІЯ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО
ГРЕГОРІЯ БОГОСЛОВА,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО.

—————
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
—————

С Л О В О 14,

О ЛЮБВИ КЪ БѢДНЫМЪ (а).

Братія и соучастники бѣдности (ибо всѣ мы бѣдны и имѣемъ нужду въ благодати Божіей, хотя и кажется одинъ превосходитъ другаго, когда измѣряемъ людей малыми мѣрами)! Примите слово о любви къ бѣднымъ, не съ бѣднымъ, но съ щедролюбивымъ расположеніемъ духа, да наслѣдуете богатство царствія. А вмѣстѣ помолитесь, чтобы и я могъ предложить вамъ богатое слово, могъ напитать имъ ваши души, и *раздробить алчущимъ хлѣбъ* (Ис. 58, 7.) духовный, или, подобно древнему Моисею, низводя, какъ дождь, пищу съ неба (Исх. 16, 4.) и подавая *хлѣбъ Ангельскій* (Пс. 77, 25.), или насыщая немногими хлѣбами въ пустынѣ многія тысячи, какъ послѣ Іисусъ — истинный хлѣбъ (Іоан. 6, 32.) и истинной жизни виновникъ.

(а) Слово сіе говорилъ Св. Григорій въ богадѣльнѣ, устроенной Василиемъ Великимъ, въ которой тогда (въ 373 г. по Р. Х.) много было зараженныхъ проказою.

Не легко найти превосходнѣйшую изъ добродѣтелей и отдать ей первенство и преимущество, подобно какъ и на лугу многоцвѣтномъ и благовонномъ не вдругъ можно выбрать прекраснѣйшій и благовоннѣйшій изъ цвѣтовъ, когда то тотъ, то другой привлекаетъ къ себѣ обоняніе и взоръ и прежде всѣхъ заставляетъ сорвать себя. По моему разумѣнію, различныя добродѣтели можно сравнивать и разсматривать такъ. Прекрасны *вѣра, надежда и любовь, три сія* (1 Кор. 13, 13.). Вѣры свидѣтель — Авраамъ, оправданный вѣрою; надежды — Енохъ, который прежде всѣхъ *упова призываети* Господа (Быт. 4, 26.), и всѣ праведники, которые, одушевляясь надеждою, претерпѣвали бѣдствія. Любви свидѣтель божественный Апостоль, осмѣлившійся и на самого себя произнести приговоръ для спасенія Израиля (Рим. 9, 4.), и самъ Богъ, Который называется *любовію* (1 Иоан. 4, 16.). — Прекрасно страннолюбіе. Свидѣтель сего — между праведниками — Лотъ Содомлянинъ, но не Содомлянинъ по своимъ нравамъ (2 Петр. 2, 8.); а между грѣшными — Раавъ блудница, но не блудница по расположеніямъ сердца, за страннолюбіе удостоившаяся похвалы и спасенія (Евр. 11, 31.). — Прекрасно братолюбіе: свидѣтель — Иисусъ, не постыдившійся не только назваться братомъ нашимъ (Евр. 2, 11.), но и пострадать за насъ. — Прекрасно челоуѣколюбіе: свидѣтель — Онъ же, Иисусъ, Который не только сотворилъ челоуѣка *на дѣла благая* (Ефес. 2, 10.), и сочеталъ съ плотію Свой образъ, показывающій путь ко всему наилучшему и возводящій насъ — странниковъ — къ горнимъ благамъ,

но и Самъ содѣлался ради насъ человѣкомъ. — Прекрасно долготерпѣніе: свидѣтель сего опять Самъ Іисусъ, Который не только не хотѣлъ призвать легіоны Ангеловъ противъ возставшихъ на Него мучителей, не только укорилъ Петра, извлекашаго ножъ, но и исцѣлилъ ухо уязвленному (Матѣ. 26, 52. 53. Лук. 22, 51.). Сіе же послѣ показалъ и Стефанъ, ученикъ Христовъ, молившійся за побивавшихъ его камнями. — Прекрасна кротость: свидѣтели — Моисей и Давидъ, за сіе болѣе всѣхъ похваляемые (Числ. 12, 3. 2 Цар. 16, 11. 12. Пс. 131, 1.), и Самъ Учитель ихъ, не прекословящій, не вопіющій, не испускающій гласа на распутіяхъ (Матѣ. 12, 19.), и не противящійся ведущимъ Его. — Прекрасна ревность: свидѣтели сего — Финеесъ, однимъ ударомъ копья пронзившій Мадіанитянку вмѣстѣ съ Израильтяниномъ, дабы избавить отъ поношенія сыновъ Израилевыхъ, и за свою ревность получившій себѣ славное имя; а послѣ него — тѣ, которые говорили: *ревную поревновахъ по Господь* (3 Цар. 19, 10.); *ревную по васъ Божію ревностію* (2 Кор. 11, 2.); *ревность дому Твоего слыде мя* (Пс. 68, 10.), и не только говорили это, но и сильно чувствовали. — Прекрасно изнуреніе тѣла: въ томъ убѣждать тебя Павелъ, который не престаеъ держать себя въ строгости (1 Кор. 9, 27.) и примѣромъ Израильтянъ устрашаетъ людей, надѣющихся на себя и дающихъ волю своему тѣлу (1 Кор. 10, 5-8.), и Самъ Іисусъ; Который, бывъ искушаемъ, постится, и побѣждаетъ искушителя (Лук. 4, 2-13.). Прекрасны молитва и бдѣніе: въ томъ убѣдить тебя Самъ Богъ, Который предъ страданіемъ проводитъ

ночь безъ сна въ молитвѣ (Матѣ. 26, 39. 42. 44). — Прекрасны чистота и дѣвственность: въ этомъ убѣдять тебя Павелъ, который предписываетъ на сіе законы, и справедливую назначаетъ цѣну брачной и безбрачной жизни (1 Кор. 7, 1—11. 25—40.), и Самъ Иисусъ, родившійся отъ Дѣвы, дабы и рожденіе почитать, и отдать предпочтеніе дѣвству. — Прекрасно воздержаніе: въ томъ убѣдять тебя Давидъ, который, овладѣвъ кладяземъ Виелеемскимъ, не сталъ пить воды, но только излилъ ее въ честь Господу, не желая утолить жажды своей кровію другихъ (1 Парал. 11, 18. 19.). — Прекрасно пустынножителство и безмолвіе: это показываютъ мнѣ Кармиль Иліи, пустыня Іоаннова, гора Иисусова, на которую часто отходилъ Господь, дабы въ безмолвіи бесѣдовать съ Самимъ Собою (Матѣ. 14, 23. Лук. 6, 12. 9, 28. 22, 39.). — Прекрасна умѣренность: этому научаютъ меня Ілія, привитающій у вдовицы, Іоаннъ, покрывающійся одеждою изъ верблюжьяго волоса, и Петръ, питающійся овощами, стоившими не болѣе асса (б). — Прекрасно смиреніе: примѣры онаго многочисленны; но лучшій изъ всѣхъ примѣръ представляетъ Спаситель и Владыка всѣхъ, Который не только смирилъ Себя до зрака раба (Филип. 2, 7.), не только подвергъ лице Свое стыду заплеваній (Ис. 50, 6.), и со незаконными вмѣшался (Ис. 53, 12.) — Очищающій весь міръ отъ грѣха, но и умылъ ноги ученикамъ въ образѣ раба. — Прекрасна нестяжательность и

(б) Ассъ — мѣдная монета, вѣсомъ въ 4 золотника.

презрѣніе богатства: о семъ свидѣлствуютъ Закхей и — Самъ Христосъ: Закхей, когда, принявъ къ себѣ Христа, принесъ въ даръ почти все свое имущество; Христосъ, когда указалъ богатому юношѣ на сію добродѣтель, какъ на предѣлъ совершенства (Матѹ. 19, 21.). — Короче сказать: прекрасно созерцаніе, прекрасна и дѣятельность; первое потому, что возносится превыше земнаго, входитъ во Святая-Святыхъ, и возводитъ умъ нашъ къ тому, что сродно съ нимъ; другая — потому, что пріемля къ себѣ Христа и служа Ему, доказываетъ любовь свою дѣлами. Каждая изъ сихъ добродѣтелей есть особый путь ко спасенію, и несомнѣнно приводитъ къ одной какой либо изъ вѣчныхъ и блаженныхъ обителей. Ибо какъ различны роды жизни, такъ и обителей у Бога много (Іоан. 14, 2.), и онѣ раздѣляются и назначаются каждому по его достоинству. Посему пусть одинъ исполняетъ сію добродѣтель, другой — другую, иной — многія, а кто — нибудь, если возможно, и всѣ; только да шествуетъ каждый безостановочно, да стремится впередъ и слѣдуетъ неуклонно по стопамъ того добраго путеводаителя, который прямо направляетъ стезю его и тѣснымъ путемъ, сквозь узкія врата (Матѹ. 7, 14.) выводитъ на широту блаженства небеснаго.

Но если, по ученію Павла и Самого Христа, первою и важнѣйшею заповѣдію должно почитать любовь, какъ сокращеніе закона и Пророковъ (Матѹ. 22, 37 — 40. 1 Кор. 13, 13.); то превосходнѣйшую часть ея должна составлять, какъ я нахожу, любовь къ бѣднымъ, жалость и сострадательность къ тѣмъ,

которые одного съ нами рода. Ибо никакое служеніе такъ не угодно Богу, какъ милосердіе (потому что оно всего болѣе сродно Богу, Которому *предходятъ милость и истина* (Пс. 88, 15.), и Которому должно приносить въ даръ милость (Іак. 2, 13.) прежде суда), и праведный Мздовоздаятель, положившій *на мѣрилльхъ и вѣсахъ милость* (Иса. 28, 17.), ни за что такъ не награждаетъ Своимъ челоѣколюбіемъ, какъ за челоѣколюбіе. И такъ, сообразно заповѣди, которая повелѣваетъ *радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими* (Рим. 12, 15.), мы должны отверзати утробу милосердія всѣмъ бѣднымъ и, по какой бы то ни было причинѣ, страждущимъ; должны, какъ челоѣвки, приносить челоѣкамъ дань благотворительности, какая бы ни заставляла ихъ нужда искать помощи, вдовство ли, или сиротство, или изгнаніе изъ отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующихъ, или безчелоѣчіе собирателей подати, или убійственная рука разбойниковъ, или алчность воровъ, или опись имѣнія, или кораблекрушеніе. Ибо всѣ они одинаковое имѣютъ право на сожалѣніе, и также смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ. Впрочемъ и изъ сихъ самыхъ болѣе достойны жалости тѣ, которые, бывши въ лучшемъ состояніи, впадаютъ въ несчастія, нежели тѣ, которые уже свыклись съ бѣдственной участью.

А особенно должны мы быть сострадательны къ зараженнымъ проказоу, которые, по грозному приговору, изреченному на нѣкоторыхъ людей въ Св. Писаніи, извѣдены даже до плоти, костей и моз-

говъ (Иов. 33, 21.), и которымъ измѣнило это многобѣдственное, уничиженное и вѣроломное тѣло.

— Не понимаю, какъ я соединился съ нимъ, и какъ будучи образомъ Божиимъ, я смѣшался съ грязью! Это тѣло, когда хорошо ему, поднимаетъ войну; а когда воюю противъ него, ввергаетъ въ скорбь. Его я и люблю, какъ сослужитель, отъ него же и отвращаюсь, какъ отъ врага; бѣгу отъ него, какъ отъ узъ, и почитаю его, какъ снаслѣдника. Рѣшусь ли истомить его? Но тогда некого мнѣ будетъ употребить въ сотрудники въ добрыхъ дѣлахъ; а я знаю, для чего приведенъ я въ бытіе, знаю, что мнѣ должно восходить къ Богу посредствомъ дѣлъ.

— Стану ли щадить его, какъ сотрудника? Но тогда не знаю, какъ избѣжать его мятежническихъ нападений, и боюсь, какъ бы не отпасть отъ Бога, отягчившись оковами, кои влекутъ меня къ землѣ, или удерживаютъ на ней. Это ласковый врагъ, и коварный другъ! Чудное соединеніе и раздвоеніе! Чего боюсь, того держусь, и чтѣ люблю, того страшусь. Не успѣю еще вступить въ сраженіе, какъ заключаю миръ; и не успѣю помириться, какъ опять начинаю брань. — Чтѣ это за премудрость открывается на мнѣ, и чтѣ за великая тайна! Не для того ли Богъ ввелъ насъ въ сію борьбу и брань съ тѣломъ, чтобы мы, будучи частію Божества (в) и про-

(в) Сіе выраженіе не должно разумѣть въ смыслѣ вещественномъ; оно, по изъясненію Никиты, толкователя словъ Св. Григорія, означаетъ дыханіе жизни, которое Богъ вдунулъ въ лице первозданнаго челоуѣка (Быт. 2, 7.), и вмѣстѣ образъ Божій.

истекши свыше, не стали надмеваться и превозноситься своимъ достоинствомъ, и не пренебрегли Создателя, но всегда обращали къ Нему взоры, и чтобы сопряженная съ нами немощь держала въ предѣлахъ наше достоинство? — чтобы мы знали, что мы вмѣстѣ и весьма велики и весьма низки, земны и небесны, временны и безсмертны, наследники свѣта и наследники огня или тьмы, смотря по тому, на какую сторону преклонимъ себя? — Такъ устроенъ составъ нашъ, и это, сколько могу я видѣть, для того, чтобы персть земная смиряла насъ, если бъ мы вздумали превозноситься образомъ Божиимъ.

Но о семъ пусть любомудро разсуждаетъ, кто хочетъ. Не откажусь и я съ нимъ вмѣстѣ размыслить о томъ, при болѣе удобномъ случаѣ. А теперь я долженъ говорить о томъ, къ чему побуждаетъ меня соболѣзнованіе о собственной моей плоти и о собственной немощи при взорѣ на страдающія другихъ; долженъ сказать вамъ, братія, что мы обязаны заботиться и о тѣлѣ — семъ. средникѣ и сослужителѣ души (ибо хотя я и винилъ его, какъ врага, за то, что терплю отъ него; но я же и люблю его, какъ друга, ради Того, Кто соединилъ меня съ нимъ), и притомъ заботиться о тѣлѣ нашихъ ближнихъ не меньше, какъ и каждый о собственномъ, остаемся ли мы сами здоровыми, или изнуряемся такимъ же недугомъ. Ибо *вся мы едино* въ Господѣ (Гал. 3, 28.), богатъ ли кто, или бѣденъ, рабъ ли кто, или свободенъ, здоровъ ли или боленъ тѣломъ; у *всѣхъ одна глава — Христосъ, изъ Негоже вся* (Ефес. 4, 15. 16.), и что члены одинъ для другаго, тоже и каждый изъ насъ другъ

для друга, и всё для всехъ (1 Кор. 12, 12—27.). А потому не надобно пренебрегать и оставлять безъ попеченія тѣхъ, кои прежде подпали общей всемъ немощи; напротивъ, мы должны не столько радоваться благополучному состоянію нашего тѣла, сколько плакать о телѣсныхъ страданіяхъ братій нашихъ; должны человеколюбіе къ нимъ считать единственнымъ залогомъ нашей безопасности телѣсной и душевной.

На нихъ надобно смотрѣть такъ: другіе жалки только по своей бѣдности, отъ которой, быть можетъ, освободить ихъ или время, или трудъ, или другъ, или родственникъ, или перемѣна обстоятельствъ; а сихъ несчастныхъ и бѣдность угнетаетъ нисколько не меньше, чѣмъ тѣхъ, или еще и больше; такъ какъ они, лишась телѣсныхъ членовъ, лишаются вмѣстѣ и способовъ трудиться и помогать себѣ въ своихъ нуждахъ, и притомъ всегда болѣе страшатся усугубленія болѣзни, нежели сколько надеются выздоровленія, такъ что и надежда, это единственное врачевство для несчастныхъ, почти оставляетъ ихъ безъ помощи. — Но къ бѣдности у нихъ присоединяется и другое зло — болѣзнь, зло ужаснѣйшее и тягостнѣйшее, которое у людей необразованныхъ всего скорѣе попадаетъ на языкъ, когда они кого проклинаютъ. Съ симъ связано еще третіе зло: многіе не хотятъ къ нимъ подойти, не хотятъ посмотрѣть на нихъ, бѣгутъ отъ нихъ, гнушаются ими, какъ чѣмъ-то омерзительнымъ; и это зло, чтобъ видѣть себя ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастію, для нихъ тяжелѣ самой болѣзни. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на ихъ

страданія, и при одномъ воспоминаніи объ оныхъ возмущаюсь духомъ. Имѣйте и вы такія же чувствованія, дабы слезами избавиться отъ слезъ. И я не сомнѣваюсь, что дѣйствительно такъ чувствуютъ тѣ изъ предстоящихъ здѣсь, кои любятъ Христа и любятъ бѣдныхъ, и имѣютъ Богу свойственное и отъ Бога дарованное имъ милосердіе.

Вы сами свидѣтели ихъ страданія. Предъ вашими глазами поразительное и плачевное зрѣлище, которому едва-ли кто повѣритъ, кромѣ очевидцевъ: люди живые мертвецы, у которыхъ конечности большею части тѣлесныхъ членовъ отгнили; люди, которыхъ не лѣзя почти узнать, кто они были прежде, и откуда, или лучше, несчастные останки жившихъ нѣкогда людей, которые, чтобы дать знать о себѣ, сказываютъ о своихъ отцахъ, матеряхъ, братьяхъ и мѣстахъ жительства: «я сынъ такого-то отца, мать у меня такая-то, имя мое такое-то, да и ты нѣкогда былъ мнѣ другъ и знакомый.» Это говорятъ они потому, что не имѣютъ уже прежняго вида, по которому бы можно было узнать ихъ. Это люди обсѣченные, у которыхъ нѣтъ ни имущества, ни родства, ни друзей, ни даже тѣла; люди, которые одни изъ всѣхъ и жалѣютъ о себѣ и вмѣстѣ ненавидятъ себя; которые не знаютъ, о чемъ больше плакать — о тѣхъ ли частяхъ тѣла, коихъ уже нѣтъ, или объ оставшихся, о тѣхъ ли, которыя преждевременно истребила болѣзнь, или о тѣхъ, которыя еще сберегаются на жертву болѣзни: ибо тѣ несчастно погибли, а сіи уцѣлѣли для большаго несчастья; тѣ сотлѣли прежде гроба, а сіи некому и въ гробъ положить. Потому что и самый добрый и мягко-

сердечный человекъ бываетъ крайне нечувствителенъ къ бѣдствіямъ сихъ страдальцевъ. Здѣсь только мы позабываемъ, что мы сами плоть и облечены уничтоженнымъ тѣломъ (Филипп. 3, 21); и такъ мало въ насъ радѣнья объ этихъ сродникахъ нашихъ, что мы почитаемъ даже необходимымъ для безопасности нашего тѣла — удаляться отъ нихъ. Иной подходитъ къ залежавшемуся и можетъ-быть уже смердающему трупу, носить вонючія тѣла безсловесныхъ животныхъ и, валяясь въ тинѣ, не гнушается этимъ: а отъ сихъ несчастныхъ, сколько есть силъ, бѣжимъ прочь и — какое безчеловѣчіе! — негодуемъ почти и на то, что дышемъ однимъ съ ними воздухомъ.

Кто вѣжнѣе отца? Кто сердобольнѣе матери? Но для сихъ отверженныхъ заперто и родительское сердце. И отецъ своего собственного сына, котораго родилъ, котораго воспиталъ, въ которомъ одномъ чаялъ имѣть око своей жизни, за котораго такъ много и такъ часто молился Богу, сего самаго сына, хотя оплакиваетъ, но гонить отъ себя, оплакиваетъ отъ сердца, гонить по неволѣ. А мать, вспоминая муки рожденія, съ разрывающимся сердцемъ испускаетъ жалостнѣйшіе вопли, и въ слухъ всѣхъ рыдаетъ надъ живымъ, какъ надъ мертвымъ, говоритъ: «несчастное чадо злополучной матери, отнимаемое у меня лютою болѣзнію, чадо жалости достойное, чадо мое милое, котораго и узнать не могу, чадо мое, которое воспитала я для утесовъ, горъ и пустынь! Со звѣрями будетъ жизнь твоя, горный камень — кровь твой, и только благочестивѣйшіе изъ людей обратятъ на тебя взоры. За чѣмъ, — вопіеть

она, подобно Іову (Іов. 3, 11. 12.), симъ болѣзненнымъ гласомъ, — за чѣмъ ты образовался во утробѣ матери? За чѣмъ вышедши изъ чрева, не погибъ въ тоже мгновеніе, такъ чтобъ смерть сочеталась съ рожденіемъ? За чѣмъ ты не умеръ преждевременно, пока не вкусилъ еще золь жизни? За чѣмъ тебя приняли на колѣни, и на что было тебѣ сосать грудь, когда ожидала тебя жизнь горькая, жизнь, ужаснѣйшая смерти?» — Выговаривая это, проливаетъ она источники слезъ, и хотѣла бы — несчастная — заключить въ объятія свое дѣтище: но боится плоти его, какъ непріятеля!

А въ народѣ поднимаются повсюду ропоть и гоненіе, — не противъ злодѣевъ, но противъ несчастныхъ. Иной живетъ вмѣстѣ съ убійцею, съ прелюбодѣемъ дѣлитъ не только жилище, но и трапезу, святотатца принимаетъ къ себѣ въ сожители, съ недоброжелателями своими ведетъ дружбу; а отъ страдалцевъ, ничѣмъ его не огорчившихъ, отвергается, какъ отъ преступниковъ. Такъ пороку отдается преимущество предъ болѣзнію! Безчеловѣчіе мы уважаемъ, какъ дѣло благородное, а состраданіе презираемъ, какъ нѣчто постыдное. — Ихъ гонять изъ городовъ, гонять изъ домовъ, съ площади, съ дорогъ, изъ бесѣдъ, изъ народныхъ собраній, пировъ, и — о горькая участь! — ихъ отгоняютъ и отъ самой воды. Для нихъ не текутъ источники, напаяющіе всѣхъ другихъ; невѣроятнымъ почитаютъ даже то, чтобы и рѣки не могли отъ нихъ заразиться. А что всего страннѣе, тѣхъ, коихъ какъ нечистыхъ, отгоняемъ отъ себя, тѣхъ самыхъ, какъ не причиняющихъ намъ никакого убытка, заставляемъ

опять возвращаться къ намъ, потому что не даемъ имъ ни жилища, ни нужной пищи, ни врачевства для ранъ, ни одежды, которою могли бы мы прикрыть, по нашимъ силамъ, ихъ недугъ. Потому-то они и скитаются день и ночь, — обнищавшіе, нагіе, безпріютные, показывая пораженное недугомъ тѣло, пересказывая старую жизнь свою, призывая съ воплемъ Создателя, помогая другъ другу употребленіемъ членовъ, которыхъ у другаго нѣтъ, слагая жалобныя пѣсни, чтобы выпросить кусочикъ хлѣба, или малѣйшую часть чего-нибудь варенаго, или какое-нибудь раздранное рубище для прикрытія себя отъ стыда, или для облегченія боли отъ ранъ. И не тотъ уже въ глазахъ ихъ человѣколюбивъ, кто достаточно подаетъ имъ нужное, но всякой, кто не съ суровостію отсылаетъ ихъ прочь. Многіе же изъ нихъ, преодолевая и стыдъ, не бѣгутъ отъ торжественныхъ собраній; гонимые крайнею нуждою вторгаются сюда, въ сіи всенародныя и священныя собранія, которыя мы учредили для врачеванія душъ, и въ которыя стекаемся или для воспоминанія какого-нибудь таинства, или для прославленія свидѣтелей истины, дабы, чувствуя ихъ подвиги, научиться подражать и ихъ благочестію. — А они, хотя и стыдятся, какъ несчастливцы и какъ чело­вѣки, лица чело­вѣческаго, и лучше хотѣли бы скрываться въ горахъ, утесахъ, лѣсахъ, или наконецъ въ ночи и мракѣ; однако втѣсняются въ средину народа — жалкое бремя и слезъ достойное! — которое впрочемъ можетъ-быть послано къ намъ и не безъ цѣли, и именно съ тою цѣлію, чтобы напомнить намъ о нашей немощи, и убѣдить насъ не прилѣпляться ни

къ чему настоящему и видимому, какъ-бы къ постоянному. — Втъсняются же одни изъ нихъ, желая услышать голосъ человѣческой; другіе, чтобы взглянуть на людей; иные, чтобы у роскошныхъ богачей собрать хотя скудное подаваніе для поддержанія жизни; всѣ же, — чтобы обнаружить свою скорбь, и тѣмъ хотя нѣсколько облегчить себя. — Кто не сокрушится, внимая ихъ стонамъ, сливающимся въ одну жалобную пѣснь? Какое ухо можетъ переносить сіи звуки? Какое око можетъ спокойно смотрѣть на это зрѣлище? — Вотъ нѣкоторые изъ нихъ лежатъ одни подлѣ другихъ, — не на радость совокупленные недугомъ въ одно сообщество, гдѣ каждый носитъ на себѣ слѣды какого-нибудь особеннаго бѣдствія, и всѣ сіи бѣдствія слагаются въ одно общее горе, такъ что каждый своими страданіями усугубляетъ страданія другихъ, и всѣ жалки по своимъ болѣзнямъ, а еще жалче по состраданію другъ къ другу. Ихъ окружаетъ толпа зрителей, даже и соболѣзнующихъ, но — на краткое время. А тамъ — другіе влчаться у ногъ человѣческихъ; ихъ преслѣдуютъ и солнечный зной, и пыль, а иногда и жестокіе морозы, дожди и бури, ихъ стали бы и попирать ногами, если бы одно прикосновеніе къ нимъ не почитали гнуснымъ. На священныя пѣснопѣнія внутри храма, они отвѣтствуютъ стонами и воплями прошеній, и таинственнымъ молитвословіямъ служатъ отголоскомъ горькія рыданія. — Но для чего описывать мнѣ всѣ ихъ бѣдствія предъ людьми, собравшимися для торжества? Если бы съ точностію изобразилъ я всю эту печальную картину, то можетъ-быть возбудилъ бы плачь и рыданія, и празд-

нество превратилось бы въ сѣтованіе. Потому только я и говорю о семъ, что доселѣ еще не могу убѣдить васъ, что иногда бываетъ и печаль предпочтительнѣе радости, и сѣтованіе полезнѣе празднованія, и достохвальныя слезы лучше недобраго смѣха.

Таково-то и еще гораздо горестнѣе, нежели какъ я представилъ, положеніе братій нашихъ по Богѣ (хотя бы вы и не желали слышать сіе), братій, которые одинаковое съ нами получили естество, изъ того же составлены брѣнія, изъ какого и мы первоначально созданы; связаны, какъ и мы, жилами и костями и, подобно всѣмъ, облечены кожею и плотію (какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ божественный Іовъ (Іов. 33, 6. 10, 11.), любомудрствуя среди страданій и посмѣваясь надъ видимою частію существа нашего), или лучше, если должно упомянуть о важнѣйшемъ, — которые также, какъ и мы, одарены образомъ Божиимъ, и хранять его можетъ-быть лучше насъ, хотя и истлѣли тѣломъ, — въ одинаго облечены Христа (Гал. 3, 27.) по внутреннему челоуку; одинаковый съ нами приняли въ сохраненіе залогъ Духа (Гал. 3, 22.); участвуютъ въ однихъ съ нами законахъ, глаголахъ Божиихъ, завѣтахъ, собраніяхъ, таинствахъ, надеждахъ; за которыхъ равно умеръ Христоу (Рим. 14, 15.), взявшій на Себя грѣхъ всего міра (Іоан. 1, 29.); которые суть снаслѣдники небесной жизни, хотя весьма много отчуждены отъ земной; которые спогребаются Христу и совостають съ Нимъ (Кол. 2, 12.), страдаютъ съ Нимъ, дабы съ Нимъ и прославиться (Рим. 8, 17.). Чтò же мы? — мы, наслѣдовавшіе сіе великое

и новое имя, чтобы называться по Христу народомъ святымъ, царственнымъ священствомъ, людьми усвоенными Богу и избранными (1 Петр. 2, 9.), ревнителями добрыхъ и спасительныхъ дѣлъ (Гит. 2, 14.), учениками кроткаго и челоѡколюбиваго Христа, понесшаго наши немощи, унизившаго Себя до нашей брѣнности, насъ ради обнищавшаго (2 Кор. 8, 9.), низшедшаго въ эту плоть и земную храмину, и претерпѣвшаго за насъ скорби и болѣзни, дабы мы обогатились наслѣдіемъ Божества? Что-жь мы, имѣющіе столь высокій Образецъ благоутробія и состраданія? Какъ будемъ думать о нихъ, и что сдѣлаемъ? Презримъ ли ихъ? Пробѣжимъ мимо? Оставимъ ихъ, какъ мертвецовъ, какъ гнусныя страшилища, какъ самыхъ злыхъ звѣрей и пресмыкающихся?—Нѣтъ, братія. Не тому учить насъ—овецъ Своихъ—добрый Пастырь (Іоан. 10, 11.) Христосъ, Который обращаетъ заблуждшее, възскуетъ погибшее и укрѣпляетъ немощное (Іезек. 34, 16.); не то внушаетъ и природа челоѡческая, которая вложила въ насъ законъ состраданія, и чувствомъ немощи, общей намъ со всѣми, научается благочестію и челоѡколюбію. Ужели они будутъ томиться подъ открытымъ небомъ; а мы станемъ жить въ великолѣпныхъ домахъ, разцѣвленныхъ всякаго рода камнями, блещущихъ золотомъ и серебромъ, гдѣ узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщаютъ и приманиваютъ взоры? Да еще въ однихъ будемъ жить, а другіе строить? И для кого? Быть-можетъ не для наслѣдниковъ нашихъ, а для людей постороннихъ и чужихъ, и притомъ можетъ-быть для такихъ людей, которые не только

не любятъ насъ, но еще, что всего хуже, исполнены вражды къ намъ и зависти. — Они будутъ трястись отъ стужи въ ветхихъ и раздранныхъ рубищахъ, а можетъ-быть еще и тѣхъ имѣть не будутъ, а мы будемъ нѣжить себя, покрываясь мягкой и пышною одеждою, воздушными тканями изъ тонкаго льна и шолку, и между тѣмъ какъ одними уборами будемъ не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразіемъ), другіе наряды, — бесполезная и безумная забота, добыча моли и всепоядущаго времени, — будутъ лежать у насъ въ кладовыхъ? — Они будутъ нуждаться — о пагубная моя роскошь! о бѣдственное ихъ томленіе! — будутъ нуждаться и въ необходимой пищѣ; будутъ въ изнеможеніи, голодные валяться у воротъ нашихъ, не имѣя даже столько силъ въ тѣлѣ своемъ, чтобы просить, не имѣя голоса, чтобы рыдать, рукъ, чтобы простирать ихъ для приведенія насъ въ жалость, ногъ, чтобы подойти къ богатымъ, не имѣя столько дыханія, чтобы съ бѣльшимъ напряженіемъ простонать жалобную пѣснь, почитая лишеніе зрѣнія — это самое тяжкое зло — очень легкимъ и еще благодаря за то, что не видятъ своихъ язвъ. Таково ихъ состояніе! А мы, роскошно одѣтые, будемъ съ важностію возлежать на высокихъ и пышныхъ ложахъ, покрытыхъ дорогими коврами, до которыхъ другою не смѣй и дотронуться, — оскорбляясь и тѣмъ, если только услышимъ умоляющій голосъ ихъ? Намъ нужно, чтобы полъ у насъ усыпаемъ бѣль часто, и даже безвременно, благоухающими цвѣтами, а столъ орошень бѣль самымъ дорогимъ и благовоннымъ

ивромъ , для бѣльшаго раздраженія нашей нѣги ; нужно , чтобы юные слуги предстояли предъ нами—одни въ красивомъ порядкѣ и строю , съ распущенными , какъ у женщинъ , волосами , искусно подстриженными , такъ чтобы на лицѣ не видно было ни одного волоска , — въ такомъ убранствѣ , какого не потребовали бы и самые прихотливые глаза ; другіе — со стаканами въ рукахъ , едва до-трогиваясь до нихъ концами пальцевъ и поднося ихъ , какъ можно , ловчѣе и осторожиѣе : инне , держа опахала надъ головами нашими , производили бы искусственный вѣтерокъ , и этимъ , руками навѣваемымъ , зефиромъ прохладжали бы жаръ утученнаго нашего тѣла . Нужно кромѣ того , чтобы всѣ стихіи , — и воздухъ , и земля , и вода , — въ обиліи доставляли намъ дары свои , и столъ нашъ весь былъ уставленъ и обремененъ мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваровъ и пекарей ; чтобы всѣ они наперерывъ старались о томъ , какъ бы больше угодить жадному и неблагодарному нашему чреву , — сему тяжкому бремени , виновнику золь , сему никогда ненасытимому и самому невѣрному звѣру , которому вмѣстѣ съ потребляемыми имъ яствами вскорѣ надобно будетъ истлѣть (1 Кор. 6, 13.). — Для нихъ много значитъ утолить жажду и водою ; а у насъ пѣнится въ чашахъ вино : пей до упоенія , даже до безчувствія , если кто невоздерженъ ! Да еще одно изъ винъ отошлемъ назадъ , другое похвалимъ за его запахъ и цвѣтъ , о третьемъ начнемъ съ важностію разсуждать , и бѣда , если кромѣ своего отечественнаго не будетъ у насъ какого-нибудь иностраннаго вина , какъ иноземнаго

завоевателя! Ибо намъ непременно должно вести жизнь роскошную и превышающую нужды, или, по крайней мѣрѣ, славиться такою жизнью; какъ будто стыдно намъ, если не будутъ почитать насъ порочными людьми и рабами чрева и того, что еще хуже чрева!

Что это такое, други и братія? Для чего и мы носимъ въ себѣ болѣзнь, — болѣзнь душевную, которая гораздо тягостнѣе тѣлесной? Ибо та, какъ извѣстно, приходитъ не по волѣ нашей, а сія приходитъ отъ нашего произволенія; та оканчивается съ настоящею жизнью, а сія переходитъ съ нами и въ другую жизнь, въ которую мы отсель представляемся; о той жалѣютъ по крайней мѣрѣ здравомыслящіе, а эту ненавидятъ. Для чего не спѣшимъ, пока еще есть время, помогать сродникамъ нашимъ по естеству? Для чего, будучи сами плотъ, не покрываемъ безобразія плоти? Для чего предаемся нѣгѣ, видя бѣдствія нашихъ братій? — Не дай мнѣ Богъ ни жить богато, когда они нуждаются, ни наслаждаться здоровьемъ, когда не подамъ помощи къ уврачеванію ихъ ранъ, ни имѣть достаточной пищи, ни одежды, ни покойнаго крова, когда не раздѣлю съ ними хлѣба, не снабжу ихъ — по возможности — одеждою, и не упокою подъ моимъ кровомъ! Ибо намъ должно — или все оставить для Христа, дабы, взявъ крестъ, истинно слѣдовать за Нимъ (Матѣ. 16, 24.), и сдѣлавшись легкими, развязанными и ничѣмъ не увлекаемыми внизъ, какъ на крыльяхъ летѣть къ горнему міру, и возвысившись смиреніемъ, обогатившись убожествомъ, въ замѣну всего пріобрѣсть Христа (Филип. 3, 8.); — или раздѣлять свое имущество со

Христомъ , дабы и самое обладаніе имуществомъ освятилось чрезъ то , что мы будемъ обладать имъ , какъ должно , и соучастниками въ немъ будутъ неимущіе . Если же буду я сѣять для одного себя ; то скажу опять словами Іова : пусть я *посѣю* , а *иніи да поядятъ* ; *вмѣсто пшеницы да взыдетъ ми кропива* : а *вмѣсто ячменя терніе* (Іов. 31, 8. 40.) ; пусть жгучій вѣтръ убьетъ и вихрь развѣетъ посѣвъ мой , такъ чтобы всѣ труды мои остались напрасными . Если я стану строить житницы , собирая сокровища отъ маммоны , и для маммоны ; то пусть въ сію же ночь истяжутъ душу мою (Лук. 12, 18. 20.) , для истребованія отчета въ зломъ стяжаніи богатства .

Ужели наконецъ мы не оцувствуемъся ? Не отвергнемъ жестокосердія , или — о чемъ желалъ бы и не говорить — или низкой скупости ? Не подумаемъ объ участи человѣческой ? Ужели не обратимъ себѣ во благо несчастія другихъ ? Ибо въ дѣлахъ человѣческихъ , по естественному порядку , нѣтъ ничего твердаго , ровнаго , держащагося своими силами и пребывающаго въ одинаковомъ положеніи ; участь наша вращается подобно колесу , въ различныя времена , и часто въ одинъ день , а иногда и въ одинъ часъ подвергаясь различнымъ перемѣнамъ , такъ что скорѣе можно положиться на постоянство вѣтровъ , никогда не останавливающихся , или слѣдовъ плывущаго по морю корабля , или на обманчивыя ночныя сновидѣнія , доставляющія минутное удовольствіе , или на твердость тѣхъ начертаній , какія дѣти играя дѣлаютъ на пескѣ , нежели на благоденствіе человѣческое . Итакъ благоразумны тѣ , кои , не вѣря благамъ

настоящимъ, собираютъ себѣ сокровище въ будущемъ, и видя непостоянство и переменчивость благополучія человѣческаго, любятъ благотворительность, которая никогда не измѣнитъ (1 Кор. 13, 8.). За то, безъ сомнѣнія, получаютъ они — по крайней мѣрѣ — одно изъ трехъ возмездій: или то, что никогда не подвергаются бѣдствіямъ, потому что Богъ часто и земными благами утѣшаетъ благочестивыхъ, призывая ихъ Своею благостію къ состраданію; или то, что и среди бѣдствій они имѣютъ въ себѣ дерзновеніе къ Богу (1 Иоан. 3, 21.), ибо страдаютъ не за порочную жизнь, а по особенному устроенію Промысла; или наконецъ то, что они по праву могутъ требовать отъ людей благоденствующихъ такой же сострадательности, какую сами оказывали нуждающимся во время своего счастья.

Да не хвалится, сказано, *мудрый мудростію своею, ни богатый богатствомъ своимъ, ни сильный крѣпостію своею* (Иер. 9, 23.), если бы и достигнулъ кто самой высокой степени — или мудрости, или богатства, или силы. А я къ симъ словамъ Писанія прибавлю еще и то, что съ ними согласно: да не хвалится ни славный своею славою, ни здоровый здоровьемъ своимъ, ни красивый красотою своею, ни юный юностію, кратко сказать, ничѣмъ такимъ, что прославляютъ здѣсь, да не хвалится надмевающійся тѣмъ. Однимъ токмо да *хвалится хвалляся*, — именно тѣмъ, чтобы разумѣть и усердно искать Бога (Иер. 9, 24.), сострадать страждущимъ, и угождать себѣ что-нибудь доброе для будущаго вѣка. Ибо здѣшнія блага быстро протекаютъ, даются на часъ, и, подобно какъ камешки въ игрѣ, пере-

кидываются съ мѣста на мѣсто и переходятъ то къ тѣмъ, то къ другимъ; ничего здѣсь не дѣзятъ назвать своимъ, все или время отниметъ, или зависть переведетъ въ чужія руки. Напротивъ, блага душевныя постоянны и прочны, никогда не отойдутъ и не отпадутъ отъ насъ, никогда не обманутъ надеждъ того, кто имъ повѣрилъ. Но и это самое, что ни одно изъ здѣшнихъ благъ не вѣрно людямъ и не прочно, мнѣ кажется, прекрасно, какъ и все прочее, устроено предусмотрительнымъ Художникомъ — Словомъ и Премудростію, превосходящею всякъ умъ (1 Кор. 1, 24. Филип. 4, 7.); это самое, что видимыя блага подвергаются и подвергаются насъ то тѣмъ, то другимъ превратностямъ, то возносятся вверхъ, то упадаютъ внизъ и кружатся какъ въ вихрѣ, и прежде нежели овладѣемъ ими, убѣгаютъ и удаляются отъ насъ, и такимъ образомъ играютъ нами, обманываютъ насъ, — не направлено ли къ тому, чтобы мы, усмотрѣвъ ихъ непостоянство и переменчивость, скорѣе устремились къ пристанищу будущей жизни? Въ самомъ дѣлѣ — что было бы съ нами, еслибъ земное наше счастье было постоянно, когда и при непостоянствѣ его мы столько къ нему привязаны? Когда обманчивая пріятность и прелесть его держитъ насъ, какъ рабовъ въ такихъ узахъ, что мы ничего и представить себѣ не можемъ лучше и выше настоящаго, и это тогда, какъ мы слышимъ и вѣримъ, что мы сотворены по Образу Божію, Который, пребывая на небеси, и насъ влечетъ къ Себѣ (Кол. 1, 15. Иоанн. 3, 13. 12, 32.)?

Кто премудръ, и уразумѣетъ сія (Ос. 14, 10.)?

Кто рѣшится убѣгать отъ вещей убѣгающихъ ?
 Кто прилѣпится къ вѣчно пребывающему ? Кто
 научится размышлять о настоящемъ , какъ о прехо-
 дящемъ , а объ уповаемомъ , какъ о постоянно при-
 сущемъ ? Кто хочетъ отдѣлять истинно сущее отъ
 кажущагося , и къ первому стремиться , а послѣднее
 презирать ? Кто желаетъ отличать списокъ отъ
 истины , дальнюю хижину отъ горняго града (2 Петр.
 1, 13. Евр. 13, 14.) , ночлегъ отъ постоянного
 жилища , тьму отъ свѣта , глубокое благо (Пс. 68,
 3.) отъ земли святой , плоть отъ духа , Бога отъ
 міродержителя , снъ смертную отъ жизни вѣчной ?
 Кто желаетъ купить настоящимъ будущее , тлѣннымъ
 богатствомъ нетлѣнное , видимымъ невидимое ? —
 Поистинѣ блаженъ , кто различая сіе и разсѣкая ме-
 чемъ слова , отдѣляющимъ лучшее отъ худшаго , по-
 лагаетъ , какъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ божественный
 Давидъ , *восхожденія въ сердце своемъ* (Пс. 83, 6.) ,
 и убѣгая , сколько силъ есть , изъ сей юдоли плача ,
 вышнихъ ищеть (Кол. 3, 1.) , и распинаясь міру
 со Христомъ , со Христомъ и воскресаетъ (Гал. 6,
 14. Кол. 3, 1.) , со Христомъ и восходитъ къ на-
 слѣдію жизни уже не измѣняющейся , не обманчивой ,
 гдѣ нѣтъ болѣе змѣя , угрызающаго на пути , уязв-
 ляющаго въ пяту и уязвляемаго въ голову (Быт.
 49, 17. 3, 15.). А насъ тотъ же Давидъ , какъ нѣ-
 кій громогласный проповѣдникъ , прекрасно огла-
 шаетъ высокою и всенародною проповѣдію , въ ко-
 торой называетъ насъ тяжкосердыми и любящими
 ложь , и учитъ не слишкомъ прилѣпляться къ види-
 мому , и не полагать всего земнаго благополучія
 единственно въ обиліи пшеницы и вина (Пс. 4, 3.

8.)— сихъ скороислѣвающихъ стяжаній. И блаженный Амосъ (г) можетъ-быть тоже самое имѣлъ въ мысляхъ, и также противъ земныхъ и мнимыхъ благъ вооружался, когда говорилъ: *приблизитесь горамъ, вѣчнымиъ: востани и поиди, яко нльсть тебѣ сей покой* (Мих. 2, 9.). И это, даже въ самыхъ выраженіяхъ, почти совершенно сходно съ повелѣніемъ Господа и Спасителя нашего: какимъ же именно?— *Востаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.), сказалъ Онъ, не тогдашнихъ только учениковъ побуждая перейти съ извѣстнаго мѣста на другое, какъ можетъ подумать кто-нибудь, но и всѣхъ учениковъ Своихъ, во всѣ времена, симъ воззваніемъ привлекая отъ земли къ небесамъ, и отъ земныхъ благъ къ небеснымъ.

И такъ послѣдуемъ Слову, взыщемъ небеснаго покоя, отвергнемъ обиліе земное; воспользуемся только тѣмъ, что есть въ немъ добраго:— искупимъ души свои милостынями (Дан. 4, 24.), дадимъ отъ имѣній своихъ бѣднымъ, дабы стяжать богатство небесное. Дай часть и душѣ, не все одной плоти; дай часть и Богу, не все одному міру. Отними хоть что-нибудь у чрева, и посвяти духу. Исхити что-нибудь изъ огня, и положи вдали отъ пожирающаго пламени. Исторгни что-нибудь у жестокаго мучителя, и ввѣрь Господу. *Даждь часть седьмимъ, то-есть сей жизни, и осьмимъ* (Еккл. 11, 2.), то-есть той жизни, въ которую мы перейдемъ

(г) Въ нѣкоторыхъ манускриптахъ вмѣсто слова: Амосъ, написано: Михай.

изъ здѣшной. Дай немного Тому, отъ Кого получилъ несравненно болѣе. Отдай и все Даровавшему тебѣ все. Ты никогда не будешь щедрѣе Бога, хотя бы и пожертвовалъ всѣмъ, что имѣешь, хотя бы отдалъ вмѣстѣ съ имуществомъ и самого себя: ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человѣкъ получаетъ отъ Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будетъ оставаться на тебѣ, и ничего не дашь ты своего, поелику все отъ Бога. И какъ не лѣзя опередить своей тѣни, которая по-стольку подвигается впередъ, по-скольку мы идемъ впередъ, и всегда въ равномъ разстояннн намъ предшествуетъ; какъ не лѣзя тѣлу вырости выше головы, всегда надъ нимъ возвышающейся: такъ и намъ не возможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даемъ такого, что не принадлежало бы Ему, или что было бы внѣ круга Его щедрости. Помысли, откуда въ тебѣ бытiе, дыханiе и самое разумѣнiе? Откуда то величайшее преимущество, что ты знаешь Бога, и надѣешься царствiя небснаго, достоинства равноангельскаго, созерцанiя славы, которое теперь — въ зеркалахъ только и гаданiяхъ (1 Кор. 13, 12.), а тогда будетъ совершеннѣйшимъ и чистѣйшимъ, — надѣешься содѣлаться сыномъ Божиимъ (Матѣ. 5, 9.), снаслѣдникомъ Христу (Рим 8, 17.), и, скажу смѣлое слово, даже самимъ богомъ (Иоан. 10, 34. 35.)? Откуда имѣешь ты все сiе, и отъ кого? Или, если обратиться къ менѣе важнымъ и видимымъ дарамъ, кто далъ тебѣ зрѣть красоту неба, теленiе солнца, кругъ луны, множество звѣздъ, и во всемъ этомъ, какъ въ звукахъ лиры, всегда одинаковую

стройность и порядокъ; преимущество частей года, измѣненіе временъ, круговращеніе лѣтъ, соразмѣрность дня и ночи, произведенія земли, разліяніе воздуха, широту волнующагося и потомъ спокойно стоящаго моря, глубину рѣкъ, стремленія вѣтровъ? Кто даровалъ тебѣ дожди, земледѣліе, пищу, художества, жилища, законы, гражданское устройство, безмятежную жизнь и тѣсныя связи съ родными? Откуда то, что нѣкоторыя животныя сдѣлались ручными и покорными тебѣ, а другія отданы тебѣ въ пищу? Кто поставилъ тебя господиномъ и царемъ надъ всѣми тварями на землѣ? Кто, — скажу кратко, не исчисляя всего подробно, — даровалъ тебѣ все то, чѣмъ превосходятъ ихъ человѣкъ? Не Тотъ ли, Кто больше всего и вмѣсто всего нынѣ требуетъ отъ тебя челоуѣколюбія? Не стыдно ли намъ будетъ, если столь много благъ получивши отъ Бога, и столь много надѣясь получить, не принесемъ Ему и сего одного дара — челоуѣколюбія? Онъ отличилъ насъ отъ звѣрей, и только однихъ насъ на землѣ почтилъ даромъ разума; а мы ужели сами будемъ превращать себя въ звѣрей? Ужели роскошь до того развратила насъ, до того лишила ума, или... (но я уже не знаю, какъ это и выразить), что мы, имѣя лишній кусокъ и еще что-нибудь, столь же неважное, да и то можетъ-быть наживши неправдою, по этому будемъ думать, что мы и по самой природѣ лучше сихъ несчастныхъ? Ужели возмечтаемъ, что мы слишкомъ высоки въ сравненіи съ ними, что мы выше людей, какъ древніе гиганты, которые, по сказанію баснословія, составляли особый родъ, отличный отъ прочихъ

смертныхъ, или какъ Невродъ и сыны Енаковы (Числ. 13, 34.), угнетавшіе нѣкогда Израиля, или какъ тѣ исполины, которыхъ злодѣянiями низведенъ потопа для очищенiя земли? Ежели Богъ и Владыка не стыдится называться отцемъ нашимъ; то мы ли отречемся отъ сродства съ подобными намъ? —

Нѣтъ, други и братiя! Не будемъ неправедными распорядителями ввѣреннаго намъ, чтобы не услышать намъ грозныхъ словъ Петра: «Постыдитесь вы, удерживающіе у себя чужое, подражайте равной для всѣхъ благодати Божіей, и тогда не будетъ ни одного бѣднаго (д)». Не будемъ томить себя, собирая и сберегая сокровища, тогда какъ другіе томятся отъ нищеты, да не поразитъ насъ жестокими укоризнами и угрозами божественный Амосъ, который вопіетъ: *Слышите нынѣ, глаголющiи: когда пройдетъ мѣсяцъ, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища (Амос. 8, 5.)?* и потомъ, въ слѣдующихъ далѣе словахъ, угрожаетъ гнѣвомъ Божиимъ людямъ, имѣющимъ мѣру малую и мѣру великую. Да не обличитъ насъ и блаженный Михей, который, укоряя Іудеевъ за то, что они нѣжатся на одрахъ изъ слоновой кости, намащуются самцами дорогими ароматами, утучняютъ тѣло свое, питаясь нѣжнымъ мясомъ тельцовъ отъ стадъ и козлищъ отъ паствъ, сопровождаютъ рукоплесканiями звуки органовъ, и потомъ еще сильнѣе порицая то, что они считаютъ сіи удовольствiя постоянными и

(д) Слова сіи взяты изъ постановленiй Апостольскихъ.

прочными, и осуждаетъ роскошь, (такъ какъ отъ пресыщенія раждается обида), и присовокупляетъ къ сему осужденію неумѣренныхъ удовольствій новое, вмѣняя можетъ-быть еще въ большую вину то, что сластолюбцы, предаваясь удовольствіямъ, нисколько не состраждутъ о *сокрушеніи Иосифовъ* (Амос. 6, 4—6.). — Да не достигнетъ и насъ сіе осужденіе! Не попустимъ себѣ до того забываться въ наслажденіяхъ, чтобы пренебрегать самое чело-вѣколюбіе Бога, Который раздражается симъ, хотя и не вдругъ, не тотчасъ по преступленіи наводитъ гнѣвъ Свой на грѣшниковъ.

Послѣдуемъ высочайшему и первому закону са-мого Бога, Который посылаетъ дождь на правед-ныхъ и грѣшныхъ, и велитъ солнцу восходить одинаково надъ всѣми (Матѣ. 5, 45.), Который, безъ всякаго стѣсненія, предоставилъ всѣмъ, оби-тающимъ на сушѣ, и землю, и источники, и рѣки, и лѣса, пернатымъ — воздухъ, живущимъ въ водахъ — воду, Который всѣмъ челоуѣкамъ даровалъ въ изобиліи первыя потребности жизни, кои ни власти не подлежатъ, ни закономъ не ограничиваются, ни предѣлами государствъ не преграждаются, но пред-ложены всѣмъ и каждому въ богатой мѣрѣ, и ме-жду тѣмъ нисколько отъ того не оскудѣваютъ. Такъ щедро всѣхъ людей надѣлилъ Богъ конечно для того, чтобы разнымъ раздаяніемъ даровъ Сво-ихъ показать и одинаковое достоинство нашей природы, и богатство благодати Своей. А люди, зарывъ въ землю золото, серебро, дорогія и лишнія одежды, самоцвѣтные камни и другія подобныя драгоцѣнности, — сіи свидѣтельства брани, между-

усобій и древняго насильства восхитителей верховной власти, — послѣ того, безумные, поднимають еще брови, и бѣдствующимъ сродникамъ своимъ по естеству отказываютъ въ милосердіи, не желая даже излишками своими помочь имъ въ нуждахъ ихъ. Какое невѣжество! Какая глупость! — Не говорю уже о другомъ, по крайней мѣрѣ то представили бы они, что бѣдность и богатство, свободное, въ обыкновенномъ смыслѣ понимаемое, состояніе, и рабство, и другія, подобныя симъ имена уже въ послѣдствіи времени появились въ родѣ человѣческомъ, и какъ нѣкоторые недуги, вторглись вмѣстѣ съ неправдою, которая и избрѣла ихъ. Сначала же, какъ сказано въ Писаніи, не было такъ (Матѣ. 19, 8.). Но Сотворившій человѣка вначалѣ, содѣлалъ его свободнымъ, ограничивъ его только однимъ закономъ заповѣди; содѣлалъ и богатымъ среди сладостей рая, а вмѣстѣ съ нимъ благоволилъ даровать сіи преимущества и всему роду человѣческому въ одномъ первомъ сѣмени. Тогда свобода и богатство заключались единственно въ соблюденіи заповѣди; а истинная бѣдность и рабство — въ преступленіи оной. Но съ того времени, какъ появились зависть и раздоры, какъ началось коварное владычество змія, непрестанно и непримѣтно привлекающаго насъ къ злу лакомою приманкою удовольствія, и вооружающаго дерзкихъ людей противу слабыхъ, — съ того времени расторглось родство между людьми; отчужденіе ихъ другъ отъ друга выразилось въ различныхъ наименованіяхъ званій, и любостыжаніе, призвавъ и законъ на помощь своей власти, заставило позабыть о благород-

ствѣ естества человѣческаго. Ты же смотри на первоначальное равенство правъ, а не на послѣдовавшее раздѣленіе, не на законъ властителя, а на законъ Создателя. Помоги, сколько можешь, природѣ, почти первобытную свободу, уважь самого себя, покрой безчестіе, нанесенное роду твоему: окажи пособіе въ болѣзни, подкрѣпи въ нуждѣ. Ты здоровъ и богатъ? Такъ утѣшь болящаго и бѣднаго. Ты не испыталъ паденія? Такъ подними упавшаго и разбившагося. Ты веселъ? Такъ ободри унывающаго. Ты счастливъ? Такъ облегчи участь удрученнаго несчастіемъ.

Воздай что-нибудь Богу въ благодарность за то, что ты принадлежишь не къ числу имѣющихъ нужду въ благодареніяхъ, а къ числу тѣхъ, кои могутъ оказывать благодаренія, что не ты смотришь въ чужія руки, а другіе въ твои. Обогати себя не только имуществомъ, но и благочестіемъ, не только золотомъ, но и добродѣтелью, или лучше, только ею одною. заслужи предпочтеніе предъ ближнимъ твоимъ тѣмъ, что ты его благотворительнѣе. Будь для несчастнаго богомъ, подражая милосердію Божію. — Ибо ничто столько не уподобляетъ человѣка Богу, какъ благотвореніе; хотя Богъ несравненно больше благотѣльствуетъ, а человѣкъ меньше, сообразно съ своими силами. Богъ сотворилъ человѣка, и снова возставляетъ его изъ тлѣнія; а ты по крайней мѣрѣ не презри падшаго. Богъ явилъ человѣку величайшее милосердіе, когда далъ ему, кромѣ всего прочаго, законъ, Пророковъ, и еще прежде того естественный законъ — неписанный, сего испытателя дѣлъ нашихъ; когда обличалъ,

вразумлялъ, руководствовалъ людей и наконецъ предалъ Самого Себя въ жертву искупленія за *животъ міра* (Матѣ. 20, 28. Іоан. 6, 51.); когда даровалъ намъ Апостоловъ, Евангелистовъ, учителей, пастырей, исцѣленія, чудеса, возвращеніе къ жизни, разрушеніе смерти, знаменіе побѣды надъ побѣдившимъ насъ, завѣтъ сѣни и завѣтъ истины, различные дары Духа Святаго и таинство новаго спасенія. А ты, если можешь оказывать высшія благодѣянія, — приносящія пользу душѣ (поселику Богъ надѣлитъ тебя и симъ богатствомъ, ежели только пожелаешь того), не откажись и этимъ послужить нуждающемуся, или лучше, таковыя-то благодѣянія прежде всего и паче всего и оказывай просящему тебя, даже не ожидая его прошенія; *весь день милуя и взаимъ дая* (Псал. 36, 26.) слово, и неопустительно взыскивая долгъ съ лихвою, то-есть съ умноженіемъ назиданія въ пользовавшемся онымъ, — лихвою, которую всегда прилагаетъ къ принятому слову тотъ, кто мало-по-малу приумножаетъ въ себѣ сѣмена благочестія. Если же ты этимъ не можешь служить ближнему; то оказывай ему хоть меньшія благодѣянія, занимающія второе мѣсто и не превышающія силы твоей. Помоги ему, доставь пищу, подай рубище, принеси лекарство, перевяжи раны, распроси о бѣдственномъ его положеніи, поговори о терпѣннн; осмѣйся, подойди. Ты не унизишь себя этимъ; болѣзнь не пристанетъ къ тебѣ, хотя и думаютъ такъ люди слишкомъ изнѣженные, обольщенные пустыми предубѣжденіями; или лучше сказать, хотя и стараются симъ предлогомъ оправдать свою — либо трусость, либо отвра-

щеніе отъ благочестія, прибѣгая къ боязливости, какъ будто къ чему важному и мудрому. Касательно сего могутъ успокоить тебя и здравыя разсужденія, и врачи, и живущіе въ одномъ съ больными домѣ ихъ прислужники, изъ коихъ ни одинъ еще, обращаясь съ ними, не подвергался опасности. Но если бы и возбуждало такое сообщеніе страхъ и сомнѣнія, ты, рабъ Христовъ, боголюбивый и челоуѣколюбивый, не будь побѣжденъ низкимъ малодушіемъ! Дерзай вѣроу, побѣди боязнь состраданіемъ, изнѣженность — страхомъ Божиимъ, плотскіе расчѣты — благочестіемъ. Не презри брата твоего, не пробѣги мимо его, не гнушайся имъ какъ нечистотою, какъ заразою, какъ чѣмъ-то отвратительнымъ и отверженнымъ. Это твой членъ, хотя и покривило его несчастіе. *Тебѣ оставленъ есть нищій* (Пс. 9, 35.), какъ самому Богу, хотя ты и слишкомъ надменно (можетъ-быть хоть сими словами приведу тебя въ стыдъ) проходишь мимо его. Тебѣ предлагается случай доказать свое челоуѣколюбіе, хотя и отвращаетъ тебя врагъ отъ собственнаго твоего счастья.

2
 Всякій мореплаватель близокъ къ кораблекрушенію; и тѣмъ ближе, чѣмъ съ большею отважностію плыветъ. Такъ и всякій обложенный тѣломъ, близокъ къ бѣдамъ тѣлеснымъ, и тѣмъ ближе, чѣмъ безстрашнѣе ходитъ съ поднятымъ челомъ, не смотря на лежащихъ предъ нимъ. Доколѣ плывешь при благопріятномъ вѣтрѣ, подавай руку потерпѣвшему кораблекрушенію; доколѣ наслаждаешься здоровьемъ и богатствомъ, помоги страждущему. Не дожидай-

ся того, чтобы узнать изъ собственнаго опыта, какое великое зло есть безчеловѣчiе, и какое великое благо есть сердце отверстое терпящимъ нужду. Не желай дожить до того, чтобы Богъ вознесъ руку Свою (Пс. 73, 3.) на возносящихъ выю свою и пренебрегающихъ убогихъ. Вразумись чужими бѣдами. Дай хоть самую малость бѣдному: и то не будетъ малостью для того, кто во всемъ нуждается, и для самаго Бога, если подаванiе будетъ по силѣ. Вмѣсто великаго дара принеси усердiе. Ничего не имѣешь? Утѣшь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто отъ души пожалѣетъ о немъ; несчастiе много облегчается искреннимъ соболѣзнованiемъ. Ты, человѣкъ, не долженъ считать человѣка хуже животнаго, которое законъ велитъ тебѣ поднять, когда оно упадетъ въ ровъ, или привести къ хозяину, когда заблудится (Исх. 23, 4. 5. Второзак. 22, 4.). Не скрывается ли въ семъ повелѣнiи и другой, таинственный и глубочайшiй смыслъ, подобно какъ и во многихъ изреченiяхъ закона, отличающихся глубиною и двузнаменательностию, не мнѣ проникать въ это, а все испытующему и все знающему Духу. Я же, — сколько понимаю сiе, и сколько относится то къ моему слову, — скажу, что здѣсь законъ имѣетъ цѣлю — отъ милосердiя къ тварямъ молозначущимъ возвести насъ къ милосердiю совершеннѣйшему и важнѣйшему. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обязаны и къ безсловеснымъ быть милостивы, то сколь же велика должна быть любовь наша къ тѣмъ, кои одного съ нами рода и достоинства? Такъ учатъ насъ и разумъ, и законъ, и справедливѣйшiе изъ людей, которые полагаютъ,

что лучше благотворить, нежели принимать благодаренія, и что милость дороже корысти.

Чтожь сказать о нашихъ мудрецахъ? — Я не говорю объ язычникахъ, которые, выдумывая боговъ — защитниковъ страстей, и Кердою (е) воздаютъ величайшія почести, и, что еще хуже того, поставляютъ закономъ (какъ это видимъ у нѣкоторыхъ народовъ), закалать людей въ жертву нѣкоторымъ изъ демоновъ, такъ что безчеловѣчіе входитъ у нихъ въ составъ богопочитанія, и такими жертвами какъ сами услаждаются, такъ и богамъ своимъ думаютъ доставить удовольствіе — злые жрецы и тайнослужители злыхъ! — Но вотъ что особенно достойно оплакиванія: есть и между нашими собратіями люди, которые такъ далеки отъ соболѣзнованія и вспомошествованія страждущимъ, что даже не стыдятся жестоко укорять ихъ, нападаютъ на нихъ, придумываютъ пустыя и ничтожныя умствованія, *яко гласящій отъ земли* (Ис. 29, 4.), говорятъ на вѣтеръ, а не для слуха водимаго благимъ смысломъ и привыкшаго къ истинамъ божественнымъ. Они осмѣливаются такъ судить: «Богъ послалъ имъ несчастье, а намъ счастье. И кто я, чтобы смѣлъ нарушать опредѣленіе Божіе и показывать себя милостивѣе Бога? Пусть ихъ томятся, бѣдствуютъ, страдаютъ! Богу такъ угодно.» Въ семь только случаевъ и показываютъ они себя богочтителеми, гдѣ можно имъ сберечь свои деньги и храбриться надъ несчастными! Но въ самомъ дѣлѣ они и не

Mercurію, покровителю корыстолюбів.

думаютъ, что ихъ благополучіе происходитъ отъ Бога, какъ это ясно видно изъ словъ ихъ: Ибо станеть ли разсуждать подобно имъ о бѣдныхъ тотъ, кто признаеть Бога подателемъ всего, чѣмъ онъ владѣеть? Кто дѣйствительно имѣеть что-нибудь отъ Бога; тотъ и употребляетъ, что имѣеть, согласно съ волею Божіею. Съ другой стороны еще неизвѣстно и то, чтобы на бѣдныхъ всегда насылалъ страданія самъ Богъ; потому что и тѣлесное вещество, находящееся безпрестанно въ какомъ-то теченіи, можетъ само по себѣ быть причиною разстройствъ. И почему кто знаетъ, что одинъ наказывается за порочную жизнь, а другой возвышается, какъ достойный похвалы? А можетъ-быть и наоборотъ—сей возвышается именно потому, что онъ худъ; а тотъ подвергается искушенію за свою добродѣтель; сей выше возносится, чтобы и упасть сильнѣе, ему попускается напередъ обнаружить, какъ нѣкую болѣзнь всю свою порочность, дабы тѣмъ справедливѣе было наказаніе, имѣющее его постигнуть; а тотъ и сверхъ ожиданія угнетается, дабы, искусившись *яко злато въ горниль* (Прем. Сол. 3, 6.), очиститься и отъ малѣйшей, какая еще оставалась въ немъ, примѣси зла (ибо никто, по естественному рожденію, не бываетъ совершенно *чистъ отъ скверны*, какъ это слышимъ мы изъ Писанія. (Иов. 14, 4.), и явиться еще болѣе достойнымъ, такъ какъ и сію тайну нахожу я въ Божественномъ Писаніи (Прем. Сол. 3, 5.). Продолжительно было бы исчислять всѣ глаголы Духа, сюда относящіяся. И кто изочтетъ песокъ морскій, и капли дождя и глубину бездны (Ис. Сир. 1, 2. 3.)?

Равнымъ образомъ кто можетъ во всемъ изслѣдовать глубину премудрости Бога, которою Онъ и сотворилъ все, и управляетъ всѣмъ такъ, какъ хочетъ и какъ знаетъ? Довольно для насъ, по примѣру божественнаго Апостола, удивляться только ей и почитать молчаніемъ непостижимую и неудобозримую глубину ея. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его* (Рим. 11, 33). *И кто уразумѣтъ умъ Господень* (Ис. 40, 13.)? *Или въ послѣднія премудрости Его кто достигше, какъ говоритъ Іовъ (11, 7.)? кто премудръ, и уразумѣтъ сія* (Ос. 14, 10.), и кто отважится то, что выше всякой мѣры, измѣрять соображеніями удобопостижимыми? Итакъ пусть кто-нибудь будетъ на это смѣлъ и отваженъ, а лучше, если бы никто. Я же ни наказаній въ здѣшней жизни не осмѣлюсь относить во всякомъ случаѣ къ пороку, ни спокойнаго состоянія—къ добродѣтели. Правда, бываетъ и здѣсь такое мздовоздааніе, и конечно для нѣкоторыхъ полезныхъ цѣлей, дабы съ одной стороны бѣдствія злыхъ людей останавливали стремленіе порока, а съ другой благоденствіе добрыхъ облегчало путь добродѣтели: но это бываетъ не всегда и не вполнѣ. Полное мздовоздааніе принадлежитъ единственно будущей жизни, гдѣ одни получаютъ награды за добродѣтель, а другіе — наказанія за порокъ. *Востанутъ бо, сказано, сіи въ воскрешеніе живота, сіи же въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5, 29.). А для настоящей жизни другой законъ, другое веденіе.

Впрочемъ и въ настоящей жизни все направлено

къ будущей. И что кажется намъ неровнымъ, безъ сомнѣнія, изравнивается у Бога. Подобно сему въ тѣлѣ есть части выдавшіяся и впалыя, великія и малыя, также на землѣ есть мѣста возвышенныя и низкія; но все сіе, во взаимномъ соотношеніи, образуетъ и представляетъ нашимъ взорамъ прекрасное цѣлое. Равно и у художника, сначала нестройное и неровное вещество, потомъ является весьма искусно обдѣланнымъ, когда изъ него устроится какое-нибудь произведеніе; послѣ чего и мы, увидѣвъ это произведеніе въ совершенной красотѣ его, понимаемъ и признаемъ искусство художника. Такъ не будемъ же почитать Бога такимъ несовершеннымъ художникомъ, каковы мы; не будемъ находить неуройства въ управленіи міромъ, потому единственно, что намъ неизвѣстенъ образъ управленія. Но мы, — если нужно представить въ подобіи состояніе нашего духа, — мы не много отличаемся отъ людей, страждущихъ на кораблѣ тошнотою и головокруженіемъ, которые, кружась сами, думаютъ, что и все кружится. Точно таковы тѣ, о которыхъ мы говоримъ. Они не хотятъ, чтобы Богъ былъ мудрѣе ихъ, когда у нихъ кружится голова отъ недоумѣнія о какомъ нибудь происшествіи. Вмѣсто того, чтобы или самимъ потрудиться въ изысканіи причины онаго, въ той надеждѣ, что можетъ-быть трудолюбивому исканію подается истина, или посоветоваться о семъ съ людьми, которые мудрѣе и духовнѣе ихъ (такъ какъ и мудрость есть одно изъ дарованій, и *не во всѣхъ разумъ*. 1 Кор. 8, 7.), или чистотою жизни уловить вѣдѣніе и поискать премудрости у ис-

тинной Премудрости; они — какое невѣжество! — хватаются за то, что ближе къ рукамъ, клеветуютъ, будто все въ мірѣ дѣлается безъ причины, потому только, что сами ея не видятъ, и такимъ образомъ отъ своего невѣжества дѣлаются мудрецами, или отъ излишней, такъ сказать, мудрости, становятся лишенными мудрости и несмысленными. Отъ-того нѣкоторые ввели счастье и самослучайность (ж), — такой вымыслъ, который подлинно только на удачу и какъ случилось слѣзленъ. Другіе придумали какое-то неразумное и неотклонимое владычество звѣздъ (з), которыя по своему произволу сплетаютъ, или, лучше сказать, невольно принуждены сплестать судьбу нашу; придумали соединенія и противостоянія какихъ-то блуждающихъ и неблуждающихъ тѣлъ небесныхъ, и владычествующее надъ всѣмъ міромъ движеніе. Иные, поколику не могли постигнуть и познать самого Промысла, внесли въ бѣдный родъ человѣческой свои мечты, какія кому воображались (и), и раздробили это на различныя мнѣнія и наименованія. Были и такіе, которые Промыслъ представляли слишкомъ бѣднымъ (і), и рапространивъ управленіе Его только на то, что выше насъ, не осмѣлились низвести Его до насъ, болѣе всего имѣющихъ въ Немъ нужду, какъ будто боясь того, чтобы Благодѣтеля не показать слишкомъ благимъ, когда будетъ слишкомъ много су-

(ж) Емпедоклъ, Епигуръ.

(з) Халдеи.

(и) Мисологъ.

(і) Аристотель.

ществъ, пользующихся Его благодѣянiями, или что-бы не утомить Бога множествомъ благодѣяній. — Но оставимъ сихъ безумцевъ, — какъ я уже и сказалъ, — самимъ себѣ; поелику еще прежде насъ хорошо отразило ихъ слово Божiе симъ приговоромъ: осуетися *неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, обзюродѣша, и измѣниша славу нетлѣннаго Бога* (Рим. 1, 21—23.), исказивъ какими-то баснями и тѣнями всеобъемлющiй Промысль. Мы же, если только, какъ существа разумныя и служители Слова, внимаемъ разуму, — не должны ни сами придумывать подобныхъ чудовищныхъ мнѣнiй, ни принимать людей, которые такъ думаютъ, сколько бы ни былъ оборотливъ языкъ ихъ въ составленiи нелѣпыхъ умствованiй и ученiй, и сколько бы ни была обольстительна новость ихъ вымысловъ. Напротивъ мы должны вѣровать, что есть Богъ Творецъ и Создатель всѣхъ существъ: ибо какъ могла бы и существовать вселенная, если бы кто не осуществилъ ее и не привелъ въ стройный составъ? — должны вѣровать, что есть Промысль все содержащiй и все связывающiй въ мiрѣ: ибо для тѣхъ существъ, для которыхъ необходимъ Творецъ, необходимъ вмѣстѣ и Промыслитель; иначе мiръ, носимый случаемъ, какъ вихремъ корабль, долженъ бы былъ по причинѣ беспорядочныхъ движенiй вещества, мгновенно разрушиться, рассыпаться и возвратиться въ первоначальный хаосъ и неустройство. Мы должны также вѣровать, что нашъ Творецъ, или Зиждитель (все равно, тѣмъ ли, или другимъ именемъ назовешь Его) особеннымъ образомъ печется о нашей участи, хотя жизнь наша и прово-

дится среди различныхъ противностей, коихъ причины для того можетъ-быть и остаются не извѣстными, чтобы мы, не постигая ихъ, тѣмъ болѣе удивлялись надъ всеѣмъ возвышенному Уму. Ибо все, что мы легко понимаемъ, легко и пренебрегаемъ; а напротивъ, что выше насъ, то, чѣмъ неудобопостижимѣе, тѣмъ больше возбуждаетъ въ насъ удивленіе; и все, что убѣгаетъ отъ нашего желанія, тѣмъ самымъ воспаляетъ къ себѣ сильнѣйшую любовь.

Посему не будемъ ни слишкомъ высоко цѣнить во всякомъ случаѣ здоровье, ни слишкомъ оуждать болѣзнь; не будемъ прилѣпляться къ скороутекающему богатству (Пс. 61, 11.), и болѣе надлежащаго прилагать къ сему потоку свое сердце, тратя на сіе, такъ сказать, нѣчто изъ существа души нашей. Не будемъ возставать и противъ бѣдности, какъ противъ доли заслуживающей презрѣніе, проклятіе и ненависть. Научимся лучше и презирать безумно употребляемое здоровье, котораго плодъ—грѣхъ, и уважать благочестиво переносимую болѣзнь, почитая тѣхъ, которые страданіемъ приобрѣли побѣду: почему знать, не кроется ли между болящими какой-нибудь Іовъ, который несравненно болѣе достоинъ чести, чѣмъ здоровые, хотя и соскребаютъ съ себя гной, и томится день и ночь подъ открытымъ небомъ, страдая и отъ язвъ, и отъ жены, и отъ друзей. Научимся отметать и неправедное богатство, за которое праведно *страждетъ въ пламени* (Лук. 16, 24.) богачъ, прося для прохлажденія себя, малой капли воды; и вмѣстѣ ублажать благодарную и любомудрую бѣдность, съ которою

Лазарь спасается и богато награждается упокоеніемъ въ нѣдрахъ Авраама.

Такимъ образомъ челоѣколюбіе и благосердіе къ бѣднымъ, кажется, нужно намъ и для того, чтобы заградить уста неправо мыслящихъ объ ономъ, и не уступать суетнымъ ихъ мудрованіямъ, кои мы теперь разсматривали, то-есть не обращать жестокости въ законъ на вредъ самимъ себѣ. Но всего болѣе почтимъ здѣсь заповѣдь и увѣщанія слова Божія. Какая же это заповѣдь? Посмотрите, какъ постоянно внушаютъ ее мужи боговдохновенные, и какъ она близка къ ихъ сердцу. Не такъ они возвѣщаютъ ее, чтобы разъ, или два поговорили что-нибудь о бѣдныхъ, и потомъ отступились; не такъ, чтобы одни упоминали о милосердіи, а другіе нѣтъ, или нѣкоторые говорили о немъ больше, а другіе меньше, какъ будто бы оно не было важнымъ и крайне нужнымъ предметомъ. Нѣтъ, они всѣ, и каждый въ особенности, почитая сію заповѣдь главною, или одною изъ главныхъ, съ ревностію побуждаютъ насъ къ исполненію ея, то увѣщаніями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердымъ, и все сіе для того, чтобы непрестанными напоминаніями о сей заповѣди усилить ея дѣйствіе въ сердцахъ нашихъ. Сказано: *страсти ради нищихъ, и воздыханія убогихъ, иишь воскресну, глаголетъ Господь* (Псал. 11, 6.). Кто же не убоится встающаго Господа? И въ другомъ мѣстѣ: *воскресни Господи Боже мой, да вознесетъ рука Твоя; не забуди убогихъ* (Псал. 9, 33.). Отклонимъ молитвою такое возвышеніе руки Божіей, и не пожелаемъ видѣть ее возносимую на

непокорныхъ , или, что еще тягостнѣе, наводимую на жестокосердыхъ. И еще: *не забудь званія убогихъ; не до конца забвень будетъ нищій* (ст. 13. 19.); *очи Его на нищаго призираеть* (Псал. 10, 4.): а такое прпзрѣніе лучше и превосходитѣе, нежели приникновеніе вѣждей. *Въжди же Его испытаетъ сыны человеческія*, что есть уже какъ-бы низшее и второстепенное назираніе. Но можетъ-быть скажетъ кто-нибудь, что здѣсь говорится о нищихъ и убогихъ, неправедно притѣсняемыхъ. Не спорю: но и это самое должно побудить тебя къ челоуѣколюбію. Если такъ много печется Господь о бѣдныхъ, когда ихъ обижаютъ; то конечно еще болѣе наградить тебя за нихъ, когда они получаютъ отъ тебя благодѣянія. Если *ругайся убогому, раздражаетъ Сотворшаго его* (Притч. 17, 5.); то пекущійся о твореніи чтить Творца. Опять, когда ты слышишь слова: *нищъ и богатъ срътоста другъ друга: обоихъ же Господь сотвори* (Притч. 22, 2.); то не думай, будто Господь сотворилъ одного нищимъ, а другаго богатымъ, для того, чтобы ты еще больше могъ нападать на нищаго: ибо неизвѣстно, отъ Бога ли произошло такое раздѣленіе. Въ сихъ словахъ Писанія показывается только то, что и нищій и богатый равно созданы Богомъ, хотя и неодинакова внѣшняя ихъ участь. Пусть это подвигнетъ тебя къ состраданію и братолюбію, и еслибъ когда, при взорѣ на свое богатство, ты возгордился, то пусть мысль о общемъ Создателѣ смиритъ тебя и введетъ въ предѣлы скромности. Что-жъ еще? *Милуй нища, взаимъ даетъ Богу* (Притч. 19, 17.). Кто не пожелаетъ имѣть такого

должника, который отдасть долгъ во время свое съ лихвою? И опять: *милостынями и върами очищаются грѣхи* (Притч. 15, 27.). И такъ очистимъ себя милосердіемъ, отремъ симъ прекраснымъ лакомъ нечистоты и скверны душевныя, и убѣлимся одни, какъ волна, другіе, какъ снѣгъ (Ис. 1, 18.), по мѣрѣ благосердія нашего!

Скажу нѣчто еще болѣе поразительное. Если у тебя нѣтъ ни сокрушенныхъ членовъ, ни струпа, ни язвы, ни раны палящіяся (Ис. 1, 6.), нѣтъ никакой проказы душевной, или осязаемаго знаменія, или блеска (Лев. 13, 2.), что только отчасти очищаетъ законъ, и что можетъ исцѣлить одинъ Христосъ: то тѣмъ не менѣе почти Того, Кто претерпѣлъ за насъ язвы и болѣзни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивымъ и человеколюбивымъ къ члену Христову. Если же разбойникъ и мучитель душъ нашихъ, или на пути твоёмъ изъ Иерусалима въ Иерихонъ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, напавъ на тебя безоружнаго и неготоваго къ оборонѣ, до того можетъ-быть изранилъ тебя, что ты долженъ сказать: *возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего* (Ис. 37, 6.); если ты въ такомъ состояніи находишься, что ни уврачеванія не ищешь, ни средства къ исцѣленію твоему не знаешь: ахъ! это уже подлинно великая язва и крайнее бѣдствіе. Но когда ты еще не вовсе предался отчаянію и не сдѣлался совершенно неисцѣлимымъ: прибѣги ко Врачу, умолай Его, лечи язвы язвами, привлеки подобное подобнымъ, или лучше сказать, меньшими средствами уврачуй большія болѣзни. И Онъ речетъ *душъ твоихъ: спасеніе твое есмь Азъ* (Ис. 34, 3.);

скажетъ: *вѣра твоя спасе тя* (Лук. 7, 50.); *се здравъ еси* (Іоан. 5, 14.), и утѣшитъ тебя всею сладостію глаголовъ челоуѣколюбія, если только увидитъ, что и ты челоуѣколюбивъ къ болѣзнующимъ.

Блаженни, говоритъ Онъ, милостивии, яко *тѣмъ помиловани будутъ* (Матѹ. 5, 7.): видишь, что между блаженствами не послѣднее мѣсто занимаетъ милость.—Также: *блаженъ разумѣвая на нища и убога* (Пс. 40, 1.); *благъ мужъ щедра и дая* (Пс. 111, 5.); *весь день милуетъ и взаимъ дсетъ праведный* (Пс. 36, 26.). Восхитимъ же блаженство, заслужимъ наименованіе *разумѣвающихъ*, содѣлаемъ *благими*; самая ночь да не прерветъ дѣлъ милосердія. *Не рцы: отшедъ возвратися, и завтра дамъ ти* (Притч. 3, 28.). Не допускай ни малѣйшаго промежутка между *благимъ намѣреніемъ* и *благодѣаніемъ*. Вотъ одно, что не терпитъ отсрочки, — челоуѣколюбіе. *Раздробляй алчущему хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой* (Ис. 58, 7.); и все сіе дѣлай радушно. *Милуй*, сказано, *съ добрымъ изволеніемъ* (Рим. 12, 8.); такимъ образомъ готовность твоя усугубитъ цѣну добраго твоего дѣла. Ибо, что дѣлается съ печалію, или по нуждѣ, то не можетъ быть приятнымъ и изящнымъ; оказывая *благодѣанія*, должно радоваться, а не сѣтовать. *Аще отъймеша отъ себя союзъ и рукобіеніе*, то-есть мелкую расчетливость, развѣдыванія и сомнѣнія, и *глаголъ роптанія*; что будетъ тогда? Какое чудное и великое воздаяніе! Какая и сколь богатая награда! *Разверзется рано свѣтъ твой, и исцѣленія твоя скоро возсіяютъ*

(Ис. 58, 9. 8.). Кто же не пожелаетъ себѣ свѣта и исцѣленія?

Но съ такимъ же благоговѣніемъзираю я и на *ковчежеецъ* Христовъ (Іоан. 12, 6.), побуждающій насъ къ питанію нищихъ; и на согласіе Павла и Петра въ томъ, что они, раздѣливъ между собою проповѣдь Евангелія, общими силами пеклись о бѣдныхъ; и на указанный юношѣ предѣлъ и законъ совершенства: *имѣніе твое даждь нищимъ* (Матѹ. 19, 21.). Не думаешь ли ты, что челоуѣколюбіе есть для тебя не необходимость, а дѣло произвола, не законъ, а совѣтъ? Я и самъ весьма желалъ бы такъ думать; но меня утрашаютъ: лѣвая сторона и козлища, и укоризны, кои услышатъ они отъ Поставившаго ихъ ошуюю. Они осуждены будутъ не за грабительство, не за святотатство, не за прелюбодѣяніе, или другіе грѣхи, запрещенные закономъ, а за то, что не послужали Христу въ лицѣ бѣдныхъ.

И такъ, ежели вы, рабы и братія и сонаслѣдники Христа, сколько-нибудь имѣете ко мнѣ послушанія, то доколѣ еще есть время, постѣтимъ Христа, послужимъ Христу, напитаемъ Христа, одѣнемъ Христа, примемъ Христа, почтимъ Христа—не только трапезою, какъ нѣкоторые; не мастью благовонными, какъ Марія; не гробомъ только, какъ Іосифъ Аримаѣейскій; не веществами нужными при погребеніи, какъ Никодимъ, въ-половину только показавшій любовь свою ко Христу; не златомъ, ливаномъ и смирною, какъ еще прежде—Волхвы: но поелику Владыка всяческихъ *милости хощетъ, а не жертвы* (Матѹ. 9, 13.), и милосердіе дороже

темъ тучныхъ агнцевъ (Дан. 3, 40.), то сіе-то милосердіе и принесемъ Ему въ лицѣ бѣдныхъ и долу влачащихся нынѣ, дабы тогда, какъ мы отъидемъ отсель, они приняли насъ *въ вѣчныя кровы* (Лук. 16, 9.), въ самомъ Христѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки, аминь.

С Л О В О 15,

**ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПРИСУТСТВІИ ОТЦА , КОТОРЫЙ
ВЕЗМОДВСТВОВАЛЪ ОТЪ СКОРБИ, ПОСЛѢ ТОГО КАКЪ
ГРАДЪ ОПУСТОШИЛЪ ПОЛЯ.**

Для чего разстроиваете достохвальный порядокъ (а)? Для чего принуждаете говорить языкъ покорный закону? Для чего вызываете слово непротивоборствующее духу? Для чего, оставивъ главу, обращаетесь къ ногамъ? Для чего, миновавъ Аарона, приходите къ Елеазару? Я не согласенъ, чтобы источникъ былъ загражденъ, а ручей текъ, чтобы солнце скрылось, а звѣзда сіяла, чтобы сѣдина уступила, а юность давала законы, чтобы мудрость умолкла, а неопытность величалась. Безъ сомнѣнія, большой дождь не полезенъ малаго; одинъ силенъ, смываетъ землю и во всемъ вредитъ земледѣльцу, а другой идетъ тихо, проникаетъ въ глубину, утучняетъ ниву, приноситъ пользу оратаю, питаетъ колосья во время созрѣванія плода. Такъ и обильное слово не полезно мудраго; доставивъ можетъ быть нѣсколько удовольствія, оно улетаетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ колебаніемъ воздуха, не производя

(а) Т. е. чтобы дѣти не учили въ присутствіи родителей.

ничего больше, и только очаровываетъ красносло-
виемъ плѣняющійся имъ слухъ; а мудрое слово
проникаетъ въ умъ, расширивъ уста, исполняетъ
ихъ духомъ, переживаетъ свое рожденіе, и не мно-
гими слогами воздѣлываетъ многое. Не говорю еще
объ истинной и первой мудрости, въ которой пре-
имуществоуетъ дивный сей дѣлатель и пастырь (б).

Первая мудрость есть жизнь похвальная, очищен-
ная, или очицаемая, для Пречистаго и Пресвѣтлаго
Бога, Который требуетъ отъ насъ одной жертвы —
очищенія, — жертвы, обыкновенно называемой въ
Писаніи *сердцемъ сокрушеннымъ* (Пс. 50, 19.),
жертвою хвалы (Пс. 49, 14. 23.), *новою о Хри-
стѣ тварію* (Гал. 6, 15.), *новымъ челоукомъ*,
(Еф. 4, 24.), и тому подобно. Первая мудрость
презирать ту мудрость, которая состоитъ въ од-
нихъ словахъ и оборотахъ рѣчи, въ обманчивыхъ
и излишнихъ противоположеніяхъ. Лучше мнѣ пять
словъ сказать въ Церкви съ разумомъ, нежели ты-
сячи однимъ языкомъ (1 Кор. 14, 13.) и невразу-
мительнымъ звукомъ трубы, который не возбуж-
даетъ моего воина къ духовной брани. Я хвалю и
лобызаю ту мудрость, которою прославились не-
знатные, для которой предпочтены униженные,
съ которою рыбаки уловили въ сѣти Евангелія всю
вселенную, побѣдивъ упраздняемую мудрость сло-
вомъ совершеннымъ и сокращеннымъ (Рим. 9, 28.).

(б) Т. е. отецъ Св. Григорія, Епископъ Назіанзскій. Къ нему
же Григорій и далѣе нѣсколько разъ обращается въ своемъ
словѣ.

Не тотъ для меня мѹдрецъ, кто мудръ на словахъ, у кого оборотливъ языкъ, а душа не обучена, кто подобенъ гробамъ, которые снаружи благообразны и красивы, а внутри полны мертвыхъ костей и скрываютъ въ себѣ великое зловоніе, — но тотъ, кто хотя мало говорить о добродѣтели, однако же многое показываетъ на дѣлѣ, и жизнью удостоверяетъ въ словѣ. Для меня лучше красота видимая, нежели изображаемая словомъ, лучше богатство, которое уже въ рукахъ, нежели воображаемое во снѣ, лучше мудрость не словомъ блистающая, но свидѣтельствуемая дѣлами. Ибо сказано: *разумъ благу вѣсть творящимъ и* (Пс. 110, 10.), а не проповѣдующимъ. Самое вѣрное испытаніе сей мудрости — время, а истинный вѣнецъ хвалы — старость (Притч. 16, 31.). Ибо хотя не должно ублажать челоуѣка *прежде смерти* (Сир. 11, 28.), какъ думаю съ Соломономъ, — не извѣстно, *что родитъ находитъ день* (Прит. 27, 1.), потому что земная жизнь наша подвержена многимъ переворотамъ, и тѣло смиренія туда и сюда порывается и измѣняется: впрочемъ, кто провелъ большую часть жизни неукоризненно, и близокъ уже къ пристани сего общаго моря жизни, тотъ не безопаснѣ ли и не счастливѣ ли другихъ, которымъ предлежитъ далекое плаваніе?

Итакъ не заключай устъ, которыя вѣщали такъ много добраго, отъ которыхъ такъ много плодовъ и порожденій правды. Сколько отъ нихъ чадъ, какія отъ нихъ сокровища, возведи окрестъ очи твои и виждь! Весь народъ сей родилъ ты благоуѣствованіемъ во Христа! Не лишай насъ болѣе

своихъ полезныхъ , хотя и не многихъ словъ , не полагай начала близкой уже потери. Изреки слово, хотя краткое, но для меня любезное и весьма приятное, хотя не ощущаемое слухомъ, но познаваемое по тому духовному воплю, который Богъ слышитъ отъ безмолвствующаго Моисея, и бесѣдующему умно говорить : *что вопіеши ко Мнѣ* (Исх. 14, 15.)? Собери народъ сей для меня, твоего питомца, потомъ пастыря, а нынѣ первопастыря. Научи меня пастырству, народъ сей — благопокорности. Полюбомудрствуй о настоящемъ бѣдствіи , о судахъ Божіихъ праведныхъ , постигаемъ ли мы ихъ, или не знаемъ великой бездны: о томъ, какъ у Господа, по слову святаго Исаи, и *милость на мъртвѣхъ* (Ис. 28, 17.); потому что благодать Его не безрасчетна (хотя казалась такою начавшимъ ранѣ трудиться въ Виноградникѣ и не примѣтившимъ неравенства въ самомъ равенствѣ). Полюбомудрствуй о томъ, какъ гнѣвъ Божій, называемый *чашею въ руцѣ Господни* (Пс. 74, 9.) и *чашею паденія испиваемою* (Ис. 51, 17.), соразмѣряется съ грѣхами; потому что Господь, хотя у всѣхъ убавляетъ нѣчто изъ заслуженнаго имъ наказанія, и не растворенное вино гнѣва растворяетъ челоуѣколюбіемъ (Пс. 74, 9.); впрочемъ отъ строгости преклоняется на милость только для тѣхъ, которые вразумляются страхомъ, и отъ малой скорби *пріемлютъ во чрево* обращеніе, и *болѣтъ* имъ, и *раждаютъ* совершенный *духъ спасенія* (Пс. 74, 9.); а блюдетъ и безъ остатка *изливаетъ дрождіе*, то-есть конечный гнѣвъ на тѣхъ, которые не исцѣляются Его благодію, но еще ожесточаются, подобно тяжко-

сердому Фараону, обременяющему горькими работами и соблюденному въ показаніе силы Божіей надъ нечестивыми (Ис. 9, 16.). Скажи: отъ чего такіе удары и бичи? Гдѣ ихъ основаніе? Слѣдствіе ли это безпорядочнаго и неправильнаго движенія вселенной, неуправляемаго и неразумнаго теченія вещей, какъ будто нѣтъ надъ ними Правителя, и дѣло ли это случая, какъ думаютъ немудрые мудрецы, слѣпо увлекаемые безпорядочнымъ и темнымъ духомъ? Или все съ разумомъ и въ порядкѣ, какъ сначала произведено, прекрасно растворено, сокуплено и приведено въ движеніе по законамъ, извѣстнымъ единому Приведшему все въ движеніе, такъ и послѣ движется и измѣняется, управляемое браздами Промысла? Отъ чего неурожаи, тлетворные вѣтры, градъ, настоящее наше пораженіе и вразумленіе? Отъ чего порча въ воздухѣ, болѣзни, землетрясенія, волненія морей и небесныя явленія? Какъ тварь, созданная въ наслажденіе людямъ, сей общій и равный для всѣхъ источникъ удовольствій, обращается въ наказаніе нечестивыхъ, чтобы мы тѣмъ же самымъ, чѣмъ были почтены, и за что оказались неблагодарными, теперь вразумились и познали силу Божію въ злостраданіяхъ, когда не познали ея въ благотворныхъ дѣйствіяхъ? Какъ однимъ воздаются отъ руки Господни грѣхи сугубы (Иса. 40, 2.); и мѣра беззаконія восполняется симъ усугубленіемъ (чѣмъ и Израиль уцѣломудривается); а для другихъ грѣхи исчерпываются седмикратнымъ воздаяніемъ въ нѣдро ихъ (Ис. 78, 12)? И что значитъ мѣра Аморреевъ еще не исполнившаяся (Быт. 15, 16.)? Какъ грѣшникъ или

оставляется безъ наказанія можетъ-быть потому, что блюдетъ для будущаго, или наказывается опять для того, чтобы ему уврачеваться здѣсь? И какъ праведникъ или злостраждеть, а чрезъ сіе можетъ-быть испытуетъ, или благоденствуетъ и тѣмъ охраняется, если онъ бѣденъ умомъ, и не очень возвысился надъ видимымъ, чему cadaго изъ насъ учить совѣсть, это домашнее и неложное судилище? Что значить постигшій насъ ударъ, и отъ чего онъ? Испытаніе ли это добродѣтели, или истязаніе за грѣхи? Но хотя бы и не было это наказаніемъ, лучше принять за наказаніе и смириться подъ крѣпкую руку Божію, нежели превозноситься смѣь, какъ испытаніемъ. Научи же сему и вразуми насъ, чтобы и не слишкѣмъ болѣзненъ былъ для насъ настоящій ударъ, и чтобы намъ не презрѣть его, впавъ во глубину золь (ибо и такимъ недугомъ страждутъ многіе), но чтобы благоразумно принять вразумленіе, и безчувственностію къ нему не навлечь на себя чего-либо бѣльшаго.

Ужасно видѣть безплодіе земли и погибель плодовъ, и притомъ въ какое время? когда уже плоды радовали надеждою и близки были къ собранію. Ужасно видѣть безвременную жатву; видѣть, какъ земледѣльцы скорбятъ о трудахъ, и, будто надъ мертвецами, сидятъ надъ стеблями, которые тихій дождь возрастилъ, а сильный пожалъ, съ которыхъ не исполни руки своя жней, и нѣдра своего рукояти собираай, надъ которыми не слышно было благословенія, какимъ привѣтствуютъ земледѣльцевъ *мимоходящии* (Пс. 128, 7. 8.). Жалкое зрѣлище—земля поруганная, остриженная, лишенная украшенія

своего! Сіе оплакиваетъ и блаженный Іоиль, трогательнѣе другихъ изобразившій опустошеніе земли и мучительность голода; оплакиваетъ и другой Пророкъ, противопологающій прежней красотѣ земли послѣдовавшее ея безобразіе. Разсуждая о гнѣвѣ Господа, опустошающаго землю, Пророкъ говоритъ: *предъ нимъ рай сладости, и создади поле пагубы* (Іоил. 2, 3.). Тягостно, чрезъ-мѣру тягостно сіе, доколѣ печалитъ одно настоящее, и не беспокоитъ ощущеніе другаго тягчайшаго удара, какъ и въ болѣзняхъ настоящее страданіе всегда болѣзненнѣе не наступившаго. Но и сего тягостнѣе то, что закличаютъ въ себѣ сокровищницы Божія гнѣва. Да не испытаете вы сего! И конечно не испытаете, если прибѣгнете къ милосердію Божію, слезами преклоните къ себѣ Того, Кто *милости хочетъ*, и остатокъ гнѣва отворотите отъ себя, обращеніемъ. Это — еще кротость и человѣколюбіе, снисходительное вразумленіе, первые удары пѣстуна, образующаго младенчество, это еще *дымъ гнѣва*, то-есть начало истязанія, а не *огнь воспламенившійся*, то-есть не самый верхъ гнѣва, не *угліе возгорѣвшееся*, то-есть не послѣдніе удары бича (Пс. 17, 9.). Богъ отчасти угрозилъ намъ, отчасти простеръ на насъ бичъ, отъ инаго удержался силою, иному подвергъ насъ, равно вразумляя и наказаніемъ и угрозою, и пролагая путь гнѣву Своему, Онъ, по преизбытку благости, начинаетъ съ меньшаго, чтобы не имѣть нужды въ большемъ. Но Онъ наказываетъ и большимъ, если бываетъ къ тому вынужденъ.

Знаю сіе *оружіе очищенное* (Пс. 7, 13.), сей *упивающійся мечъ на небеси* (Ис. 34, 5.), которому

повелѣно съць, *изничтожить*, обезчадить (Иезек. 21, 10.), не миловать ни плотей, ни мозговъ, ни костей. Знаю, что Безстрастный, *аки медвѣдица лишаема*, и *яко рысь*, встрѣчающая на пути *Ассириевъ* (Осіи 13, 7. 8.), не древнихъ только, но и всякаго, кто нынѣ Ассиріанинъ беззаконіемъ; и что не лѣзя убѣжать отъ крѣпости и скорости гнѣва Его, когда Онъ бодрствуетъ надъ нашими нечестіями, и когда враговъ Его преслѣдуетъ ревность, готовая *поести сопротивныя* (Евр. 10, 27.). Знаю сіе *истрясеніе и вострясеніе и воскипльнїе*, и *сердца сокрушеніе*, и *разслабленіе колѣнъ* (Наум. 2, 10.), и другія подобныя наказанія, постигающія нечестивыхъ. Не говорю уже о тамошнихъ судилищахъ, которымъ предаются пощаженные здѣсь; почему лучше здѣсь подвергнуться вразумленію и очищенію, нежели претерпѣть истязаніе тамъ, когда настанетъ время наказанія, а не очищенія. Ибо какъ выше смерти *поминай здѣсь Бога* (о чемъ прекрасно *любомудрствуетъ Давидъ*): такъ для отшедшихъ отсюда *нѣтъ исповѣданій и исправленія во адъ* (Пс. 6, 6.); *потому что Богъ ограничилъ время дѣятельной жизни здѣшнимъ пребываніемъ*, а *тамошней жизни предоставилъ изслѣдованіе сдѣланнаго*.

Что мы сотворимъ въ *день наведенія*, которымъ устрашаетъ одинъ изъ Пророковъ (Иса. 10, 3. Сир. 2, 2.), или въ день состязанія Божія съ нами (на горахъ ли и холмахъ оно будетъ, какъ мы слышали (Мих. 6, 2.), или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, и какимъ-ни-есть образомъ); когда Богъ будетъ обличать насъ, Самъ противостанетъ намъ, по-

ставить предъ лицомъ нашимъ грѣхи наши, — сихъ тяжкихъ обвинителей, — когда полученныя нами благодаренія противоположить нашимъ беззаконіямъ, будетъ одно наше помышленіе поражать другимъ помышленіемъ, и одно дѣло осуждать другимъ дѣломъ, когда взыщеть съ насъ за то, что достоинство образа Его поругали и омрачили мы грѣхомъ, и наконецъ предасть насъ казни, послѣ того какъ обличимъ и осудимъ сами себя, и нельзя уже будетъ сказать намъ, что страждемъ несправедливо? Для страждущихъ здѣсь это служить иногда утѣшеніемъ въ осужденіи: но тамъ кто будетъ заступникомъ? Какой вымышленный предлогъ, какое ложное извиненіе, какая хитро-придуманная вѣроятность, какая клевета на истину обманеть судилище, и превратить судъ правый, гдѣ у всякаго кладется на вѣсы все — и дѣло, и слово, и мысль, гдѣ взвѣшивается худое съ добрымъ, чтобы тому, что перевѣситъ, и имѣть верхъ, и съ тѣмъ, чего больше, соображаться приговору, послѣ котораго не лзя ни перенести дѣла въ другое судилище, ни найдти высшаго судіи, ни оправдаться новыми дѣлами, ни взять елея для угасшихъ свѣтильниковъ у мудрыхъ дѣвъ или у продающихъ, послѣ котораго не помогаетъ раскаяніе богатаго, страждущаго во пламени и заботящагося объ исправленіи родныхъ, и не дается срока къ перемѣнѣ жизни? Напротивъ того судъ сей будетъ единственный, окончательный и страшный, а еще болѣе праведный, нежели страшный, или лучше сказать, потому и страшный, что онъ праведенъ. Тогда поставятся простолы, Ветхій денми сядеть, раскроются книги, потечеть рѣка

огненная, предстануть предъ взоры свѣтъ и тьма уготованная: и изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніе живота, который нынѣ сокровенъ во Христѣ, напоследокъ же съ Нимъ явится, а сотворшии злая въ воскресеніе суда (Іоан. 5, 29.), которымъ осудило уже неувѣровавшихъ судящее имъ слово (12, 48.). И первые наследуютъ неизреченный свѣтъ и созерцаніе святыхъ и царственныхъ Троицы, которая будетъ тогда озарять яснѣе и чище и всецѣло соединится со всецѣлымъ умомъ (въ чемъ единомъ и поставляю особенно царствіе небесное); а удѣломъ вторыхъ, кромѣ прочаго, будетъ мученіе, или вѣрнѣе сказать, прежде всего прочаго, — отверженіе отъ Бога и стыдъ въ совѣсти, которому не будетъ конца.

Все это будетъ послѣ. Что же теперь сотворимъ, братія, сокрушенные, униженные и упоенные не сикерою и не виномъ, которое разслабляетъ и омрачаетъ не надолго, но бѣдствіемъ, которое навелъ на насъ Господь сказавшій: *и ты сердце поколеблися и сотряснися* (Аввак. 2, 16.), и напоевающей духомъ скорби и сокрушенія презрителей, которымъ говорить: *видите презорливи, и смотрите, и чудитесь, и исчезните* (1, 5.)? Какъ стерпимъ Его обличеніе?—Или какой дадимъ отвѣтъ, когда сверхъ множества благодѣяній, за которыя мы не возблагодарили, съ укоризною укажетъ намъ и на сіи наказанія, исчислитъ врачевства, отъ которыхъ мы не исцѣлѣли, назоветъ насъ хотя чадами, но порочными, хотя сынами, но чуждыми и храмлющими по причинѣ непроходимости и стропотности путей своихъ, и скажетъ: «какъ и чѣмъ

надлежало вразумить васъ, и Я не вразумлялъ? Нужны ли были врачевства легчайшія? Онъ употреблены Мною. Миновалъ Я первую казнь Египетскую — кровь, которую Египтяне пили изъ источниковъ и рѣкъ и всякаго собранія водъ; миновалъ также и слѣдующія казни — жабъ и скиповъ и песіихъ мухъ, началъ же съ пятой казни — съ пораженія скотовъ, и воловъ, и овецъ, нанесъ ударъ безсловеснымъ, потому что щадилъ еще словесныхъ. Но на васъ не подѣйствовало сіе бѣдствіе; напротивъ того вы были предо Мною неразумнѣе и бессмысленнѣе пораженныхъ. *Удержавъ дождь отъ васъ. Часть едина надождися, и часть, на нюже не надождихъ, изше* (Амос. 4, 7.): но вы сказали: *укрѣпимся* (Іерем. 18, 12.). Я навелъ на васъ градъ, вразумляя противоположною казнію; пожалъ у васъ виноградники, роци и плоды, но и тѣмъ не сокрушилъ вашей злобы. *Вѣтъ, яко жестокъ еси, и жила желѣзна въя твоя* (Иса. 48, 4.); — такъ можетъ-быть скажетъ Онъ и мнѣ, котораго не исправляютъ сіи удары. — *Преступай преступаетъ, беззаконуй беззаконствуетъ* (Ис. 21, 3.); ничего не произвели и вразумленіе свыше и небесныя кары. *Осудъ мѣхъ отъ огня, истлъ олово, въ чемъ и прежде упрекалъ васъ чрезъ Іеремію, всеу ковачь сребро куеть, лукавства бо ваши не истаяша* (Іер. 6, 29.). Ужели стерпите гнѣвъ Мой? говоритъ Господь. Или рука Моя не сильна нанести новые удары? У Меня есть еще и гнойныя струны, *горящія отъ пепела пещнаго* (Исх. 9, 9.), который разсыпалъ къ небеси Моисей, или другой подобный ему служитель гнѣва Божія, и нака-

зуетъ Египетъ болѣзнію. У Меня есть и саранча, и тьма осызаемая, и казнь послѣдняя въ порядкѣ, но первая по тяжести и силѣ, — поражение и гибель первородныхъ.»

Во избѣжаніе оной и въ отвращеніе всегубителя, лучше помазать намъ праги ума, то-есть созерцаніе и дѣятельность, сею великою и спасительною печатію — кровію Новаго Завѣта, вмѣстѣ со Христомъ распявшись и съ Нимъ умерши, чтобы съ Нимъ и совозстать и прославиться нынѣ и въ послѣднее Его явленіе, а не изнемогать, не сокрушаться, и не плакать, когда безвременно и еще въ этомъ темномъ житіи поразить насъ лукавый губитель первородныхъ и посвященныхъ Богу порожденій и движеній жизни нашей. О если бы мнѣ отъ Благаго, Который идетъ ко мнѣ *въ ярости* *страною* (Лев. 26, 24.), потому что и я ходилъ предъ Нимъ *страною*, кромѣ другихъ ударовъ, не получить и сего упрека: *побихъ вы златеницею, раждеженіемъ, желтленицею*, и все сіе ни во что; *отвнѣ обезчуди вы мечь*, и ниже тако обратитесь ко Мнѣ, глаголетъ Господь (Пл. Іер. 1, 20. Амос. 4, 9. 10.)! О, если бы мнѣ не стать тѣмъ виноградникомъ Возлюбленнаго (Ис. 5, 1.), который былъ насажденъ и окопанъ, обнесенъ оградою, защищенъ башнею и всѣмъ, чѣмъ только можно, но запустѣлъ, и *сотвори терніе*, а за сіе оставленъ, такъ что и башня разрушена въ немъ, и огражденіе отнято, и онъ не обрѣзывается и не вскапывается, а предается всѣмъ на разграбленіе, всякое поруганіе и пограніе! Сего я боюсь, о семъ у меня слово, о семъ я болѣзную при настоящемъ пораже-

ніи, и такую возношу молитву (которую и присо-
вокуплю къ сказанному): *согрѣшихомъ, беззакон-*
новахомъ, нечествовахомъ (Дан. 5, 9.); потому
что забыли заповѣди Твои, и ходили въ слѣдъ лу-
каваго сердца своего; потому что жили недостой-
но званія и благовѣствованія Христа Твоего, и свя-
тыхъ Его за насъ страданій и истощанія; потому
что сдѣлались поношеніемъ для Возлюбленнаго Тво-
его. И священникъ и народъ погрѣшили въ од-
номъ: *еси уклонишася, купль непотребни быша.*
Нпсть творай судъ и правду, — нпсть до одина-
го (Пс. 52, 4.). Щедроты Твои и челоѣколюбіе
Твое и милостивую утробу Бога нашего заключили
мы для себя своими пороками, лукавствомъ начи-
наній своихъ. Ты благъ, а мы поступали беззакон-
но; Ты долготерпѣливъ, а мы достойны наказанія.
Признаемъ благодѣтельность Твою, при всемъ своемъ нера-
зуміи. Еще за не многіе грѣхи свои понесли мы
наказаніе. Ты *страшенъ еси, и кто противоста-*
нетъ Тебѣ (Пс. 75, 8.)? Отъ Тебя вострепещутъ
горы, и величію мышцы Твоей кто воспротивится?
Если заключишь небо, кто отверзетъ? и если рас-
творишь водохранилища Твоя, кто удержитъ? Удоб-
но есть предъ очами Твоими *убожить и богатить,*
жить и мертвить (1 Цар. 2, 6. 7.), поражать
и исцѣлять; Твое изволеніе есть уже совершенное
дѣйствіе. Ты *разгнѣвался еси, и мы согрѣшихомъ*
(Ис. 64, 5.), исповѣдуется нѣкто изъ древнихъ; а
мнѣ теперь должно сказать наоборотъ; мы согрѣ-
шили, и Ты разгнѣвался. Отъ-сего *быхомъ поноше-*
ніе сосѣдомъ нашимъ (Пс. 78, 4.). Ты отвратилъ
отъ насъ лице Свое, и мы исполнились безчестія.

Но престани Господи (Амос. 7, 5.), ослаби Господи (Пс. 38, 14.), очисти Господи (Дан. 9, 19.), не предай насъ до конца за беззаконія наши, и не насъ поражая, вразумляй другихъ, когда сами можемъ уцѣломудриться, видя наказанными другихъ! Кого же увидимъ наказанными? Язычниковъ, незнающихъ Тебя, — и царства, непокорившіяся державѣ Твоей. А мы народъ Твой, Господи, и жезлъ наслѣдія Твоего; посему *накажи насъ, обаче въ благодсти, а не въ ярости Твоей, да не умаленыхъ насъ сотвориши* (Иер. 10, 24.), и да не уничижишь предъ всѣми живущими на землѣ.

Такими словами привлекаю милость. А если бы всесоженіями и жертвами можно было утолить гнѣвъ, то не пожалѣлъ бы и сего. Но вы и сами подражайте уstraшенному священнику. Ей, чада возлюбленныя, ей, участвующіе со мною и въ наказаніи и въ челоуѣколюбіи Божиѣмъ! Спасите души свои слезами, остановите гнѣвъ, исправивъ начинанія свои, *освятите постъ, проповѣдите цѣльбу*, какъ повелѣваетъ вамъ съ нами блаженный Іоилъ, *соберите старпйшины, младенцы сосущія сосцы — сей жалкій возрастъ, особенно достойный Божія челоуѣколюбія* (Іоил. 2, 15. 16.). Знаю, что тоже заповѣдано и мнѣ, служителю Господню, и вамъ удостоеннымъ сей же чести: *внити во вретнщахъ, битися день и ночь между степенями жертвенника* (Іоил. 1, 13. 2, 17.), и въ жалкомъ видѣ еще болѣе жалостнымъ голосомъ неотступно вопіять о себѣ и о народѣ, не щадя ни труда, ни слова, ни всего, чѣмъ только умилостивляется Богъ, *зывать: пощади, Господи, люди Твоя, и не даждь достоя-*

нія Твоего на укоризну (Іоил. 2, 17.) и такъ да-
лѣ; тѣмъ большей предаться скорби, чѣмъ выше
наше достоинство, чтобы своимъ примѣромъ на-
учить народъ сокрушенію, и исправленію порочной
жизни, за которыми слѣдуетъ Божіе долготерпѣніе
и прекращеніе наказанія. Итакъ *приидите* всѣ, бра-
тія, *поклонимся и припадемъ, и восплачемъ предъ*
Господемъ, сотворшимъ насъ (Пс. 94, 6.); соста-
вимъ общій плачъ, раздѣлившись по возрастамъ и
подамъ. Возвысимъ гласъ моленія во уши Господа
Саваоа, вмѣсто ненавистнаго Ему вопля (Быт. 19,
13.). Предваримъ гнѣвъ Его исповѣданіемъ; и какъ
видѣли Его разгнѣваннаго, такъ пожелаемъ видѣть
умилостивленнымъ.

Но скажешь: кто знаетъ, что Онъ *обратится* и
раскается (1 Цар. 15, 29.) и оставитъ благосло-
веніе? Достоверно знаю сіе я—споручникъ Божія
человѣколюбія, — знаю, что, оставивъ гнѣвъ, ко-
торый Ему противоестественъ, дастъ Онъ мѣсто
милости, которая Ему естественна. Къ гнѣву при-
нуждаемъ Его мы, а къ милости Самъ Онъ стре-
мится. И если біеть принужденно, то ужели не
помилуетъ, слѣдуя своему естеству? Помилуемъ
только сами себя, открывъ путь праведному благо-
утробію Отца. Посѣемъ слезами, да радостію по-
жнемъ (Пс. 125, 5.). Будемъ Ниневитянами, а не
Содомлянами. Уврачуемъ грѣхъ, чтобы со грѣхомъ
не погибнуть. Послушаемъ Іониной проповѣди,
чтобы не потопилъ насъ огонь и жупель. И если
вышли мы изъ Содома, то пойдѣмъ на гору, убъ-
жимъ въ Сигоръ, взойдемъ туда съ восходящимъ
солнцемъ; не будемъ останавливаться во всемъ пре-

дѣль, не будемъ *озираться* (Быт. 19, 17.), чтобы не отвердѣть въ сланой столпъ, — столпъ подлинно безсмертный, обличающій душу, обращающуюся къ злу.

Знаемъ, что вовсе не грѣшить — дѣйствительно выше челоѡѡка, и принадлежитъ одному Богу (не стану говорить объ Ангелахъ, чтобы не дать повода страстямъ и не отверсть двери злонамѣреннымъ противорѣчїямъ); но какъ неисцѣльность свойственна злой и враждебной природѣ, а равно тѣмъ, которые дѣйствуютъ подъ ея влїанїемъ; такъ, согрѣшивъ, обратиться свойственно людямъ, впрочемъ благопокорнымъ и принадлежащимъ къ части спасаемыхъ. Хотя персть сїя и влечетъ съ собою нѣкоторое зло, и земное жилище обременяетъ умъ (Прем. 9, 15.), стремящїйся горѣ, или сотворенный стремиться горѣ; однако же образъ (Божїй) да очищаетъ тину, и да возводитъ на высоту сопряженную съ нимъ плоть, подѣмля ея на крылахъ ума. Хотя лучше бы намъ не имѣть и нужды въ такомъ очищенїи и не очищаться, сохраняя первобытное свое достоинство (къ которому и поспѣшаемъ изъ училища здѣшней жизни), лучше бы не лишать себя древа жизни горькимъ вкушенїемъ грѣха: однако же и обратиться, согрѣшивъ, лучше нежели падшему оставаться безъ наказанїя. Ибо егोजе любитъ Господь, наказуетъ (Евр. 12, 6.), и подвергать наказанїю есть отеческое дѣло; напротивъ того, всякая душа, оставляемая безъ вразумленїя, дѣлается неисцѣльною. Посему не то тяжело, чтобы терпѣть удары, но гораздо тяжелѣе не уцѣломудрваться подъ ударомъ. Одинъ изъ Пророковъ, разсуждая объ ожесточенномъ и необрѣзанномъ въ

сердцѣ Израилѣ, говоритъ: *Господи! билъ еси ихъ, и не побольша, наказывалъ, и не восхотѣша пріяти наказанія* (Іер. 5, 3.); и еще: *людіе не обратишася, дондеже язвени быша* (Ис. 9, 13.); и еще: *вскую отворишася людіе Мои отвращеніемъ лукавымъ* (8, 5.), которое наконецъ сокрушитъ ихъ и погубитъ. Итакъ страшно есть, братія, еже впасти въ руцѣ Бога живаго (Евр. 10, 31.)! Страшно лице Господне на творящія злая, которое рѣшительно истребляетъ зло (Пс. 33, 17.). Страшенъ слухъ Божій, который ощущаетъ гласъ Авелевъ, даже въ безмолвной крови (Быт. 4, 10.). Страшны ноги, настигающія беззаконіе. Страшно исполненіе вселенной; такъ что нигдѣ не лѣзя избѣжать гнѣва Божія, ни воспаривъ на небо, ни удалившись во адъ, ни переселившись на востокъ, ни сокрывшись въ глубинахъ или предѣлахъ моря (Пс. 138, 7—10. Іер. 23, 24.). Еще прежде меня Наумъ, сынъ Елкесеевъ, изрекая пророчество о Ниневіи, страшится Бога ревнива и Господа мстяща съ яростію сопостатомъ (Наум. 1, 2.), до того простирающаго свою строгость, что не остается и мѣста вторичному отмщенію нечестивымъ (Наум. 1, 9.). А когда слышу, какъ Исаія угрожаетъ и говоритъ людямъ Содомскимъ и князьямъ Гоморрскимъ: *что еще узвляетея, прилагаете беззаконіе* (Ис. 1, 5.); тогда весь исполняюсь ужаса, заливаюсь слезами. Онъ говоритъ: не возможно уже найдти новыхъ наказаній за умножающіеся вновь грѣхи; такъ преступили вы всякую мѣру, истощили всѣ роды наказаній, непрестанно своими пороками призывая на себя новую и новую казнь.

Нѣтъ уже ни струпа, ни язвы, ни раны паллящейся, все тѣло стало язвою, и язвою неисцѣльною; ибо нѣсть пластыря приложить, ниже елеа, ниже обязанія (ст. 6.). Умалчиваю о продолженіи угрозы, чтобы не быть для васъ тягостнѣе настоящаго наказанія. По крайней мѣрѣ узнаемъ причину бѣдствія. Отъ чего посохли воздѣланныя поля, истощились житницы, оскудѣли пастбища, умалились земные плоды, равнины наполнились не тукомъ, но сѣтованіемъ, долины не хлѣбомъ наполнены, но огласились воплемъ, не сладость искапали горы, какъ въ послѣдствіи праведнымъ (Юил. 3, 18.), но обезображены, обезчещены, и несутъ на себѣ (въ противномъ только смыслѣ) (в) проклятіе горъ Гелвуйскихъ? Вся земля стала, какъ въ началѣ, пока не облечена была своими украшеніями. *Посѣтилъ еси землю и упоилъ еси ю* (Пс. 64. 10.), но посѣщеніемъ бѣдственнымъ и упоеніемъ пагубнымъ. Печальное зрѣлище! все плодородіе у насъ въ соломѣ, посѣвъ замѣтенъ по малымъ остаткамъ, и жатва наша, узнаваемая болѣе по времени мѣсяцевъ, нежели по числу сноповъ, едва плодоприноситъ начатки Господу. Таково богатство нечестивыхъ; такова жатва сѣющихъ худо, во исполненіе древняго проклятія: *призирать на многа и*

(в) Проклятіе горъ Гелвуйскихъ (2 Цар. 1, 21.) состояло въ томъ, чтобы не сходили на нихъ ни роса, ни дождь. Но здѣсь Св. Богослозь говоритъ, что горы несутъ проклятіе въ противномъ смыслѣ, то-есть проклинаются за то самое, что не сходятъ на нихъ ни дождь, ни роса.

и вносить мала (Агг. 1, 9.), посылать и не пожать (Мих. 6, 15.), посадить и не выжать соки, идъже возорють десять супругъ воловъ, сотвориши корчагъ единъ (Ис. 6, 10.), слышать о плодородіи у другихъ, а самимъ быть подъ гнетомъ бѣдности! Отъ чего же все это, и какая причина бѣдствія? Не станемъ ожидать обличенія отъ другихъ, но испытаемъ сами себя. Великое врачевство противъ зла — исповѣданіе грѣха и удаленіе отъ него. Какъ прежде возвѣстилъ я первый народу моему, и исполнилъ должность стража (ибо чтобы пріобрѣсть свою душу и души слушающихъ, не скрывалъ о грядущемъ мечѣ); такъ возвѣщу и теперь о непокорности народа моего, признавая грѣхи его своими, и чрезъ сіе, можетъ-быть, получу нѣкоторую милость и отраду. Одинъ изъ насъ притѣснилъ бѣднаго, отнялъ часть земли, съ злымъ умысломъ, или непримѣтно, или насильственно, переступилъ за межу, притяжалъ домъ къ дому и поле къ полю, только бы отнять что-нибудь у ближняго, употребилъ всѣ усилія никого не имѣть сосѣдомъ, какъ будто намѣреваясь одинъ жить на землѣ. Другой осквернилъ землю лихоимствомъ и корыстолюбіемъ, собирая, гдѣ не сѣялъ, и пожиная, гдѣ не расточалъ, воздѣлывая не землю, но нужды бѣдныхъ. Иной отъ гумна и точила не воздалъ начатковъ Богу, все даровавшему, и оказался вмѣстѣ неблагодарнымъ и безразсуднымъ; потому что и за полученное не возблагодарилъ, и не постарался исходатайствовать себѣ благопризнательностію, если не другое что-нибудь, по крайней мѣрѣ будущее изобиліе. Другой не оказалъ милости вдовѣ и сиротѣ,

Ч. II.

не далъ хлѣба и малаго пропитанія просящему, или лучше сказать, самому Христу, питаемому въ лицѣ скудно питаемыхъ, тогда какъ самъ имѣеть можетъ-быть много и сверхъ всякаго ожиданія, тогда какъ (что уже верхъ несправедливости!) и многія житницы дѣлаются для него тѣсными, тогда какъ однѣ онъ наполняетъ, а другія разоряетъ, чтобы построить обширнѣйшія для будущихъ плодовъ, не зная, что до исполненія надеждъ своихъ похищенъ будетъ смертію, и какъ худой домо-строитель чужихъ благъ, дастъ отчетъ въ томъ, чѣмъ здѣсь изобиловалъ и величался. Иной путь смиренныхъ совращалъ (Ам. 2, 7.) и совратилъ въ неправдахъ праведнаго (Ис. 29, 21.). Иной возненавидѣлъ у вратъ наказующаго и словомъ праведнымъ возгнушался (Амос. 5, 16.). Иной приносилъ жертвы мрежи своей (Аввак. 1, 16.), собирающей много, и имѣя разграбленіе убогаго въ домъхъ (Иса. 3, 14.), не вспомнилъ о Богѣ, или вспомнилъ худо, говоря: *благословенъ Господь! обогатихомся* (Зах. 11, 5.), и замыслилъ беззаконіе, какъ-бы отъ Него имѣя то, за что будетъ наказанъ. *Сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя* (Ефес. 5, 6.). За сіе заключается небо, или отвергается, но къ нашему же бѣдствію, и еще къ большему, когда и поражаемые не обращаемся, и къ близъ-сущему естествомъ не приближаемся (Іер. 23, 23.).

Что скажемъ на сіе мы, которые покупаемъ и продаемъ хлѣбъ, и выжидаемъ тяжелыхъ временъ, чтобы обогатиться, насладиться чужими бѣдствіями, и незаконно присвоить себѣ не собственность Егип-

тянь (какъ сдѣлалъ Іосифъ для высшаго домостроительства, ибо онъ умѣлъ хорошо собирать и раздавать хлѣбъ), но собственность единоплеменниковъ? Чтò скажемъ мы глаголющїи: *когда придетъ мльсьцъ, и продамы, и субботы, и отверземъ сокровища* (Амос. 8, 5.), мы двойкими мѣрами и вѣсами нарушающїе справедливость (Втор. 25, 14. Амос. 8, 5), мы наклоняющїе къ себѣ свинцовую мѣру беззаконїя (Зах. 5, 8.)? Чтò скажемъ на сіе мы, которые не знаемъ предѣла въ стяжанїи, поклоняемся золоту и серебру, какъ древнїе Ваалу, Астартѣ и мерзкому Хамосу, ставимъ въ великое драгоцѣнныя и блестящїе каменья, мягкія и пышныя одежды—эту пищу моли и добычу разбойниковъ, мучителей и татей, гордимся множествомъ рабовъ и скотовъ, расширяемся по равнинамъ и горамъ, однимъ уже владѣемъ, другое прїобщаемъ, а иное намѣреваемся прїобщить къ своему владѣнїю, уподобляясь упоминаемой Соломономъ пїавицѣ (Прит. 30, 15.), которая ничѣмъ не можетъ насытиться, какъ адъ и земля, огонь и вода, — желаемъ другой вселенной для удовлетворенїя своей любостяжательности, и не довольствуемся предѣлами, какїе положены Богомъ, потому что они тѣсны для нашихъ пожеланїй и алчности? Чтò скажутъ возведенные на высокія степени чести, высоко взгромоздившіе свой начальнической стуль, а брови подъемлющїе еще выше мѣста своего лицедѣйствїя, между тѣмъ не помышляющїе о Богѣ, Который выше всего, и о недоступной высотѣ истиннаго царства, не разсуждающїе, что и сами они, имѣя нужду въ таковой же милости, должны начальствовать надъ подчиненными,

какъ надъ сослужителями? Посмотри на сихъ, которые, какъ превосходно осмѣваетъ ихъ божественный Амосъ, — *ласкосердствуютъ на одръхъ стъ костей слононыхъ, и первыми волями мажутся, плещутъ ко гласу пищалей, прилѣплены къ скоропреходящему, какъ къ постоянному, а не соболѣзнуютъ и не состраждутъ въ сокрушеніи Иосифовъ* (Амос. 6, 4. 5. 6.). Надлежало оказать милость тѣмъ, которые прежде впади въ несчастіе, надлежало милостію приобрѣсть себѣ милость, надлежало *плачевольствити nimicy, зане паде кедръ* (Зах. 11, 2.), надлежало вразумляться поражениемъ ближнихъ, чужими бѣдствіями врачевать свое зло, и воспользоваться тѣмъ преимуществомъ предъ предшественниками, чтобы самимъ чрезъ другихъ получить спасеніе, а не другихъ уцѣломудривать своимъ примѣромъ.

О семъ полюбомудрствуй съ нами, божественная и священная глава, приобрѣтшая долговременностію многую опытностъ, отъ которой происходитъ мудрость, — въ этомъ наставь народъ твой, научи раздѣлять алчущимъ хлѣбъ, и нищихъ безкровныхъ собирать въ домъ, прикрывать наготу и не презирать единокровныхъ, особенно теперь, чтобы наше благотвореніе было отъ скудости, а не отъ избытка, каковое плодоношеніе пріятнѣе Богу, нежели множество приносимаго и великость подаенія. А сверхъ сего и паче всего будь нынѣ Моисеемъ и Финеесомъ. Стань за насъ и умилостиви, *да предстацетъ стъчъ* (Пс. 105, 30.), или духовною жертвою, или молитвою и умнымъ ходатайствомъ, удержи гнѣвъ Господень; своимъ посредничествомъ

останови послѣдующіе удары. Господь не презираетъ сѣдинъ отца, молящагося о чадахъ. Помолись о прошедшихъ согрѣшеніяхъ; поручись за будущее. Представь Богу народъ очищенный ударами и страхомъ; испроси ему тѣлесную пищу, а паче испроси ангельскую, сходящую съ неба. Если сдѣлаешь сіе, то примиришь съ нами Бога, смягчишь небо, низведешь дождь ранній и поздній. *Господь дастъ благость, и земля наша плодъ свой* (Пс. 84, 13.), — сія попираемая нами — временный, а персть наша — вѣчный, который и вложимъ въ божественныя точила чрезъ тебя, приносящаго насъ и дары наши, во Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 16,

НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ МАККАВЕЕВЪ.

Что скажемъ о Маккавеяхъ.— Настоящее собраніе для нихъ. И хотя не многіе ихъ чествуютъ, потому что подвизались не послѣ Христа; однако же они достойны, чтобы всѣ ихъ чествовали, потому что терпѣли за отеческіе законы. Содѣлавшись мучениками прежде Христовыхъ страданій, чего не совершили бы они, подвергшись гоненію послѣ Христа, и ставъ подражателями Его за насъ смерти? И безъ такого образца показавъ столько доблести, не оказались ли бы они еще болѣе мужественными, если бы страдали, взирая на примѣръ Христовъ? Но есть также таинственное и сокровенное ученіе (весьма вѣроятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому изъ достигавшихъ совершенства прежде пришествія Христова никто не достигалъ сего безъ вѣры во Христа. Ибо Слово, хотя ясно открылось уже въ-послѣдствіи, въ опредѣленное время, однако же умамъ чистымъ было вѣдомо и прежде, какъ показываютъ многіе прославленные и до Христа. Почему и Маккавеевъ не лзя унижать за то, что страдали прежде

Креста. Но поелику пострадали по закону крестному; то и достойны похвалъ, и должны быть почтены словомъ, — почтены не для того, чтобы получила приращеніе собственная ихъ слава (слово прибавить ли славы тѣмъ, чьи дѣла славны?), но чтобы прославились восхваляющіе, и поревновали доблестямъ ихъ слышашіе, въ воспоминаніи о нихъ находя для себя побужденіе къ равнымъ подвигамъ.

Кто и откуда были Маккавеи, чьимъ руководствомъ и наставленіемъ пользуясь въ началѣ, достигли такой доблести и славы, что почтены сими ежегодными торжествами и собраніями, и что для нихъ въ душѣ каждаго соблюдается слава, которая выше видимаго прославленія — все сіе для людей любопытныхъ и трудолюбивыхъ покажетъ сочиненная о Маккавеехъ книга (а), которая, любомудрствуя о томъ, что разумъ есть самовластитель надъ страстями и господинъ наклонностей къ тому и другому, то-есть къ добродѣтели и къ пороку, въ доказательство на сіе, между немалочисленными другими свидѣтельствами, приводитъ и подвиги Маккавеевъ. А для меня достаточно будетъ сказать слѣдующее.

Здѣсь Елеазаръ — начатокъ пострадавшихъ до Христа (какъ Стефанъ — первенецъ страдавшихъ послѣ Христа), іерей и старецъ, сѣдый власами, сѣдый и мудростію, приносявшій прежде жертвы и мо-

(а) Сочиненіе Іосифа Флавія подъ заглавіемъ: *Εἰς Μακκαβαίους ἢ περὶ αἰτοκρατόρων; λογιμῶν* (Въ честь Маккавеевъ или о самовластитель разумѣ).

литвы за народъ, а теперъ приносящій самого себя Богу въ жертву совершеннѣйшую, въ очищеніе всего народа. — Благознаменательное предначатіе подвига! вмѣстѣ и велегласное и безмолвное назиданіе! Но онъ приводитъ и семерыхъ юношей — плодъ собственныхъ его наставленій, *жертву живу, святу, благоугодну Богови* (Рим. 12, 1.), жертву, которая славнѣе и чище всякаго подзаконнаго священнодѣйствія. Ибо доблести сыновъ вмѣнять отцу — всего законнѣе и справедливѣе.

Тамъ сыны, мужественные и великіе духомъ, благородныя отрасли благородной матери, ревностные подвижники за истину, достойные временъ не Антіоховыхъ, истинные ученики Моисеева закона, точные блюстители отечественныхъ нравовъ, составляющіе одно изъ числъ, уважаемыхъ Евреями, — число отличное таинствомъ седмидневнаго покоя, однимъ дышать, одно имѣють въ виду, одинъ знаютъ путь жизни — умереть за Бога! Они столько же братья по душѣ, какъ и по плоти, ревнують другъ другу въ желаніи смерти, (дивное зрѣлище!) какъ сокровища предвосхищаютъ одинъ у другаго мученія, твердо стоятъ за *пѣстуна*, то-есть за законъ, не столько боятся уготованныхъ имъ мукъ, сколько желаютъ тѣхъ, которыхъ еще не видятъ; одного только страшатся, чтобы мучитель не прекратилъ истязаній, чтобы которому-либо изъ нихъ не остаться неузнаннымъ, не разлучиться по неволѣ съ братьями, и не стать худымъ побѣдителемъ, избжавъ, къ несчастію, страданій.

Тамъ мать бодрая и мужественная, вмѣстѣ чадолюбивая и боголюбивая, терпитъ въ матернемъ

сердцѣ терзанія, невѣроятныя по природѣ. Она не о страждущихъ сынахъ жалѣетъ, но мучится опасеніемъ, что сыновья не будутъ страдать; не столько скорбитъ объ отшедшихъ, сколько желаетъ, чтобы присоединились къ нимъ оставшіеся; у нея болѣе заботы о послѣднихъ, нежели о преставившихся: потому что однимъ предстоитъ еще сомнительная борьба, а другихъ кончина сдѣлала безопасными; однихъ она вручила уже Богу, о другихъ еще беспокоится, какъ приметъ ихъ Богъ. — Какая мужественная душа въ женскомъ тѣлѣ! Какое чудное и великодушное усердіе! Подлинно Аврамова жертва, и если не дерзко будетъ сказать, даже болѣе Авраамовой! Авраамъ охотно приноситъ единого сына, правда, единороднаго, рожденнаго по обѣтованію, — сына, для котораго дано было обѣтованіе, и (что важнѣе) который назначенъ быть начаткомъ и корнемъ не только рода, но и подобныхъ жертвъ: она же осватила Богу цѣлый народъ сыновъ; она и матерей и жрецовъ превзошла числомъ жертвъ готовыхъ на закланіе, всесоженій умныхъ, священноприношеній, поспѣшающихъ къ алтарю. Она указывала на грудь, напоминала о питаніи, свидѣтельствовалась сѣдиною, употребляла старость въ ходатайство за свои прошенія — не для того, чтобы спасти дѣтей отъ смерти, но чтобы побудить ихъ къ страданіямъ; потому что почитала для нихъ опасностію не смерть, но замедленіе смерти. Ничто ее не колебало, ничто не приводило въ расслабленіе, не лишало твердости: ни приготовленные деревянные дыбы, ни постановленные колеса, ни блоки, ни подмости, ни острота желѣзныхъ когтей, ни изоц-

ренные мечи, ни кипящіе котлы, ни разведенный огонь, ни грозный мучитель, ни стеченіе народа, ни окружающая воинская стража, ни предстоящіе соплеменники, ни расторженіе членовъ, ни терзаніе плоти, ни потоки текущей крови, ни погубляемая юность, ни настоящіе ужасы, ни ожидаемая страда- нія. И что для другихъ бываетъ всего тяжелѣе въ подобныхъ случаяхъ, то-есть продолжительность бѣдствія, то для нея было всего легче. Она услаж- далась зрѣлищемъ, какъ ни длились страданія не только отъ разнообразія употребляемыхъ истязаній (которыя всѣ дѣйствовали на нее менѣе, нежели на другаго подѣйствовало бы одно какое-нибудь ис- тязаніе), но и отъ того, что гонитель испыталъ всѣ роды рѣчи, то ругалъ, то грозилъ, то ласкалъ. Ибо къ какимъ средствамъ не прибѣгалъ онъ, чтобы достигнуть желаемого?

Но отвѣты юношей мучителю, по моему мнѣнію, столько показываютъ мудрости и мужества, что какъ доблести другихъ, взятыя вмѣстѣ, малы въ сравненіи съ ихъ терпѣніемъ, такъ и самое терпѣ- ніе мало въ сравненіи съ благоразумными ихъ рѣ- чами. И имъ только однимъ свойственно было такъ страдать и съ такимъ любомудріемъ отвѣчать на угрозы мучителя, на все, чѣмъ ихъ устрашали, и что нимало не преодолѣло ни мужественныхъ сыновъ, ни еще болѣе мужественной матери. Она, ставъ выше всѣхъ и съ материнскою любовію со- единивъ силу духа, приносить себя въ прекрасный погребальный даръ дѣтямъ и сама послѣдуетъ за отшедшими прежде нея. И притомъ какъ? — Добро- вольно идетъ на страданія, не допустивъ даже, что-

бы нечистое тѣло прикоснулось къ ея чистой и мужественной плоти. И какія произноситъ она надгробныя слова! — Прекрасны, даже прекраснѣйшіе въ прекрасныхъ были отвѣты сыновъ мучителю. Ибо не прекрасны ли тѣ рѣчи, вооружась которыми, низлагали они мучителя? Но еще прекраснѣе рѣчи матери, сперва увѣщательныя, а потомъ надгробныя.

Итакъ что же произнесено было сынами? Теперь весьма благовременно возобновить сіе въ вашей памяти, чтобы имѣть вамъ изъ сихъ временъ образецъ, какъ подвижничества, такъ и мученическихъ рѣчей. Каждый изъ братьевъ говорилъ что-нибудь свое, какъ ополчали его словомъ слова гонителя, очередь страданія и душевная ревность. Но если всѣ рѣчи ихъ привести въ одну; то говорили они такъ: « Антіохъ, и вы всѣ предстоящіе здѣсь! У насъ одинъ царь — Богъ, отъ Котораго получили мы бытіе, и къ Которому возвратимся; одинъ законодатель Моисей, которому (клянемся въ томъ бѣдствіями, какія претерпѣлъ онъ за добродѣтель, и многими его чудесами) мы не измѣнимъ и не нанесемъ безславія, хотя бы угрожалъ другой Антіохъ, который и тебя свирѣпѣе. Для насъ одно безопасное прибѣжище — соблюдать заповѣди и не нарушать закона, которымъ ограждаемся какъ стѣною. У насъ одна слава — для славы нашего закона презирать всякую славу; одно богатство — тѣ блага, которыхъ надѣемся. А страшнаго для насъ нѣтъ, кромѣ одного — убояться чего-либо паче Бога. Съ такими мыслями и съ такимъ оружіемъ выступаемъ мы на брань; съ такими юношами имѣешь ты дѣло.

Хотя вождѣлѣнны для насъ и мѣръ сей, и отечественная земля, и друзья, и сродники, и сверстники, и сей великій и славный храмъ, и отеческіе праздники, и таинства, и все, въ чемъ поставляемъ свое преимущество предъ другими народами, однако же не вождѣлѣннѣе Бога и страданій за доброе дѣло. Нѣтъ, и не думай сего! Ибо для насъ есть другой мѣръ, который выше и постояннѣе видимаго. Наше отечество—горній Іерусалимъ, котораго никакой Антиохъ не отважится держать въ осаду и не понадеется взять,—такъ онъ крѣпокъ и неодолимъ! Наше родство—Божіе вдохновеніе и всѣ доблестно рожденные. Наши друзья—Пророки и Патріархи, служащіе для насъ образцемъ благочестія. Наши сверстники—всѣ нынѣ бѣдствующіе и современные намъ въ терпѣніи. А храмомъ у насъ великолѣпное небо; и празднество наше—ликостоянія Ангеловъ. У насъ одно великое, даже величайшее, и для многихъ сокровенное таинство—Богъ, Который есть цѣль и здѣшнихъ таинствъ. Итакъ не обольщай больше насъ обѣщаніями вещей мало-важныхъ и ничего нестоящихъ. Не придастъ намъ чести безчестное; не обогатитъ насъ вредное; мы не рѣшимся на такую жалкую куплю. Прекрати свои угрозы; иначе мы сами станемъ грозить тебѣ, чтобы обличить твое безсиліе, и показать, какія у насъ готовы тебѣ казни. Ибо есть у насъ и огонь, которымъ мучимъ гонителей. Не думаешь ли, что борешься съ народами, городами и самыми изнѣженными царями, изъ которыхъ одни одержать верхъ, а другіе, можетъ-быть, останутся и побѣжденными, потому что для нихъ не такого рода

опасность? Ты возражаешь противъ Божія закона, противъ богоначертанныхъ скрижалей, противъ нашихъ отеческихъ постановленій, получившихъ важность и по своему высокому значенію и по давности, возражаешь противъ семи братьевъ, которые живутъ какъ-бы одною душою, и опозорятъ тебя семью побѣдными памятниками. Не важное дѣло побѣдить ихъ, но великій стыдъ потерпѣть отъ нихъ поражение! Мы потомки и ученики тѣхъ, которыхъ путевождь столпъ огненный и облачный, для которыхъ разступилось море, стала рѣка, остановилось солнце, дождимъ былъ хлѣбъ, воздѣяніе рукъ обращало въ бѣгство тысячи враговъ, низлагая ихъ молитвою, предъ которыми укрощались звѣри, къ которымъ не прикасался огонь, которыхъ мужеству дивились и уступали цари. Скажемъ нѣчто и тебѣ самому извѣстное: мы ученики Елеазара, мужество котораго тобою извѣдано. Сперва совершилъ свой подвигъ отецъ, теперь вступаютъ въ борьбу дѣти, жрецъ уже отшелъ, въ слѣдъ за нимъ пойдутъ и жертвы. Ты устрашаешь многими, но мы готовы еще на большее. Да и что сдѣлаешь намъ своими угрозами, горделивецъ? Какое причинишь намъ зло? Никто не превзойдетъ крѣпостію готоваго на всѣ страданія. Что-жъ медлитъ народъ? Почему не приступаютъ къ дѣлу? Для чего ожидать милостиваго повелѣнія? Гдѣ мечи? Гдѣ оковы? Пусть разводять больше огня, выпускаютъ самыхъ сильныхъ звѣрей, готовятъ самыя отличныя орудія мученій, чтобы все было по-царски и стоило дорого! — Я первородный; меня принеси прежде въ жертву. — Я послѣдній изъ братьевъ; лучше измѣнить

порядокъ. — Нѣтъ, пусть кто-нибудь изъ среднихъ сдѣлается первою жертвою, чтобы всѣ мы были почтены равно. Но ты щадишь и ждешь, что перемѣнимъ мысли. Еще, и не разъ, повторяемъ тебѣ тоже слово: мы не вкусимъ нечистаго, не изъявимъ своего согласія; скорѣе ты уважишь наши постановленія, нежели мы покоримся твоимъ; короче сказать, или изобрѣти новыя казни, или убѣдись, что мы презираемъ тѣ, которыя ты намъ приготовилъ.»

Такъ говорили братья мучителю; а какъ убѣждали они другъ друга! и какое представляли изъ себя зрѣлище — подлинно прекрасное и священное! Для душъ боголюбивыхъ оно пріятнѣе всего, что только можно видѣть и слышать. Я самъ, при одномъ воспоминаніи, исполняюсь удовольствіемъ, созерцаю предъ собою мысленно подвижниковъ, и услаждаюсь повѣствованіемъ о нихъ. Они обнимали и лобызали другъ друга; для нихъ наступилъ праздникъ, какъ-бы по совершеніи уже подвиговъ. «Пойдемъ, братія, — взывали они, — пойдемъ, поспѣшимъ на мученія, пока мучитель пылаетъ еще на насъ гнѣвомъ, чтобы намъ не утратить спасенія, если онъ смягчится. Пиръ готовъ; не лишимъ себя онаго. Прекрасно видѣть братьевъ, которые живутъ *вкупль* (Пс. 132, 1.), вмѣстѣ веселятся, и служатъ другъ другу щитомъ; но еще прекраснѣе, если они вмѣстѣ бѣдствуютъ за добродѣтель. Если бы за отеческія постановленія можно было подвизаться съ оружіемъ въ рукахъ; и въ такомъ случаѣ смерть была бы похвальна. Но поелику не сего требуютъ обстоятельства; то принесемъ въ жертву

самыя тѣла. Да почему же и не пожертвовать ими? Если не умремъ теперь; то развѣ никогда не умремъ? развѣ никогда не воздадимъ долгаго природѣ? Лучше обратимъ въ даръ, что надобно уступать по необходимости; перехитримъ смерть; всѣмъ общее обратимъ въ свою собственность, и цѣною смерти купимъ жизнь. Ни одинъ изъ насъ да не будетъ животолюбивъ и робокъ. Пусть мучитель, преткнувшись о насъ, отчаеся и въ другихъ. Пусть самъ онъ назначаетъ порядокъ, кому за кѣмъ страдать; если кто и заключить собою рядъ гонимыхъ, сіе не сдѣлаетъ различія въ горячности нашего усердія. Первый изъ пострадавшихъ да будетъ для другихъ путемъ, а послѣдній — печатію подвига. Всѣ съ равною твердостію положимъ на сердца, чтобы цѣлымъ домою пріобрѣсть намъ вѣнцы, чтобы гонитель не имѣлъ въ насъ ни единой доли, и не могъ, въ киченіи злобы, похвалиться побѣдою надъ всѣми, побѣдивъ одного. Докажемъ, что мы другъ другу братья, не только по рожденію, но и въ самой смерти; постраждемъ всѣ, какъ одинъ, и каждый изъ насъ да постраждетъ равно всѣмъ. Прими насъ, Елеазаръ; послѣдуй за нами, мать; погребви великолѣпно мертвецевъ своихъ, Іерусалимъ, если только останется что для гроба; рассказывай о насъ послѣдующимъ родамъ, и читателямъ твоимъ показывай священное мѣсто погребенія единопутробныхъ!»

Такъ говорили и дѣйствовали они; такъ по старшинству лѣтъ поощряли другъ друга, подобно тому, какъ вепрь остритъ одинъ зубъ другими. Всѣ они сохраняли одинаковую ревность, къ удоволь-

ствію и удивленію единоплеменниковъ, въ страхъ и ужась врагамъ. И враги, хотя смѣло ополчились противъ цѣлаго народа, но единомушіемъ семи братьевъ, подвизающихся за благочестіе, столько были посрамлены, что теряли уже пріятную надежду одолѣть и прочихъ.

А мужественная и подлинно достойная такихъ доблестныхъ сыновъ матерь, — эта великая и высокая духомъ питомица закона, порываемая двумя сильными движеніями сердца, ощущала въ себѣ смѣшеніе и радости и страха — радости, по причинѣ мужества сыновъ и всего ею видимаго, — страха, по неизвѣстности будущаго и по причинѣ чрезмерныхъ мученій. И какъ птица, которая видитъ, что змія ползетъ къ птенцамъ, или другой кто злоумышляетъ противъ нихъ, она летала вокругъ, била крылами, умоляла, раздѣляла страданія дѣтей. И чего не говорила, чего не дѣлала, чтобы воодушевить ихъ къ побѣдѣ! То похищала капли крови, то поднимала отторженные части членовъ, то благоговѣнно припадала къ останкамъ; собирала члены одного сына, а другаго отдавала мучителямъ, и третьяго приготавливала къ подвигу. Всѣмъ возглашала: « Прекрасно, дѣти! прекрасно, добліе мои подвижники, почти безплотные во плоти, защитники закона, моей сѣдины и святаго града, который васъ воспиталъ и возвелъ на такую высоту доблестей! Еще не много; и мы побѣдили! Мучители утомились — сего одного боюсь. Еще не много; и я блаженная изъ матерей, а вы блаженные изъ юношей! — Но вамъ жалко разлучиться съ матерью? — Не

оставлю васъ;—общаю вамъ это. Я не ненавистница дѣтей своихъ.»

Когда же она увидѣла, что всѣ скончали жизнь, и свою смертію избавили ее отъ безпокойствъ; тогда съ свѣтлымъ взоромъ подъемлетъ главу и, подобно олимпійскому побѣдителю, съ бодрымъ духомъ воздѣвши руки, громко и торжественно говорить: «Благодарю Тебя, Отче Святый! Благодарю Тебя, наставникъ нашъ—законъ! Благодарю тебя, нашъ отецъ и поборникъ чадъ твоихъ, Елеазаръ! Благодарю, что принять плодъ болѣзней моихъ, и я содѣлалась матерью, священнѣйшею изъ матерей! Ничего не осталось у меня для міра, все отдано Богу — все мое сокровище, всѣ надежды моей старости. Какая великая для меня почестъ! какъ прекрасно обезпечена старость моя! Теперь я вознаграждена за воспитаніе ваше, дѣти,—видѣла, какъ подвизались вы за добродѣтель, сподобилась увидѣть всѣхъ васъ увѣнчанными; даже на истязателей вашихъ смотрю какъ на благодѣтелей, готова свидѣтельствовать благодарность мучителю за это распоряженіе, по которому соблюдена я для страданій послѣдняя, чтобы, изведя прежде на позорище рожденных мною, и въ каждомъ изъ нихъ совершивъ мученическій подвигъ, по принесеніи всѣхъ жертвъ, прейдти мнѣ отсель въ полной безопасности. И я не буду рвать на себѣ волосъ, раздирать одежды, терзать ногтями плоти, не стану возбуждать къ слезамъ, созывать плачущихъ, заключаться въ темное уединеніе, чтобы самый воздухъ сѣтоваль со мною, не буду ожидать утѣшителей и предлагать хлѣба скорби. Все это прилично матерямъ

малодушнымъ, которыя бываютъ матерями только по плоти, у которыхъ дѣти умирають, не оставивъ по себѣ добраго слова. А вы у меня, любезнѣйшія дѣти, не умерли, но принесены въ даръ Богу; не на-всегда разлучились со мною, но только преселились на-время; не расточены, но собраны вкупѣ; не звѣрь похитилъ васъ, не волна поглотила, не разбойникъ погубилъ, не болѣзнь сокрушила, не война истребила, и не другое какое-либо постигло васъ бѣдствіе болѣе или менѣе важное изъ обычныхъ людямъ. Я стала бы плакать, даже горько плакать, если бы случилось съ вами что-либо подобное. Тогда бы слезами доказала я свое чадолюбіе, какъ доказываю нынѣ тѣмъ, что не проливаю слезъ. Мало сего. Тогда бы я дѣйствительно стала оплакивать васъ; когда бы вы, ко вреду своему, спаслись отъ мученія, когда бы мучители восторжествовали надъ вами и одержали верхъ хотя надъ однимъ изъ васъ, какъ теперь побѣждены вами сами гонители. А что совершилось нынѣ — это похвала, радость, слава, ликованіе и веселіе для оставшихся. Но и я приношусь въ жертву вслѣдъ за вами. И я буду сравнена съ Финеесомъ, прославлена съ Анною. Даже еще больше, потому что Финеесъ ревновалъ одинъ, а вы явились многочисленными карателями блудниковъ, поразивъ блудоустройство не плотское, но духовное; и Анна посвятила Богу одного, Богомъ же даннаго, притомъ недавно рожденнаго сына; а я освятила семерыхъ возмужавшихъ, и притомъ пожертвовавшихъ собою добровольно. Да восполнить мое надгробное слово Иеремія, не оплакивающій, но восхваляющій препо-

добную кончину! Вы просвьтились паче снѣга, сгустились паче млека, и лучше камене сапфира сталъ сонмъ вашъ — рожденные и принесенные въ даръ Богу (Плач. Иер. 4, 7.)! Чтò же еще? Присоедини и меня къ дѣтямъ, мучитель, если и отъ враговъ можно ждать милости. Присоедини и меня, — такая борьба будетъ для тебя славнѣе. О какъ бы желала я претерпѣть всѣ тѣ муки, какія терпѣли они, чтобы кровь моя смѣшалась съ ихъ кровію, и старческая плоть — съ ихъ плотію! Для дѣтей люблю самыя орудія ихъ страданій. Но если не будетъ сего; по крайней мѣрѣ прахъ мой да соединится съ ихъ прахомъ, и одинъ гробъ да приметъ насъ! Не позавидуй равночестной кончинѣ тѣхъ, которые равночестны по доблестямъ. Прощайте матери, прощайте дѣти! И матери такъ воспитывайте рожденныхъ вами, и дѣти такъ воспитывайтесь! Прекрасный примѣръ подали мы вамъ, какъ подвизаться подвигомъ добрымъ.» Такъ сказала она, и приложилась къ сынамъ своимъ. Но какъ? спросите.—Какъ на брачное ложе, востекши на костерь, на который была осуждена. Не стала ждать, чтобы кто-нибудь возвелъ ее, не попустила, чтобы нечистое тѣло коснулось ея чистой и мужественной плоти.

Такъ Елеазаръ наслаждался священствомъ; такъ самъ былъ посвященъ и другихъ посвятилъ въ небесныя таинства; не внѣшними кропленіями, но собственною кровію, освятилъ Израиля, и послѣдній день жизни содѣлалъ совершительнымъ таинствомъ! Такъ сыны насладились юностію; не сластолюбію раболѣпствуя, но возобладавъ надъ страстями, очи-

стили тѣло и представились къ безстрастной жизни! Такъ мать насладилась многочадіемъ, такъ украсалась дѣтьми при жизни ихъ, и опочила вмѣстѣ съ отшедшими! Рожденныхъ для міра представила она Богу, по числу ихъ подвиговъ вновь исчислила свои болѣзни рожденія, и старшинство дѣтей узнала изъ порядка, въ какомъ они умирали; потому что подвизались всѣ отъ перваго до послѣдняго, и какъ волна слѣдуетъ за волною, такъ они — одинъ за другимъ оказали доблесть, и одинъ готовѣе другаго шелъ на страданія, уже укрѣпленный примѣромъ предъ нимъ пострадавшихъ. А посему мучитель былъ радъ, что она не была матерью большаго числа дѣтей; иначе остался бы еще болѣе посрамленнымъ и побѣжденнымъ. И тогда только въ первый разъ узналъ онъ, что не все можно преодолѣть оружіемъ, когда встрѣтилъ безоружныхъ юношей, которые, ополчившись однимъ только благочестіемъ, съ большею ревностію готовы были все претерпѣть, нежели съ какою готовился самъ онъ подвергнуть ихъ страданіямъ.

Такая жертва была благоразумнѣе и величественнѣе жертвы Іезеаевой; потому что здѣсь ни пламенность обѣта, ни желаніе нечаемой побѣды, не дѣлали приношенія, какъ тамъ, необходимымъ; напротивъ того совершенно добровольное жертвоприношеніе, и наградою за оное служили однѣ уповаемыя блага. Такой подвигъ ничѣмъ не ниже подвиговъ Давиила, который преданъ былъ на снѣденіе львамъ и побѣдилъ звѣрей воздѣяніемъ рукъ; онъ не уступаетъ мужеству отроковъ въ Ассиріи, которыхъ Ангель оросилъ въ пламени, когда не согласились

они нарушить отеческаго закона, и не прикасались къ сквернымъ и неосвященнымъ снѣдамъ. А по усердію не маловажнѣе онъ и тѣхъ жертвъ, какія въ-послѣдствіи принесены за Христа. Ибо страдавшіе за Христа, какъ сказалъ я въ началѣ слова, имѣли предъ очами кровь Христову, и вождемъ ихъ въ подвигахъ былъ самъ Богъ, принесшій за насъ столь великій и чудный даръ; а Маккавеи не имѣли предъ собою ни многихъ, ни подобныхъ примѣровъ доблести. Ихъ терпѣнію дивилась вся Іудея; она радовалась и торжествовала, какъ будто бы сама была тогда увѣнчана; потому что и ей предлежалъ при семъ подвигъ, даже величайшій изъ подвиговъ когда-либо предстоявшихъ Іерусалиму — или видѣть въ сей день поправленіе отеческаго закона, или прославиться. Участъ всего Еврейскаго рода зависѣла отъ подвига Маккавеевъ, и находилась какъ-бы на остріи меча. Самъ Антіохъ изумлялся; такъ угрозы его превратились въ удивленіе; потому что великимъ подвигамъ умѣютъ дивиться и враги, когда пройдетъ гнѣвъ, и дѣло оправдываетъ само себя. Посему онъ удалился, не получивъ успѣха, и какъ много хвалилъ отца своего Селевка за уваженіе къ Іудейскому народу и за щедрость къ храму, такъ сильно укорялъ Симона, побудившаго къ войнѣ, признавая его виновникомъ безчеловѣчія и безславія.

Будемъ подражать Маккавеямъ — и священники, и матери, и дѣти, — священники въ честь Елезара, духовнаго отца, показавшаго превосходнѣйшій примѣръ и словомъ и дѣломъ; — матери, въ честь мужественной матери, да окажутся истинно чадолю-

бывыми, и да представляют чадъ своихъ Христу, чтобы самый бракъ освятился таковою жертвою;— дѣти да почтять святыхъ юношей и да посвящаютъ время юности не постыднымъ страстямъ, но борьбѣ со страстями, мужественному ратоборству съ ежедневнымъ нашимъ Антиохомъ, который воветъ посредствомъ всѣхъ членовъ нашихъ и многообразно гонить насъ. Ибо желаю, чтобы были подвижники для всякаго времени и случая, изъ всякаго рода и возраста, подверженнаго и явнымъ нападеніямъ и тайнымъ навѣтамъ враговъ. Желаю, чтобы пользовались древними сказаніями, но пользовались также и новыми, и, подобно пчеламъ, отовсюду собирали полезнѣйшее въ составъ единого сладкаго сота, дабы и чрезъ Ветхій и чрезъ Новый Заветъ прославлялся въ насъ Богъ, славимый въ Сынѣ и въ Духѣ, знающій Своихъ и знаемый Своими, исповѣдуемый и исповѣдующій, прославляемый и прославляющій въ самомъ Христѣ, Которому слава во вѣки. Аминь.

С Л О В О 17,

ГОВОРЕННОЕ ВСТРЕВОЖЕННЫМЪ ЖИТЕЛЯМЪ НАЗИ-
АНЗА И ПРОГНѢВАННОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ.

Чрево мое, чрево мое болитъ мнѣ, и чувства сердца моего смущаются (Иерем. 4, 19.), говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей Иеремія, сострадательнѣйшій изъ Пророковъ, оплакивая непокорнаго Израиля, который самъ отъ себя отстраняетъ Божіе челоуѣколюбіе. Чрево́мъ называетъ онъ иносказательно душу свою (что нахожу во многихъ мѣстахъ Писанія): потому ли, что она сокрыта и невидима (а сокровенность есть общая принадлежность души и чрева); или потому, что она приѣмлетъ и, такъ сказать, перевариваетъ словесную пищу (ибо что пища для тѣла, то слово для души). А чувствами именуется можетъ-быть тѣ душевныя движенія и помышленія, особливо же возбуждаемая чувственностію, которыми праведникъ терзается, воспаляется и увлекается, такъ что не можетъ удержаться отъ горячности духа. Ибо это самое называется у Пророка смущеніемъ (*טוֹ מַצְבּוֹבִים*), то-есть какимъ-то рвеніемъ, смѣшаннымъ съ раздражительностію. Если же кто будетъ разумѣть подъ чувствами и

вышнія чувства, то не погрѣшить; потому что и глаза и уши не только оскорбляются худшими предметами зрѣнія и слуха, но по сострадательности даже желаютъ видѣть и слышать лучшее. Впрочемъ какъ ни разумѣть сіе, праведникъ болѣзнуеть, смущается и равнодушно переноситъ бѣдствія Израиля, какія ни представишь себѣ, тѣлесныя ли, когда смотришь на Израиля чувственно, или духовныя, когда понимаешь его духовно. Ибо тотъ же Пророкъ проситъ себѣ источника слезъ (Иер. 7, 1. 2.), желаетъ виталища послѣдняго, лобызаетъ пустыню, дабы освободиться отъ большей части скорбей и получить нѣкоторое облегченіе отъ внутренней болѣзни, въ безмолвіи оплакавъ Израиля.

Тоже задолго прежде выражаетъ и божественный Давидъ, говоря: *кто дастъ ми криль, яко голубиць, и полещу, и почию* (Пс. 54, 7.)? Онъ проситъ голубиныхъ криль, потому ли что онѣ легки и быстры (каковъ и всякій праведникъ), или потому что онѣ изображаютъ духъ, которымъ однимъ избѣгаемъ бѣдствій, — проситъ, чтобы какъ можно далѣе быть отъ настоящихъ золъ; потомъ показываетъ врачество въ тѣсныхъ обстоятельствахъ — надежду. *Чаяхъ, говоритъ онъ, Бога, спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Пс. 54, 9.). Тоже по-видимому дѣлаетъ онъ и въ другомъ мѣстѣ, весьма скоро подавая врачество скорбящему, и словомъ и дѣломъ предлагая намъ добрый урокъ великодушія въ несчастіяхъ. *Отвержеса утѣшитися душа моя* (Пс. 76, 3.), говоритъ онъ. Ты видишь въ семъ безпечность и отчаяніе. Не убоялся ли даже, что Давидъ неисцѣлимъ? Что говоришь?

Ты не пріемлешь утѣшенія? Не надѣешься отрады? Никто не исцѣлитъ тебя, ни слово, ни другъ, ни сродникъ, ни совѣтникъ, ни состраждущій, ни разсказывающій о своихъ бѣдствіяхъ, ни напоминающій древнее, ни представляющій нынѣшніе примѣры, сколь многіе спасались и отъ гораздо тягостнѣйшихъ несчастій. Но ужели всѣ средства истощены, исчезли, пресѣчены? Ужели погибла всякая надежда? Ужели одно только остается — въ бездѣйствіи ожидать конца? — Такъ говоритъ великій Давидъ, который *въ скорбяхъ распространяется* (Пс. 4, 2.), и окруженный сѣнію смертною возстае съ Богомъ (Пс. 22, 4.)! Что же дѣлать мнѣ, малому, слабому, земному, не имѣющему такого духа? Давидъ колеблется, кто же спасется? Какую помощь найду въ злостраданіяхъ, или какое утѣшеніе? Къ кому прибѣгну утѣсняемый? — На сіе отвѣтствуетъ тебѣ Давидъ, великій врачъ и заклинающій злыхъ духовъ духомъ, который въ немъ. Къ кому прибѣгнуть? Отъ меня хочешь знать сіе, а самъ не знаешь? Къ Тому, Кто укрѣпляетъ ослабленныя руки, утверждаетъ разслабленныя колѣна (Ис. 35, 3.), проводитъ чрезъ огонь и спасаетъ въ водѣ (Ис. 43, 2. Пс. 65, 12.). Тебѣ не нужно, говоритъ онъ, ни войскъ, ни оружія, ни стрѣльцовъ, ни конниковъ, ни совѣтниковъ, ни друзей, ни внѣшней помощи. Въ себѣ самомъ имѣешь подкрѣпленіе, какое имѣю и я, и всякій желающій. Надобно только пожелать, только устремиться. Утѣшеніе близко, въ устахъ твоихъ, въ сердцѣ твоёмъ. *Помянухъ, говоритъ, Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4.). Что легче воспоминанія? • Воспомани и ты, и возвеселишься. Какое удобное

врачевство! Какое скорое врачеваніе! Какое величїе дара! Воспомани о Богѣ, и Онъ не только успокоеваетъ малодушіе и скорбь, но производитъ и радость.

Желаешь ли услышать и другія слова о челоувколюбїи (Божїемъ)? Если, сказано, обратившись, воздохнешь ко Господу, то спасенъ будешь (Иезек. 33, 19.) Смотрите, какъ спасеніе соединено съ въздыханїемъ. Ты не успѣешь еще выговорить слова, Онъ скажетъ: *Я здѣсь!* и *речетъ душъ твоей: спасеніе твое есмь Азъ* (Пс. 34, 4.). Между прошенїемъ и полученїемъ ничто не посредствуетъ: ни золото, ни серебро, ни блестящїе и дорогїе камни, ни все прочее, чѣмъ люди преклоняются на милость. Когда Софонїя, какъ-бы отъ лица Бога, разгнѣваннаго и огорченнаго, сказалъ: *опустошу пути ихъ весьма, еже не проходити: исчезоша гради ихъ, занеже ни единому быти, ни жити* (Соф. 3, 6.); когда поразилъ ужасомъ, сокрушилъ печалїю, навелъ мракъ своею угрозою: тотчасъ низводитъ и свѣтъ благой надежды, и возстановляетъ меня сими словами: *рѣхъ, обаче убойтеся мене, и прїимите наказанїе, и не имате потребитися отъ очїю Его* (ст. 7.). А нѣсколько ниже говоритъ еще радостнѣе и челоувколюбивѣе: *Во время оно речетъ Господь: дерзай Сїоне, да не ослабѣютъ руцѣ твои. Господь Богъ твой въ тебѣ, сильный спасти тебя: наведетъ на тя веселїе, и обновитъ тя въ любви Своей... и соберетъ сотренныя... и спасетъ утѣшенныя и отриновенныя прїиметъ* (ст. 16—19.).

Сего требуютъ и святые, и самый разумъ, сего .

желаетъ мое слово. Примите же слово мудрости, дабы вамъ *пришедши во глубину золь не вознерадуть*, какъ говоритъ божественный Соломонъ (Прит. 18, 3.), и не погибнуть отъ собственного невѣжества, а не отъ обдержажней скорби. Есть, братія, нѣкоторый кругъ въ дѣлахъ человѣческихъ, и самыми противоположностями научаетъ насъ Богъ, все устрояющій и всѣмъ, а во всемъ и нашими дѣлами, управляющій по непостижимымъ и неизслѣдимымъ Своимъ судьбамъ такъ же премудро, какъ премудро Онъ все составилъ и связалъ. Ибо все, такъ сказать, движется и зыблется около неподвижнаго,—но движется не въ основаніи, которое во всемъ твердо и неподвижно (хотя сіе и сокрыто отъ нашей немощи), а въ томъ, что ежедневно встрѣчается и бываетъ. И таково древнее и постоянное опредѣленіе Божіе, чтобы тѣма, разлитая предъ глазами нашими, была *закровъ Его* (Ис 17, 12.). И посему многое въ міроуправленіи мы не иначе можемъ видѣть, какъ въ темныхъ гаданіяхъ и представленіяхъ, потому ли что Богъ смиряетъ нашу кичливость, дабы мы сознавали себя ничтожными предъ истинною и первою мудростію; стремились же къ Нему Единому и всегда старались просвѣщаться тамошними озареніями, или потому что чрезъ непостоянство видимаго и превратнаго Онъ приводитъ насъ къ постоянному и вѣчному. Впрочемъ ничто, какъ сказалъ я, не неподвижно, неравно само себѣ, несамодовольно и неодинаково до конца—ни веселіе, ни скорбь, ни богатство, ни бѣдность, ни сила, ни безсиліе, ни униженность, ни власть, ни настоящее, ни будущее, ни наше, ни чу-

жое, ни малое, ни великое, ни все, что еще на-
 именуемъ. И въ непостоянствѣ остается одно толь-
 ко постояннымъ—измѣненіе во всемъ. Ибо все бы-
 стро кружится и переходитъ, и само себѣ противо-
 бодрствуетъ, такъ что болѣе можно довѣрять вѣтру
 и писанному на водѣ, нежели благоденствію чело-
 вѣческому, потому что зависть полагаетъ преграду
 счастью, а милосердіе несчастію. И это, по моему
 разсужденію, премудро и удивительно, потому что
 скорбь не остается безъ утѣшенія, а счастье безъ
 вразумленія. Тѣ благоразумно поступаютъ, которые
 (такъ какъ отъ смиренія раждается познаніе оправ-
 даній) вразумляются несчастіями и очищаясь, какъ
 золото огнемъ, говорятъ: *благо мнѣ, яко смирилъ*
мя еси (Пс. 118, 17.), съ которыми тоже бываетъ,
 что и съ Петромъ, призвавшимъ спасеніе, когда
 уже утопалъ,—и которые чрезъ болѣзнь болѣе при-
 ближаются къ Богу, и чрезъ скорбь приобрѣтаютъ
 благодѣтеля; потому что болѣзнующая душа близка
 къ Богу, и скудостію обращается къ могущему
 дать, тогда какъ могла бы и презрѣть Его при
 обиліи даровъ.

Посему, братія, будемъ обращать взоръ свой
 горѣ во всякое время и при всякомъ случаѣ, бу-
 демъ ограждать себя благою надеждою, дабы намъ
 и въ радости не потерять страха, и въ скорбяхъ—
 упованія. Будемъ помнить при ясномъ небѣ о не-
 настѣ, и во время бури о кормчемъ; не будемъ
 унывать въ скорбяхъ, не будемъ злыми рабами,
 которые исповѣдуютъ Владыку, когда Онъ *благо-*
сотворитъ имъ (Псал. 48, 19.), и не обращаются
 къ Нему, когда наказываетъ; между тѣмъ какъ

иногда болѣзнь бываетъ лучше здоровья, терпѣніе — отрады, посѣщеніе — пренебреженія, наказаніе — прощенія. Скажу кратко: не будемъ упадать духомъ отъ бѣдствій, ни надмеваться отъ довольства. Покоримся Богу и другъ другу, и начальствующимъ на земли: Богу по всѣмъ причинамъ; другъ другу для братолюбія; начальствующимъ — для благоустройства, и тѣмъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе они кротки и снисходительны. Опасно истощать милосердіе начальниковъ, надѣясь на частое прощеніе; ибо, истощивъ, за ихъ строгость подвергнемся отвѣтственности мы сами, которые нарушаемъ тишину вѣтромъ, наводимъ на свѣтъ мракъ и къ меду примѣшиваемъ полынь. И между нашими законами есть одинъ законъ, — законъ похвальный и прекрасно постановленный Духомъ, Который далъ Свои законы, сличивъ возможное и наилучшее. По сему закону какъ рабы должны быть послушны господамъ (Еф. 6, 5.), жены — мужьямъ, Церковь — Господу, ученики — Пастырямъ и учителямъ; такъ и всѣ, обязанные давать дань, — повиноваться всѣмъ властямъ предержащимъ *не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Рим. 13, 5. 6.), и не дѣлать закона ненавистнымъ, дѣлая зло, не доводить себя до меча; но, очищаясь страхомъ, заслуживать похвалу отъ власти. Одно и то же правило; но оно щадитъ прямое и отсѣкаетъ лишнее. Одно солнце, но оно свѣтитъ здоровому зрѣнію, а омрачаетъ слабое. Хочешь ли, скажу съ дерзновеніемъ нѣчто и изъ своего ученія? Одинъ Христосъ, но Онъ *лежитъ на паденіе и на возстаніе* (Лук. 2, 34.), — на паденіе невѣрнымъ, на возстаніе вѣрующимъ. Для однихъ

Онъ камень претыканія и камень соблазна (1 Петр. 2, 7.), именно для тѣхъ, которые не познали, ниже уразумѣли, но во тьмѣ ходятъ, или служатъ идоламъ, или не прозирають далѣе письмени, и не хотятъ и не могутъ просвѣтиться чѣмъ-либо кромѣ письмени. Для другихъ Онъ камень краеугольный и камень похваляемый, именно для тѣхъ, которые обуздываются словомъ и утвердились на семь камней. Или, ежели хочешь, Онъ есть та жемчужина, которую добрый купецъ покупаетъ на все свое имѣніе (Матѣ. 13, 45. 46.). Но мы, братія, не исполняющіе своихъ обязанностей, а негодующіе на власть, почти такъ же поступаемъ, какъ и тотъ, кто, самъ погрѣшая противъ законовъ борьбы, обвиняетъ раздаятеля наградъ въ несправедливости, или кто самъ страдая тяжкою болѣзнію и имѣя нужду во врачеваніи не менѣе болѣзненнымъ, винить въ невѣжествѣ и безразсудствѣ врача, который употребляетъ надрѣзыванія и прижиганія. Вотъ отъ меня и утѣшеніе и вмѣстѣ наставленіе для подчиненныхъ! Симъ убогій пастырь возвращаетъ на истинный путь малое стадо, съ которымъ въ радости радоваться, и въ печали стенать повелѣваетъ мнѣ законъ моего пастырскаго служенія!

Что же вы, властители и начальники? Слово уже обращается къ вамъ для того, чтобы не почли насъ совершенно несправедливыми, если убѣждая подчиненныхъ къ исполненію долга, уступимъ вашему могуществу, какъ-бы стыдятся или страшась пользоваться нашею свободою, если будемъ болѣе заботиться о нихъ, а вознерадимъ о васъ, о которыхъ

тѣмъ болѣе надобно позаботиться, чѣмъ полезнѣе сіе для той и другой стороны, чѣмъ важнѣе успѣхъ. А противнаго сему да не будетъ съ нами и съ нашимъ словомъ. Итакъ, что вы говорите? На чемъ намъ помириться? Примете ли дерзновенное слово мое, и законъ Христовъ подчиняетъ ли васъ моей власти и моему престолу? И мы имѣемъ власть большую и совершеннѣйшую; иначе духъ долженъ уступить плоти и небесное земному.

Знаю, что и ты выслушаешь дерзновенное слово; потому что и ты священная овца моего священнаго стада, питомецъ великаго пастыря (а), истинно свыше приведенъ Духомъ, и подобно намъ просвѣщенъ свѣтомъ Святыхъ и Блаженныхъ Троицы. Посему слово мое къ тебѣ будетъ непродолжительно и кратко. Ты со Христомъ начальствуешь, со Христомъ и правительствуешь. Онъ далъ тебѣ мечъ не дѣйствовать, но угрожать; и да соблюдется мечъ сей Даровавшему, какъ чистый даръ. Ты самъ образъ Божій, и руководишь образъ, о которомъ здѣсь надобно заботиться, и съ которымъ должно перейти въ другую жизнь; а въ нее мы всѣ перейдемъ, по кратковременной игрѣ въ здѣшней жизни, назовемъ ли ее темницею, или поприщемъ, или предначертаніемъ, или тѣнію жизни истинной. Почти сродство, уважь первообразъ, пребудь съ Богомъ, а не съ міродержителемъ, — со Христомъ Господомъ, а не съ лютымъ мучителемъ. Онъ *человѣкоубійца бль ис-*

(а) Разумѣеть своего отца.

кони (Іоан. 8, 44.). Онъ и первому человѣку, доведя его до преслушанія, нанесъ ударъ и причинилъ бѣдственную жизнь; онъ чрезъ грѣхъ ввелъ законъ наказывать и терпѣть наказанія. А ты, человѣкъ Божій, вспомни, чье ты твореніе и куда призываешься, что имѣешь и чѣмъ ты долженъ, отъ кого у тебя законъ, слово, Пророки, самое боговѣдніе и небезнадежность получить ожидаемое. Посему подражай Божію человѣколюбію. Въ человѣкѣ всего болѣе божественно то, что онъ можетъ благотворить. Ты можешь стать богомъ, ничего не сдѣлавъ: не пропускай случая къ обоженію. Для Духа одни истощаютъ свое имѣніе, другіе истощаютъ плоть, умираютъ для Христа, и совершенно удаляются отъ міра. Иные посвящаютъ Богу то, что всего для нихъ дороже. И ты безъ сомнѣнія слышалъ о жертвѣ Авраама, которій единороднаго, рожденнаго по обѣтованію, когда въ немъ заключалось обѣтованіе, отдалъ Богу охотнѣе, нежели въ началѣ получалъ отъ Бога. Но мы отъ тебя ничего такого не требуемъ: одно вмѣсто всего принеси—принеси человѣколюбіе, которымъ Богъ благоугождается болѣе, нежели всѣмъ прочимъ вмѣстѣ,—принеси даръ единственный, даръ непорочный, даръ призывающій щедроты Божіи. Присоедини къ страху кротость, раствори угрозу надеждою. Знаю, какъ много можетъ сдѣлать благодать, которая заставляетъ изъ стыда воздавать должное, когда, имѣя возможность принудить, прощаемъ и своимъ благоволеніемъ приводимъ въ стыдъ милуемаго. Ничто да не убѣждаетъ тебя быть не достойнымъ власти, ничто да не отклоняетъ тебя отъ милосердія и кротости—

ни обстоятельства, ни властитель, ни страхъ, ни опасеніе высшихъ начальниковъ, ни превозмогающая дерзость. Старайся пріобрѣсти въ тѣсныхъ обстоятельствахъ благоволеніе свыше. Дай взаимъ Богу милосердіе. Никто не раскаявался изъ принесшихъ что-либо Богу. Онъ щедръ на воздаяніе, наипаче же тамошними благами Онъ вознаграждаетъ тѣхъ, которые здѣсь что-либо принесли и дали Ему взаимъ; иногда же, чтобы увѣритъ въ будущихъ благахъ, Онъ награждаетъ и здѣшними благами. Еще мало, и міръ преидетъ, и тѣнь исчезнетъ. Воспользуемся временемъ, искупимъ непостояннымъ вѣчное. Каждый изъ насъ во *епитиміяхъ* (Сир. 8, 6.), и земля много носитъ чужихъ долговъ. Простимъ же, чтобы и намъ простили; отпустимъ, чтобы самимъ испросить отпущеніе. Видишь въ Евангеліи: приводятъ задолжавшаго многими талантами и прощаютъ ему долгъ (потому что онъ приведенъ къ благому владыкѣ); но кому прощаютъ, тотъ самъ не прощаетъ (ибо онъ рабъ и въ своемъ произволеніи), и какое челоуѣколюбіе оказано ему въ большемъ; такого не оказываетъ онъ товарищу въ меньшемъ, что долженъ былъ бы сдѣлать, ежели не по чему другому, то подражая показанному примѣру великодушія. И господинъ гнѣвается, а о послѣдующемъ умолчу. Скажу только, что всякому лучше оказывать милость здѣсь, нежели давать отчетъ тамъ.

Что ты скажешь? Убѣдили ли тебя сіи слова, которыя, по неоднократному твоему признанію, любишь ты, наилучшій изъ начальниковъ, и если бы можно было присоединить, челоуѣколюбивѣйшій, или надобно представить тебѣ вмѣсто просьбы и

эту сѣдину (б), число лѣтъ и долговременное священство, священство непорочное, которое, можетъ-быть, и Ангелы, служащіе Чистѣйшему, уважаютъ какъ достойное ихъ собственнаго служенія? Убѣждаетъ ли тебя это, или дерзну на большее? А дерзновеннымъ дѣлаетъ меня скорбь. Представляю тебѣ Христа и Христово истощаніе за насъ и страсти Безстрастнаго, и крестъ и гвозди, которыми я разрѣшенъ отъ грѣха, и кровь, и погребеніе, и воскресеніе, и вознесеніе, и сію трапезу, къ которой мы вмѣстѣ приступаемъ, и образы моего спасенія, совершаемые тѣми же устами, которыми ходатайствую предъ тобою, — это священное и горѣ возносящее насъ тайноводство. Ежели не за одно которое-либо изъ сихъ, то по крайней мѣрѣ за все окажи милость и намъ и себѣ, милость домашней твоей церкви, и сей прекрасной полнотѣ Христовой, которая (такъ представляй себѣ) сама съ нами ходатайствуетъ (хотя и предоставляетъ ходатайство намъ, какъ почтеннымъ ради Почтившаго), и вмѣстѣ съ симъ подчиняется закону начальствованія. Въ одномъ позволь побѣдить себя, — побѣди насъ чело-вѣколюбіемъ! Вотъ привожу къ тебѣ просителей моихъ предъ Богомъ и Ангелами, и царствомъ небеснымъ и тамошними воздаяніями. Уважь мою вѣру, какую я къ тебѣ имѣлъ, и которою другихъ увѣрилъ, дабы также уважили ее въ большемъ и совершеннѣйшемъ. Скажу короче: ты самъ имѣешь Господа на небѣ, Который да будетъ тако-

(б) Разумѣеть своего отца

вымъ же судію для тебя, какимъ ты будешь для подвластныхъ. Но да получимъ всѣ мы и здѣшнюю милость, и тамошнее снисхожденіе во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава, Которому честь и царство со Отцемъ и Святымъ Духомъ, какъ принадлежали въ прежнее время и прежде самаго времени, принадлежать и нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О 18,

ГОВОРЕННОЕ ВЪ ПОХВАЛУ ОТЦУ И ВЪ УТЪШЕНІЕ
МАТЕРИ НОННѢ ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВ. ВАСИЛІА, КЪ
КОТОРОМУ ОБРАЩЕНО ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ СЛОВО.

Человѣкъ Божій (Ис. Нав. 14, 6.), *вѣрный рабъ* (Чис. 12, 7.), *строитель таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1.), *мужъ желаній* (Дан. 10. 11) и притомъ *духовныхъ*! Такъ именуетъ Писаніе преуспѣвшихъ и высокихъ по жизни, ставшихъ выше видимаго. Но назову тебя еще *богомъ Фараону* (Исх. 7, 1) всей Египетской и сопротивной силы, *столпомъ и утвержденіемъ* (1 Тим. 3, 15.) Церкви, *Господнею волею* (Иса. 62, 4.), *свѣтиломъ въ мѣрть, содержащимъ слово жизни* (Фил. 2, 15. 16), опорой Вѣры, обителію Духа. И могу ли перечислить всѣ наименованія, какія дала тебѣ добродѣтель, съ каждымъ своимъ видомъ принося и усвоивъ новое имя? Скажи однакожъ: откуда приходишь, и что твое дѣланіе (Іон. 1, 8)? Что намѣренъ ты совершить для насъ? Ибо знаю, что все предприем-

лешь ты съ Богомъ, по Божію внушенію и для блага сръбтающихъ тебя. За чѣмъ приходишь? Насъ ли посѣтитъ? Найдти ли пастыря? Или обозрѣтъ паству?

Мы почти не существуемъ, а большею частію бытія съ нимъ (а) преселились отселѣ, тяготимся *мъстомъ озлобленія* (Пс. 43, 20.), особливо нынѣ, когда свѣдущій кормчій, или свѣтильникъ нашей жизни, свыше указывавшій намъ спасеніе, чтобы, взирая на него, направляли мы путь свой — сей пастырь, со всѣми доблестями, со всею пастырскою опытностію, какою пріобрѣталъ долгимъ временемъ, оставилъ насъ, исполненный дней и благоразумія и, если можно сказать словами Соломона, *увѣнчанный старостію хвалы* (Прит. 16, 31.). Паства въ недоумѣніи и смущеніи. И видишь, какого унынія, какой печали она исполнена; потому что не *упокоевается* уже на *мъсть злачиль*, не *воспитывается на водѣ покойнѣ* (Пс. 22, 2.), но ищетъ стремнинъ, пустынь и пропастей, гдѣ можетъ разсѣяться и погибнуть; не надѣется получить когда-либо другаго разумнаго пастыря, и вполнѣ увѣренная, что не получитъ равнаго почившему, желала бы по крайней мѣрѣ имѣть хотя и худшаго, но не многимъ.

Поелику же, какъ сказалъ я, три причины, и каждая въ равной мѣрѣ, дѣлають присутствіе твое необходимымъ, то-есть мы, пастырь и паства; то всѣмъ подай приличное, по живущему въ тебѣ духу служенія, и *устрой слово на судѣ* (Пс. 111,

(а) Св. Григорій разумѣетъ почившаго родителя своего.

5), чтобы мы еще болѣе дивились твоей мудрости. Но какъ устроить тебѣ слово? Восхваляи почившаго, сколько требуетъ его добродѣтель, не для того только, чтобы въ надгробный даръ чистому принести чистое слово, но и для того, чтобы другимъ представить жизнь его въ образецъ и въ урокъ благочестія. А намъ кратко преподай любомудрое ученіе о жизни и смерти, о соединеніи и разлученіи души съ тѣломъ, о двухъ мірахъ, о мірѣ настоящемъ и непостоянномъ, и о мірѣ умосозерцаемомъ и всегда пребывающемъ; убѣди насъ презирать въ первомъ все обманчивое, нестройное, безпорядочное, подобно волнамъ, то вверхъ, то внизъ влекущее и увлекаемое, прилѣпляясь же къ тому, что есть въ послѣднемъ неизблемаго, постоянного, боголѣпнаго, всегда одинаковаго, не подлежащаго никакимъ тревогамъ и замѣшательствамъ. Ибо будемъ менѣ скорбѣть, и даже еще радоваться, объ отходящихъ отъ насъ, когда слово твое, отвлекши насъ отъ земнаго, возведетъ къ горнему, настоящія огорченія закроетъ будущимъ, и удостовѣритъ, что и мы сами поспѣшаемъ къ благому Владыкѣ, что водвореніе лучше пришельствія, что каково для пловцевъ тихое пристанище, таково для обуваемыхъ въ здѣшной жизни преставленіе и преложеніе въ жизнь будущую, или, сколько удобствъ и облегченія чувствуютъ совершившіе дальній путь въ сравненіи съ тѣми, которые испытываютъ еще трудности и непріятности путешествія, столько участь достигшихъ небесной гостинницы лучше и спокойнѣе участи идущихъ еще по негладкому и стремнистому пути сея жизни.

Такъ можешь утѣшать насъ. Но чѣмъ утѣпишь паству? Во-первыхъ, общай ей свое покровительство и руководство; ибо всѣмъ хорошо покоиться подъ твоими крылами, и мы гласа твоего жаждемъ больше, нежели томимые естественною жаждою — чистаго источника. Во-вторыхъ, увѣрь, что и теперь не оставилъ насъ добрый пастырь, полагавшій душу за овецъ, но доселѣ съ нами, и пасетъ и пу-теводитъ насъ, и знаетъ своихъ, и свои его знаютъ, хотя невидимъ тѣлесно, но сопребываетъ духовно, воюетъ за паству съ волками, и никому не дозволяетъ разбойнически, или коварно перескакивать черезъ дворъ овчій, чуждымъ гласомъ отвлекать и похищать души, право наставленныя въ истинѣ. А я увѣренъ, что теперь молитвами произведетъ онъ больше, нежели прежде ученіемъ; по-колику сталъ ближе къ Богу, сложивъ съ себя тѣлесныя оковы, освободившись отъ брежня омрачающаго умъ, непокровеннымъ представъ къ непокровенному первому и чистѣйшему Уму, сподобившись (если могу такъ смѣло выразиться) Ангельскаго чина и дерзновенія.

Все сіе самъ ты, по данной тебѣ силѣ слова и духа, и расположишь и исполнишь любомудріемъ гораздо лучше, нежели какъ могъ бы я предначертать. Но чтобы, по невѣднію доблестей пастыря, не слишкомъ сократилось слово о достоинствѣ его, сдѣлаю въ маломъ видѣ нѣкоторый очеркъ похвалы усопшему, воспользовавшись тѣмъ, что мнѣ извѣстно о немъ, и передамъ это тебѣ, какъ превосходному описателю такихъ предметовъ, дабы ты впол-

нѣ изобразилъ красоту его добродѣтели, и сообщилъ во услышаніе и назиданіе всѣмъ.

По правиламъ похвальнаго слова надлежало бы говорить о родѣ, отечествѣ, тѣлесныхъ совершенствахъ, внѣшней знаменитости и о чемъ еще высоко думаютъ люди. Но я, оставляя сіе, начну съ того, что для насъ первоначальнѣе и всего ближе, и скажу (не стыдись прежняго, ибо надѣюсь на послѣднее), что онъ (б) былъ отраслю корня не весьма похвальнаго, не принесшаго плодовъ благочестія, не въ дому Божиємъ насажденнаго, но весьма страннаго и чудовищнаго, который составилъ изъ двухъ противоположностей — изъ языческаго заблужденія и подзаконнаго мудрованія, допустивъ въ себя нѣкоторыя части того и другаго, а нѣкоторыя устранивъ. Послѣдователи сего ученія, отвергая идоловъ и жертвы, покланяются огню и свѣтильникамъ, а уважая субботу и до мелочи соблюдая постановленія о животныхъ, не принимаютъ обрѣзанія. Ипсистеріями (в) называются сіи не высокіе по вѣрованію люди, и чтутъ единаго Вседержителя. Но что же является изъ человѣка, который возросъ какъ-бы въ сугубомъ нечестіи? Не знаю, что болѣе восхвалить, благодать ли его призвавшую, или собственное его произволеніе? По крайней мѣрѣ такъ онъ очистилъ умное око отъ покрывавшей его нечистоты, и съ такою скоростію устремился

(б) Родитель св. Григорія Богослова.

(в) Наименованіе Ипсистеріевъ происходитъ отъ слова ὑψιστος самый высокій).

къ истинѣ, что для небеснаго Отца и для истиннаго наслѣдія рѣшился до времени быть оставленнымъ отъ матери и лишеннымъ имущества, и безчестіе сіе принялъ охотнѣе, нежели иной самыя высокія почести. Но сколько это ни удивительно, я менѣе дивлюсь сему. И почему? Потому что и многіе другіе приносили подобныя пожертвованія, и всѣмъ надлежитъ взойти въ великій *неводъ* Божій (Матѹ. 13, 47.), всѣхъ должно уловить слово Рыбарей, хотя Евангеліе беретъ въ плѣнъ однихъ ранѣе, другихъ позже.

Но почитаю нужнымъ сказать о томъ, что представляется мнѣ въ немъ наиболѣе удивительнымъ. Еще не одного съ нами будучи двора, онъ былъ уже нашимъ; ибо къ намъ принадлежалъ по своимъ нравамъ. Какъ многіе изъ нашихъ бываютъ не отъ насъ, потому что жизнь дѣлаетъ ихъ чуждыми общему тѣлу; такъ многіе изъ не принадлежащихъ къ намъ бываютъ нашими, поколику добрыми нравами предваряють вѣру, и обладая самою вещию, не имѣютъ только имени. Изъ числа послѣднихъ былъ мой отецъ — вѣтвь еще чуждая, но по жизни преклоненная къ намъ. Онъ столько отличался цѣломудріемъ, что былъ вмѣстѣ и весьма любезнымъ и самымъ скромнымъ, хотя трудно сойдтись обоимъ симъ качествамъ. А правдивость его имѣетъ ли нужду въ сильнѣйшемъ и очевиднѣйшемъ доказательствѣ, когда знаемъ, что онъ, проходя первыя должности въ государствѣ, не приумножилъ своего имѣнія и одною драхмою (г), хотя видѣлъ, что

(г) Малая монета.

другіе на общественное достоиніе налагають Бриареевы руки (д), и пухнуть отъ гнусныхъ поборовъ; ибо такъ называю несправедное обогащеніе? Но тоже самое служитъ немалымъ доказательствомъ и благоразумія; впрочемъ оно еще болѣе обнаружится послѣдующимъ словомъ. Самую вѣру, какъ разсуждаю, получилъ онъ въ награду за сіи добродѣтели. И я объясню, какимъ именно образомъ получилъ ее; потому что не прилично умалчивать о дѣлѣ столь важномъ.

Жену люблю кто обрѣцетъ (Притч. 31, 10)? говоритъ, какъ слышу, Божественное Писаніе. Это даръ Божій, и Господь устрояетъ доброе супружество. Такъ разсуждаютъ даже язычники; ихъ изреченіе, что для человѣка прекраснѣйшее пріобрѣтеніе — добрая жена, и всего хуже злая (е). И нельзя сказать, чтобы въ семь отношеніи былъ кто-нибудь счастливѣе отца моего. Думаю, что если бы кто, ища для себя совершеннѣйшаго супружества, обошелъ всѣ концы земли и весь родъ человѣчскій; то не нашелъ бы лучшаго и согласнѣйшаго. Въ немъ такъ соединились всѣ превосходныя, и мужескія и женскія, качества, что бракъ былъ не плотскимъ только союзомъ, но не менѣе того и союзомъ добродѣтели. Супруги, превосходя другихъ, не могли превзойти другъ друга, потому что въ обоихъ добродѣтель была одинаковой силы

(д) Бриарей по языческому баснословію былъ сторукой, и потому самый хищный, гигантъ.

(е) Слова Гезіода изъ творенія его подъ названіемъ: труды и дни.

и цѣны. Жена, данная Адаму помощникомъ по нему (Быт. 2, 18.), потому что добро чловѣку быть не единому, изъ сотрудницы сдѣлалась врагомъ, стала не супругою, но противницею, обольстивъ мужа сластолюбіемъ и древомъ познанія лишивъ древа жизни. Но жена, данная Богомъ моему родителю, была для него не только сотрудницею, что еще не очень удивительно, но и предводительницею. Она сама, и словомъ и дѣломъ, направляла его ко всему превосходному. И хотя почитала для себя первымъ долгомъ, по закону супружества, покоряться мужу во всемъ другомъ; однако же не устыдилась быть его наставницею въ благочестіи. Конечно, достойна она въ семъ удивленія; но еще достоудивительнѣе покорствующій ей добровольно. Если другія жены тщеславятся и превозносятся красотою, какъ естественною, такъ и поддѣльною; то она знала одну красоту, красоту душевную, и старалась сохранять или уяснять въ себѣ, по мѣрѣ силъ, образъ Божій; а поддѣльныя и искусственныя украшенія отвергала, предоставляя ихъ опредѣлившимъ себя на зрѣлица. Она знала одно истинное благородство — быть благочестивою, и знать, откуда мы произошли, и куда поидемъ; одно надежное и неотъемлемое богатство — иждивать свое имущество для Бога и для нищихъ, особенно же для обѣднѣвшихъ родственниковъ. Удовлетворить только ихъ нуждамъ, по ся мнѣнію, значило не прекратить бѣдствіе, а напомнить объ ономъ; благодѣтельствовать же со всею щедростію почитала она дѣломъ, которое могло доставить и ей прочную славу, и имъ совершенное утѣшеніе.

Если однѣ изъ женъ отличаются бережливостію, а другія благочестіемъ; ибо трудно совмѣщать оба качества: то она превосходила всѣхъ тѣмъ и другимъ, и въ каждомъ достигла верха совершенства, и оба умѣла соединить въ одной себѣ. Попечительностію и неусыпностію, по предписаніямъ и правиламъ Соломоновымъ для жены доблей, такъ она умножила все въ домѣ, какъ-бы вовсе не знала благочестія. Но и столько была усердна къ Богу и ко всему Божественному, какъ-бы нисколько не занималась домашними дѣлами. Одно не терпѣло у ней уцѣра отъ другаго, но одно другимъ взаимно поддерживалось. Укрылось ли отъ нея какое время и мѣсто молитвы? О семъ у нея ежедневно была самая первая мысль. Лучше же сказать, кто, приступая къ молитвѣ, имѣлъ столько упованія получить просимое? Кто оказывалъ такое уваженіе рукъ и лицу священниковъ? Кто такъ высоко цѣнилъ всякій родъ любомудрой жизни? Кто больше, чѣмъ она, изнурялъ плоть постомъ и бдѣніемъ? Кто благоговѣннѣе ея стоялъ во время всенощныхъ и дневныхъ псалмопѣній? Кто чаще ея восхвалялъ дѣвство, хотя сама несла брачныя узы? Кто былъ лучшею заступницею вдовъ и сиротъ? Кто въ такой мѣрѣ облегчалъ бѣдственное состояніе плачущихъ? Да и слѣдующее, для пныхъ можетъ-быть маловажное, даже не имѣющее никакой цѣны, какъ не для многихъ доступное (ибо что не удобно-исполнимо, тому по зависти съ трудомъ и вѣрнѣмъ), для меня весьма достойно уваженія, какъ изобрѣтеніе вѣры и порывъ духовнаго жара. Въ священныхъ собраніяхъ и мѣстахъ, кромѣ необходимыхъ

и таинственныхъ возгласеній, никогда не слышно было ея голоса. Въ древности то, что на жертвенникъ не восходила сѣкира, и при сооруженіи его не было видно и слышно орудій каменосѣццевъ, имѣло важность по тому высшему знаменованію, что все посвящаемое Богу должно быть естественно и безыскусственно. Почему же и въ ней не признать важнымъ того, что чествовала святыню молчаніемъ, никогда не обращала хребта къ досто­тимой трапезѣ, не плевала на полъ въ Божіемъ храмѣ; встрѣтись съ язычницею, никогда не слагала руки съ рукою, не прикасалась устами къ устамъ, хотя бы встрѣтившаяся отличалась скромностію и была изъ самыхъ близкихъ; со вкушавшими нечи­стой и скверной трапезы, не только добровольно, но и по принужденію, не раздѣляла соли, не могла, вопреки требованію совѣсти, пройти мимо, и да­же видѣть оскверненнаго дома; ни слуха, ни языка, которыми принимала и вѣщала Божественное, не оскверняла языческими повѣствованіями и зрѣлищ­ными пѣснями; потому что освященному не прилич­но все неосвященное? Но и сего удивительнѣе то, что она, хотя и сильно поражалась горестями, да­же чужими, однакоже никогда не предавалась плотскому плачу до того, чтобы скорбный гласъ исторгся прежде благодаренія, или слеза упала на вѣжди, таинственно запечатлѣнныя (ж), или при на­ступленіи свѣтлаго праздника оставалась на ней печальная одежда, хотя не однократно и многія постигали ее скорби. Ибо душѣ боголюбивой свой-

(ж) Крестнымъ знаменіемъ.

150.
Р. 150.
З. 150.

ственно подчинять Божественному все чловѣческое. Умолчу о дѣлахъ еще болѣе сокровенныхъ, которыми свидѣтель одинъ Богъ, и о которыхъ знали развѣ вѣрныя рабыни, бывшія въ томъ ея повѣренными. А о томъ можетъ-быть не должно и упоминать, что касалось до меня; такъ какъ я не соотвѣтствую ея надеждамъ, хотя и великихъ ей стало усилій, еще до рожденія, не страшась будущаго, обѣщать, а по рожденіи вскорѣ посвятить меня Богу. Впрочемъ Богу такъ было угодно, что обѣтъ ея не вовсе не исполненъ и приношеніе не отвергнуто. Таковыя совершенства частію были уже въ ней, а частію приумножились и возрастали постепенно. Какъ солнце и утренними лучами производить самое пріятное дѣйствіе, но полуденные лучи его теплѣе и свѣтлѣе; такъ и она, показавши не малые успѣхи въ благочестіи съ самаго начала, возсіяла напоследокъ обильнѣйшимъ свѣтомъ.

Посему введшій ее въ домъ свой, какъ издревле и отъ предковъ боголюбивую и христіюлюбивую, отъ отцевъ получившую въ наслѣдство добродѣтель, а не отъ дикой маслины, подобно ему, привитую къ маслинѣ доброй, — и тогда уже имѣлъ немалое побужденіе къ благочестію. Она, по презыбтку вѣры, не потерпѣла быть въ союзѣ съ иновѣрнымъ, и хотя была самая терпѣливая и мужественная изъ женъ, однако въ томъ единственно не могла сохранить любомудрія, чтобы одною половиною быть въ соединеніи съ Богомъ, а другою частію самой себя оставаться въ отчужденіи отъ Бога. Напротивъ того, она желала, чтобы къ союзу плотскому присоединился и союзъ духовный. А потому день и

ночь принадлежала къ Богу, въ постѣ и со многими слезами просила у Него даровать спасеніе главѣ ея, и неутомимо дѣйствовала на мужа, старалась приобрести его различными способами: упреками, увѣщаніями, услугами, отлученіемъ, а болѣе всего своими нравами и пламенною ревностію о благочестіи, чѣмъ всего сильнѣе преклоняется и умягчается сердце, добровольно давая себя нудить къ добродѣтели. Ей надобно было, какъ водѣ, пробивать камень, непрестанно падая на него по каплѣ, отъ времени ожидать успѣха въ томъ, о чемъ старалась, какъ и показало послѣдствіе. О семъ она просила, сего надѣялась, не столько съ жаромъ юныхъ лѣтъ, сколько съ горячностію вѣры. Ибо и на настоящее не полагался никто такъ смѣло, какъ она на упваемое, по опыту зная щедродаровитость Божію.

Но въ дѣлѣ спасенія содѣйствовалъ ей разсудокъ, принимавшій по-немногу врачевство, содѣйствовало и сонное видѣніе, каковыя Богъ нерѣдко посылаетъ въ даръ душѣ достойной спасенія. Какое же видѣніе?—Здѣсь начинается для меня самая пріятная часть повѣствованія. Отцу моему представилось, будто бы (чего никогда прежде не дѣлалъ, хотя и многократно просила и умоляла о томъ жена) поеть онъ слѣдующій стихъ Давида: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ* (Псал. 121, 1.). И псалмопѣніе необыкновенно, и вмѣстѣ съ пѣснію вселяется самое желаніе! А какъ скоро услышала получившая исполненіе желаемаго; пользуется временемъ, объясняетъ видѣніе въ самую добрую сторону, что было и справедливо; самую

радостію своею обнаруживаетъ величіе благодѣянія, и ускоряетъ дѣло спасенія, дабы не воспрепятствовало что-нибудь призванію и не разрушило того, о чемъ столько старалась. И какъ въ то время собиралось въ Никею большое число Архіереевъ, противостать Аріеву неистовству — сему злу, недавно появившемуся и вводившему сѣченіе въ Божествѣ; то родитель предаетъ себя Богу и проповѣдникамъ истины, исповѣдуетъ предъ ними свое желаніе и ищетъ у нихъ общаго спасенія; потому что одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Леонтій, правившій тогда нашею митрополіею.

И здѣсь по благодати совершилось чудо, умолчавъ о которомъ, я много бы погрѣшилъ противу благодати. Не мало людей, бывшихъ свидѣтелями онаго. Учители точности впадаютъ въ нѣкоторую духовную ошибку, а благодать прообразуетъ будущее, и къ оглашенію примѣшивается образъ священства. Подлинно невольное посвященіе! Ему велятъ преклонить колѣно, и въ семъ положеніи совершается онъ словами оглашенія; почему многіе изъ присутствовавшихъ, не только люди высокаго ума, но и гораздо ихъ низшіе, прорекаютъ будущее, не неясными знаменіями будучи удостовѣрены въ имѣющемъ послѣдовать.

Въ скоромъ времени присоединяется къ сему чуду другое. Предложу о семъ во услышаніе однихъ вѣрныхъ: ибо душамъ нечистымъ все прекрасное кажется невѣроятнымъ. Родитель приступаетъ къ возрожденію водою и духомъ, чрезъ которое, какъ исповѣдуемъ предъ Богомъ, образуется и совершается человекъ Христовъ, земное прела-

гается въ духъ и возсозидается. Приступаетъ же къ омовенію съ пламеннымъ желаніемъ, съ свѣтлою надеждою, предпочистивъ себя, сколько могъ, ставъ по душѣ и по тѣлу гораздо чище готовившихся принять скрижали отъ Моисея. Ибо ихъ очищеніе простиралось на однѣ одежды, состояло въ кратковременномъ цѣломудріи и въ томъ, чтобы обуздать нѣсколько чрево; а для него вся протекшая жизнь была приуготовленіемъ къ просвѣщенію и очищеніемъ до очищенія, ограждающимъ даръ, дабы совершенство вѣрено было чистотѣ, и даруемое благо не подвергалось опасности отъ навыковъ противоборствующихъ благодати. При выходѣ изъ воды осіяваетъ его свѣтъ и слава достойная того расположенія, съ какимъ приступилъ онъ къ дарованію вѣры. Сіе явственно было и для другихъ. Хотя они сохранили тогда чудо въ молчаніи, не осмѣливаясь разглашать, потому что каждый почиталъ себя одного видѣвшимъ; однако же вскорѣ сообщили о томъ другъ другу. Но тому, кто крестилъ и совершилъ его таинствомъ, видѣніе было весьма ясно и вразумительно, и онъ не могъ сохранить его втайнѣ, но всенародно возвѣстилъ, что помазалъ Духомъ своего преемника.

И да не сомнѣвается въ семъ никто изъ слышавшихъ и знающихъ, что и Моисей былъ еще малъ, а по людскому мнѣнію и вовсе не заслуживалъ вниманія, когда призывается купиною горящею, но не сгарающею, вѣриже же Тѣмъ, Кто явился въ купинѣ, и симъ первымъ чудомъ утверждается въ вѣрѣ, — тотъ, говорю, Моисей, у котораго разсѣкается море, дождится хлѣбъ, камень источаетъ воду, столбъ

огненный и облачный попеременно путеводствуетъ, воздѣяніе рукъ служить побѣднымъ знаменіемъ и, назнаменуя крестъ, побѣждаетъ многія тысячи. И Исаія, зритель славы и Серафимовъ, а послѣ него Іеремія, получившій великую силу надъ народами и царями, — одинъ до пророчества слышитъ Божій гласъ и очищается углемъ. (Ис. 6, 7. 8.), а другой познается до созданія и освящается до рожденія (Іер. 1, 5.). А Павелъ, великій проповѣдникъ истины, наставникъ язычниковъ въ Вѣрѣ, будучи еще гонителемъ, осіявается свѣтомъ, познаетъ Гонимата, пріемлетъ на себя великое служеніе, и потомъ наполняетъ благовѣствованіемъ всякій слухъ и разумѣніе. Нужно ли перечислять всѣхъ, которые призваны и присвоены Богомъ чрезъ чудеса подобныя тѣмъ, какими утверждёнъ въ благочестіи мой родитель?

И не лзя сказать, что одно начало было таково, такъ невѣроятно и необычайно, а послѣдующія дѣла обезславили чѣмъ-нибудь предшествовавшее, какъ бываетъ съ людьми, которые скоро начинаютъ чувствовать пресыщеніе въ добрѣ, и потомъ нерадятъ уже о преуспѣяніи, или и вовсе обращаются къ прежнимъ порокамъ. О немъ, говорю, не лзя сего сказать; напротивъ того онъ весьма былъ внимателенъ къ самому себѣ и къ предначатому. Въ немъ все имѣло взаимное согласіе, и бывшее до священства съ преимуществами священства, и бывшее по принятіи онаго съ прежними совершенствами. Не иначе прилично и начинать, какъ онъ кончилъ; не инымъ чѣмъ должно и оканчивать, какъ тѣмъ, съ чего онъ началъ.

Онъ пріемлетъ священство не съ такою опро-

метчивостію , не съ такимъ нарушеніемъ порядка, какъ дѣлается сіе нынѣ, но когда ничего уже не было пренебрежено, чтобы по очищеніи себя самого, пріобрѣсти опытность и силу очищать другихъ, какъ требуетъ сего законъ духовнаго послѣдованія. И когда пріемлетъ; тѣмъ паче прославляется въ немъ благодать, какъ благодать истинно Божія, а не человѣческая, и не какъ самозаконное стремленіе, или, по выраженію Соломона, *произволеніе духа* (Еккл. 1, 14.). Ибо Церковь, ему ввѣряемая, уподоблялась пажити, заросшей лѣсомъ и одичавшей; она недавно поступила подъ епископское правленіе, и прежде моего родителя украшалась единымъ только мужемъ, который былъ чуднаго и ангельскаго нрава, но очень простъ въ сравненіи съ нынѣшними предстоятелями народовъ. А какъ и тотъ вскорѣ преставился; то она снова оставалась долгое время въ небреженіи, и отъ безначалія пришла въ запустѣніе. Но родитель мой съ начала безъ большаго труда умягчилъ нравы людей, какъ благоразумными пастырскими наставленіями, такъ и тѣмъ, что себя самого, подобно прекрасно отдѣланному духовному изваянію, предлагалъ въ образецъ всякаго превосходнаго дѣла. Потомъ со всѣмъ усердіемъ занявшись Божиимъ словомъ, хотя и поздно началъ учиться, въ непродолжительное время пріобрѣлъ столько мудрости, что нимало не уступалъ трудившимся долго, и получилъ отъ Бога ту особенную благодать, что содѣлался отцемъ и учителемъ Православія, не колеблющимся въ разныя стороны, смотря по обстоятельствамъ, какъ нынѣшніе мудрецы, не обоюдно и ухищренно защищающимъ

наше ученіе, какъ поступаютъ люди, не имѣющіе въ себѣ твердаго основанія вѣры, или корчемствующіе истиною. Напротивъ того, онъ былъ благочестивѣе сильныхъ въ словѣ, и сильнѣе въ словѣ отличающихся правомысліемъ; справедливѣе же сказать, занимая второе мѣсто по дару слова, превосходилъ всѣхъ благочестіемъ. Вѣдая и единого Бога въ Троицѣ покланяемаго и три (Впостаси) въ единомъ Божествѣ, онъ не держался ни Савеліева ученія объ единомъ, ни Аріева о трехъ, то-есть, Божества, какъ не сокращалъ и не разлагалъ безбожно, такъ и не разсѣкалъ на особства, неравныя или по величинѣ, или по естеству. Ибо въ комъ все непостижимо и выше нашего разумнія, въ томъ можетъ ли быть постигнуто, или объяснено самое высочайшее? И какъ измѣрять безконечное, чтобы и Божество, находя въ Немъ степени приращенія и уменьшенія, подчинить тому же самому, что свойственно вещамъ ограниченнымъ? Такъ разсуждая, сей великій Божій человекъ, истинный Богословъ, не иначе какъ съ Духомъ Святымъ приступавшій къ такимъ предметамъ, сдѣлалъ (о другомъ чемъ нужно ли и говорить?), что Церковь сія могла наименоваться новымъ Іерусалимомъ и другимъ ковчегомъ, носимымъ по водамъ, какъ при великомъ Ноѣ, отцѣ сего втораго міра; особливо же ковчегомъ, потому что явно спаслась отъ потопленія душъ и устремленія еретиковъ. И въ какой мѣрѣ она уступала другимъ Церквамъ числомъ вѣрующихъ, въ такой же мѣрѣ превзошла ихъ славою, испытавъ на себѣ тоже, что и священный Внелеемъ, которому ничто не воспрепятствовало быть

и малымъ градомъ и матерію градовъ во вселенной; потому что въ немъ родился и воспитывался Христосъ, и Творецъ и Побѣдитель міра.

Доказательствомъ же сказанному служить слѣдующее. Когда мы, вовлеченные въ худое общеніе ухищреннымъ писаніемъ и реченіемъ (з), увидѣли противъ насъ возмущившимися ревностнѣйшихъ членовъ Церкви; тогда въ-разсужденіи его одного были увѣрены, что онъ не погрѣшилъ мыслию, и чернило не очернило его души, хотя и уловленъ по простотѣ, и имѣя нековарное сердце, не уберется отъ коварства. Онъ одинъ, или вѣрнѣе сказать, онъ первый примирилъ съ собою и съ другими тѣхъ, которые по ревности къ благочестію возстали противъ насъ, и какъ послѣдніе оставили насъ, такъ первые возвратились къ намъ изъ уваженія къ Пастырю и сознавая чистоту ученія. Такъ прекращено великое смятеніе въ Церквахъ и буря ста въ тишину (Ис. 106, 29.), удержанная его молитвами и увѣщаніями; при чемъ (если должно сколько-нибудь похвалиться) и я участвовалъ въ благочестіи и дѣятельности; ибо помогалъ ему во всякомъ добромъ дѣлѣ, и какъ-бы сопутствовалъ и слѣдилъ за нимъ, почему и удостоился совершить большую часть дѣла. Но на семъ да остановится слово, предупредившее нѣсколько порядкомъ событій.

(з) Св. Богословъ разуметь здѣсь то обстоятельство, случившееся съ его родителемъ, что онъ, по простотѣ, подписался къ изложенію Вѣры, составленному прикровенными Аріанами, въ которомъ слово *μονοθεος* (единосушный), съ малою перемѣною замѣнено было словомъ *ὁμοθεος* (подобосушный.)

Кто же, или исчислить множество его доблестей, или, желая умолчать о нѣкоторыхъ, безъ труда найдеть такія, о которыхъ можно и не говорить? Ибо все, что ни представится вновь уму, оказывается лучшимъ предшествовавшаго, и не могу остановить-ся на семь. Другіе сочинители похвальныхъ словъ затрудняются тѣмъ, о чемъ имъ говорить, а я больше затрудняюсь тѣмъ, о чемъ мнѣ не говорить. Самое обиліе обращается для меня нѣкоторымъ образомъ во вредъ; и мысль, пытаясь взвѣсить его дѣла, сама подвергается испытанію; потому что не въ силахъ найдти, которому изъ равноцѣнныхъ качествъ отдать преимущество. Что видимъ на стоячихъ водахъ, когда упавшій камень дѣлается средоточіемъ многихъ одинъ за другимъ появляющихся круговъ, при чемъ каждый образующійся внутри кругъ непрестанно расторгаетъ собою круги внѣшніе; то же самое происходитъ теперь и со мною. Едва приходитъ что-либо на мысль, какъ уже слѣдуетъ за тѣмъ и еще и еще новое; и не успѣю сдѣлать выбора, какъ представлявшееся прежде уступило уже мѣсто представившемуся вновь.

Кто былъ ревностнѣе его въ дѣлахъ общественныхъ? Кто оказалъ болѣе любомудрія въ дѣлахъ домашнихъ? Ибо и домъ и соразмѣрное имущество даровалъ ему Богъ, все устрояющій премудро и разнообразно. А къ нищимъ — сей самой презрѣнной части равночестнаго съ нами естества — у кого было сострадательнѣе сердце, щедрѣе рука? Дѣйствительно, какъ приставникъ чужаго имущества рассуждалъ онъ о собственномъ, чѣмъ только могъ, облегчая нищету, и иждивая не одни избытки, но и са-

мое необходимое, что конечно служитъ весьма яснымъ доказательствомъ его нищелюбія. Не только, по закону Соломонову, давалъ *часть седмицъ* (Еккл. 11, 2.), но не расчитывалъ, если приходится и осмѣй; охотнѣе расточалъ, чѣмъ иные пріобрѣтаютъ; отъялъ *отъ себе союзъ и рукобіеніе* (что, какъ дамаю, означаетъ скупость и развѣдыванія — достоинъ, или нѣтъ пріемлющій милостыню) и *глаголь роптанія* при подаваніи (Ис. 58, 9.), чѣмъ страждутъ многіе, подавая, но безъ усердія, которое важнѣе и совершеннѣе самаго подаванія. Ибо гораздо лучше для достойныхъ простирать руку и недостойнымъ, нежели изъ опасенія — встрѣтиться съ недостойными, лишать, благодаренія и достойныхъ. Сіе, по моему мнѣнію, и означаетъ то, что надобно посылать хлѣбъ свой даже на воду (Еккл. 11, 1.); онъ не разсыплется и не пропадетъ предъ праведнымъ Судією, но достигнетъ туда, гдѣ положено будетъ все наше, и гдѣ найдемъ его во время свое, хотя о томъ и не думаемъ.

Но всего превосходнѣе и выше въ родителѣ было то, что онъ, при равнодушіи къ богатству, былъ равнодушенъ и къ славѣ. И я хочу показать, въ какой именно мѣрѣ и какимъ образомъ. И имѣніе и усердіе подавать были у него общія съ супругою; потому что оба соревновали другъ другу во всемъ прекрасномъ. Но большая часть подаваній лежала на ея рукахъ; потому что она въ подобныхъ дѣлахъ была лучшею и вѣрнѣею распорядительницею. И подлинно жена щедролубивая! Если бы позволили ей черпать изъ Атлантическаго, или другаго обширнѣйшаго моря, и того бы ей не

достало: такъ велико и непомерно было въ ней желаніе подавать милостыню! Она подражала Соломоновой *півѣщъ* (Прит. 30, 15.), только въ противномъ—въ ненасыщаемости добрымъ, препобѣждала же въ себѣ алканіе худшаго, и не знала сытости только въ усердіи дѣлать добро. Все имущество, какое у нихъ было, и какое присовокупилось въ-послѣдствіи, почитала она скуднымъ для своего желанія; но если бы можно было, въ пользу нищихъ (какъ неоднократно слыхалъ я отъ нея) отдала бы себя и дѣтей. А потому родитель ей предоставилъ подаванія въ полную свободу, что, мнѣ кажется, выше всякаго примѣра. Ибо и въ другомъ можно безъ труда найти равнодушіе къ богатству; его губяты, чтобы заставить о себѣ говорить и чтобы пріобрѣсть значительность въ обществѣ; его даютъ также въ заемъ Богу чрезъ нищихъ, и въ семъ единственно случаѣ расточающіе сберегаютъ его для себя. Но едва-ли скоро найдемъ челоуѣка, который бы уступилъ другому и самую славу, пріобрѣтаемую щедростію. Ибо честолюбіе дѣлаетъ многихъ готовыми къ расточительности; но гдѣ подаваніе невидно, тамъ и тратяты неохотно. — Такъ расточала рука моего родителя; а большая часть сихъ дѣлъ его пусть останется извѣстною только знавшимъ его. Если и о мнѣ говорятъ что-либо подобное; оно выходитъ изъ того-же источника, и составляетъ часть одного потока.

О комъ справедливѣе можно сказать, что онъ съ Богомъ дѣйствовалъ, когда избиралъ людей для алтаря, или ревновалъ о поруганіяхъ оному, или со страхомъ очищалъ священную трапезу отъ не-

освященныхъ? Кто съ такою непоколебимостію воли, съ такою строгою справедливостію судилъ дѣла, ненавидѣлъ порокъ, чтилъ добродѣтель, предпочиталъ добродѣтельныхъ? Кто былъ столько снисходителенъ къ согрѣшающимъ, и оказывалъ столько пособій благоуспѣвающимъ? Кто лучше зналъ время жезла и палицы (и) (Пс. 22, 4.), и чаще дѣйствовалъ палицею? Чьи очи были паче *на вѣрныя земли* (Пс. 100, 6.), и кромѣ другихъ были на тѣхъ, которые въ уединеніи и внѣ брака живутъ для Бога, презрѣвъ землю и все земное? Кто больше обуздывалъ высокомеріе и любилъ смиренномудріе? И любилъ не притворно и не на показъ, какъ многіе нынѣ представляющіе изъ себя мужей любомудрыхъ, и по наружности столько же нарядные, какъ и тѣ глупыя жены, которыя, по недостатку собственной красоты, прибѣгаютъ къ румянамъ и прекрасно (сказалъ бы я) позорятъ себя, дѣлаясь безобразнѣйшими отъ самаго благообразія, и гнуснѣйшими по причинѣ своей гнусности. Но онъ поставлялъ смиреніе не въ одеждѣ, а въ благоустройствѣ души; и выражалъ оное не согбеніемъ выи, не пониженіемъ голоса, не наклоненіемъ внизъ лица, не густотою усовъ, не обритіемъ головы, не походкою; такъ-какъ все сіе прикрываетъ челоуѣка не на долго, и вскорѣ изобличается, потому что и все притворное непостоянно. Напротивъ того, онъ былъ всѣхъ выше по жизни, и всѣхъ смиреннѣе во мнѣніи о себѣ. По добродѣтели недоступенъ (i),

(и) Перваго для наказанія, второй для подпоры.

(i) То-есть, неподражаемъ.

а въ обращеніи весьма доступенъ. Онъ не отличалъ себя одеждою, въ равной мѣрѣ убѣгая и превозношенія и униженія; но внутреннимъ достоинствомъ былъ выше многихъ. И хотя не менѣ всякаго другаго укрощалъ недугъ и ненасытность чрева, однако же не думалъ о семъ высоко; одно дѣлалъ для того, чтобы очистить себя; другое, чтобы не возгордиться, привлекая славу новостію. Ибо все дѣлать и говорить съ тѣмъ, чтобы за сіе прославляли посторонніе, свойственно человѣку мірскому, для котораго нѣтъ инаго блаженства, кромѣ настоящей жизни. А человѣкъ духовный и Христіанинъ долженъ имѣть въ виду одно спасеніе, и, что ведетъ къ нему, высоко цѣнить, а что не ведетъ, презирать, какъ ничего нестоющее; и потому ни во что ставить все видимое, заботиться же единственно о томъ, какъ достигнуть внутренняго совершенства, и то почитать выше всего, что можетъ самого сдѣлать наиболѣе достойнымъ, а чрезъ него и другихъ привлечь къ совершенству.

Но превосходнѣйшими качествами въ моемъ родителѣ, ему преимущественно свойственными, и для многихъ не безызвѣстными были простота, нравъ чуждый всякаго лукавства и непамятозлobie. И въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ видимъ, что одинъ преуспѣвалъ въ одномъ, другой въ другомъ, въ какой мѣрѣ каждый удостоивался получить отъ Бога какую-либо благодать, на примѣръ: Іовъ — твердость и непреодолимость въ страданіяхъ; Моисей и Давидъ — кротость; Самуилъ — даръ пророчества и прозрѣнія въ будущее; Финеесъ — равность, по которой дано ему и имя; Петръ и Павелъ — неуто-

мимость въ проповѣданіи ; сыны Зеведеовы — велегласіе, почему и названы сынами грома. Но для чего перечислять всѣхъ?—я говорю знающимъ. Стефанъ и отецъ мой ничѣмъ столько не отличались, какъ незлобіемъ. Первый въ опасности жизни не возненавидѣлъ убійцъ, но побиваемый камнями молился за убивающихъ, какъ Христовъ ученикъ, за Христа страждущій и плодоносящій Богу нѣчто высшее самой смерти—долготерпѣніе. У послѣдняго не бывало промежутка времени между выговоромъ и прощеніемъ, такъ что скоростію помилованія почти закрывалось огорченіе, причиненное выговоромъ. Слышимъ и вѣруемъ, что есть дрожжи гнѣва и въ Богѣ—остатокъ негодованія на достойныхъ сего; ибо *Богъ отмщеній Господь* (Пс. 93, 1.). И хотя по челоуколюбію Своему преклоняется Онъ отъ строгости къ милосердію; однако же не совершенно прощаетъ грѣшниковъ, чтобы милость не сдѣлала ихъ худшими. Такъ и родитель мой ни мало не питалъ негодованія на огорчившихъ, хотя и не былъ вовсе неуязвимъ гнѣвомъ, особенно же препобѣждался ревностію въ дѣлахъ духовныхъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, когда бывалъ приготовленъ и вооруженъ, и оскорбительное встрѣчалъ какъ врага усмотрѣннаго издали; тогда, какъ говорится, не поколебали бы его и тысячи. Но и гнѣвъ его былъ пріятель; онъ былъ не *ярость по подобію зміи* (Пс. 57, 5.), которая воспламеняется внутри, готова ко мщенію, съ перваго движенія переходитъ въ гнѣвъ и желаніе возмездія, но походилъ на жало пчелы, уязвляющее, а не умерщвляющее. Челоуколюбіе же его было болѣе, нежели челоу-

ческое Въ числѣ угрозъ бывали иногда колеса и бичи, являлись исполнители наказанія; бывала опасность пожатія ушей, удара въ щеку, пораженія въ челюсть; и тѣмъ прекращалась угроза. Съ преступника совлекали одежду и обувь, распростирали его по землѣ, и потомъ гнѣвъ обращаемъ былъ не на обидчика, а на того, кто усердно содѣйствовалъ, какъ на служителя злу. Могъ ли кто быть его милостивѣе и достойнѣе приносить дары Богу? Не рѣдко едва приходилъ въ раздраженіе, какъ уже прощаль раздражившаго, стыдясь его паденій, какъ своихъ собственныхъ. Роса долѣе выдерживаетъ солнечный лучъ, падающій на нее утромъ, чѣмъ въ немъ удерживался какой-либо остатокъ гнѣва. Напротивъ того, едва начиналъ говорить, какъ съ словами проходило и негодованіе, оставляя по себѣ одно добротолубіе. Да и никогда не продолжалось его негодованіе по захожденіи солнца, не питало гнѣва, который губить и благоразумныхъ, не оставляло худыхъ слѣдовъ въ тѣлѣ, но сохранялось спокойствіе и среди самаго возмущенія. А потому онъ испыталъ на себѣ ту необычайность, что хотя не онъ одинъ подвергалъ наказаніямъ, однако же его одного любили и уважали наказываемые; потому что онъ побѣждалъ вспыльчивость милостію. И дѣйствительно, терпѣть наказаніе отъ праведнаго лучше, нежели умащаться елеемъ нечестиваго. Ибо самая суровость одного пріятна по причинѣ пользы, а милость другаго подозрительна по причинѣ его злонравія.

Но при такихъ душевныхъ качествахъ, имѣя нравъ простой и богоподобный, родитель мой

былъ для оскорбителей нѣсколько и страшень своимъ благочестіемъ; вѣрнѣе же сказать, всего болѣе поражала ихъ самая пренебрегаемая ими простота. Ибо не произносилъ онъ ни одного слова, молитвеннаго или клятвеннаго, за которымъ бы не послѣдовало тотчасъ или долговременное благо, или временная скорбь. Но первое выходило изъ глубины души, а послѣднее являлось только на устахъ, и было одно отеческое вразумленіе. Такъ многихъ изъ огорчившихъ его постигло не позднее воздаяніе и не сзади идущее правосудіе, какъ сказано у стихотворца (к); но они были поражаемы при первомъ движеніи гнѣва, раскаявались, притекали къ нему, падали на колѣна, получали прощеніе, и отходили прекрасно побѣжденными—исправившимися, уцѣломудренными и прощенными. Ибо и прощеніе не рѣдко ведетъ ко спасенію, обуздывая обидчика стыдомъ, изъ состоянія страха приводя его въ чувство любви и самое твердое благорасположеніе. Вразумленія же бывали различны; иныхъ бросали вверхъ волы, сдавленные ярмомъ и нечаянно набѣжавшіе, чего не случалось съ ними прежде; другихъ повергали на землю и топтали кони, дотолѣ самые покорные и смиренные; а нѣкоторыхъ постигала сильная горячка, и мучили мечтанія о собственныхъ проступкахъ. Для иныхъ бывали вразумленія и другаго рода, и претерпѣваемое ими научало ихъ послушанію.

(к) У Пиндара.

Такова и столь извѣстна была въ родителей моемъ кротость! Но кому же уступалъ онъ въ искусствѣ вести дѣла и въ дѣятельности? Конечно никому. Напротивъ того, хотя онъ былъ кротокъ въ большей мѣрѣ, нежели кто-либо другой; однако же при кротости былъ и дѣятеленъ. Хотя простота и суровость суть два качества всего болѣе одно другому противящіяся и противоположныя, потому что первая при кротости не дѣятельна, а другая при дѣятельности не человѣколюбива; впрочемъ въ немъ оба сія качества были соединены чуднымъ образомъ. Въ ходатайствахъ, предстательствахъ и во всѣхъ дѣлахъ правленія онъ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ строгій, но съ кротостію, и уступалъ, какъ человѣкъ недѣятельный, но съ искусствомъ. Соединяя въ себѣ мудрость змія въ-разсужденіи зла, и незлобіе голубя въ-разсужденіи добра, онъ не попускалъ и благоразумію дѣлаться злотворнымъ, и простотѣ доходить до слабоумія, но изъ обоихъ совершенствъ, какъ можно было лучше, составилъ одну добродѣтель. Чтò же удивительнаго, если при такихъ доблестяхъ, такъ священноначальствуя, и снискавъ у всѣхъ такую славу, удостоился онъ наконецъ и знаменій, каковыми Богъ утверждаетъ благочестіе?

Вотъ одно изъ совершившихся на немъ чудесъ. Онъ страдалъ недугомъ, и изнемогъ въ тѣлесныхъ силахъ. Да и удивительно ли, что святые подвергаются страданіямъ? Сіе нужно или для очищенія даже малой нечистоты, или для испытанія въ добродѣтели и для искуса въ любомудріи; или для назиданія болѣе немощныхъ, чтобы изъ примѣра

ихъ научались терпѣнію и не унывали въ страда-
ніяхъ. И такъ онъ былъ боленъ, а наступило время
святой и преславной Пасхи, сего царя дней, сея
пресвѣтлой ночи, разсѣявшей грѣховную тьму,—
ночи, въ которую при обильномъ свѣтѣ празднуемъ
собственное свое спасеніе, и какъ умерли съ умерщ-
вленнымъ за насъ Свѣтомъ, такъ и совозстаемъ съ
Воставшимъ. Въ такое время постигла его болѣзнь,
и она была, скажу не распространяясь, сильная го-
рячка съ жаромъ; вся внутренность пылала, силы
оскудѣли, а пищи не было, сонъ бѣжалъ, больной
метался и чувствовалъ трепетаніе во всѣхъ чле-
нахъ. Во рту вся внутренность—нёбо и что далѣе
нёба покрылось вередями, столько болѣзненными и
частыми, что трудно и опасно было проглотить
даже воды. Не помогали ни искусство врачей, ни
неотступныя молитвы домашнихъ, ни всѣ другія
пособія. Въ такомъ положеніи находился родитель,
дышалъ слабо и едва примѣтно, не узнавалъ пред-
стоящихъ, но весь былъ занятъ своею кончиною,
тѣмъ, чего давно желалъ, и что было ему угото-
вано. А мы были тогда во храмѣ, славили тайну и
молились; ибо, отчаявшись въ другихъ пособіяхъ,
прибѣгли къ великому Врачу, къ силѣ настоящей
ночи—къ сей послѣдней помощи. Но что готовилъ
намъ день? празднество или плачь, торжество или
погребеніе неприсутствовавшего съ нами? Сколько
слезъ пролито тогда всѣмъ народомъ! сколько слы-
шно было гласовъ, воплей и пѣсней срастворен-
ныхъ псалмопѣніями! У святилища просили священ-
ника, у таинства—таинника, у Бога—достойнаго
предстателя. И сіе совершалось съ предначатія

моей Маріамы, ударяющей въ тимпанъ не побѣд-
ный, но молитвенный, и наученной скорбію въ пер-
вый разъ отложить стыдъ и вопіять къ людямъ и
къ Богу, умоляя людей раздѣлить горестъ сѣтую-
щей и пролить съ нею слезы, а Бога прося услы-
шать молящихся, и вспоминая предъ Нимъ всѣ
прежнія чудеса Его (ибо скорбь избрѣтательна).
Что же творить Богъ сея ноци и болящаго? Съ
трепетомъ приступаю къ продолженію повѣствованія;
со страхомъ внимайте и вы, слушатели, а не
съ сомнѣніемъ, что и неприлично, когда говорю я
и о немъ. Наступило время тайнодѣйствія, началось
благоговѣнное стояніе и чинъ безмолвнаго вниманія
совершаемому; и Животворящимъ мертвыхъ, также
силою священной ноци, возставленъ болящій. Въ
немъ оказывается, сперва слабое, потомъ сильнѣй-
шее движеніе; послѣ сего, весьма тихимъ и невнят-
нымъ голосомъ назвавъ по имени одного изъ пред-
стоящихъ служителей, велитъ ему подойти, подать
одежду и поддерживать руки. Слуга съ изумле-
ніемъ подходитъ и охотно исполняетъ приказаніе.
Больной, опираясь на его руки, какъ на жезлъ,
подражаетъ Моисею на горѣ, и изнемогшія руки
устроивъ на молитву, вмѣстѣ съ народомъ своимъ
усердно совершаетъ таинство, или даже предначи-
наетъ совершеніе краткими, сколько могъ, словами,
но совершеннѣйшимъ, какъ думаю, умомъ. И
какое чудо! безъ алтаря предстоитъ алтарю, безъ
жертвенника жрецъ, священнодѣйствующій вдали
отъ священнодѣйствуемаго! Но и оно предложено
было ему Духомъ Святымъ, что и сознавалъ самъ
онъ, но не видѣли сего присутствующіе. Потомъ,

произнеся, какъ слѣдуетъ, слова Благодаренія (л) и благословивъ народъ, возлегаетъ онъ опять на одръ, и принявъ нѣсколько пищи, также вкусивъ сна, обновляется въ силахъ. Между тѣмъ, пока возрастало и укрѣплялось по-немногу здоровье, наступилъ новый день праздника, какъ именуемъ первый Господскій день, слѣдующій за днемъ Воскресенія. Тогда приходитъ во храмъ, со вѣсѣмъ церковнымъ соборомъ обновляетъ спасеніе, и приноситъ въ жертву святые Дары. И сіе, по моему мнѣнію, чѣмъ менѣе чуда, совершившагося на Езекии, котораго въ болѣзни, по молитвѣ его, прославилъ Богъ прибавленіемъ лѣтъ жизни, и это самое, по прошенію исцѣленнаго, ознаменовалъ возвращеніемъ тѣни на нѣсколько степеней, почтивъ такимъ образомъ царя вмѣстѣ и благодатію и знаменіемъ, прибавленіемъ долготы дня увѣривъ въ прибавленіи дней жизни?

Черезъ нѣсколько времени совершилось подобное чудо и надъ моею матерью, также достойное того, чтобы не умалчивать о немъ. Ибо приобщивъ здѣсь повѣствованіе объ ономъ, сколько почтимъ ее, достойную всякой чести, столько благоугодимъ и родителю. Мать моя всегда была крѣпка и мужественна, во всю жизнь не чувствовала недуговъ; но и ее постигаетъ болѣзнь. Изъ многихъ страданій, чтобы не продолжать слова, наименую самое тяжкое—отвращеніе отъ пищи, продолжавшееся многіе дни и неизлечиваемое никакимъ врачевствомъ.

(л) Евхаристіи.

Какъ же питаетъ ее Богъ? Не манну испосылаетъ, какъ древле Израилю; не камень разверзаетъ, чтобы источить воду жаждущимъ людямъ; не чрезъ врановъ питаетъ, какъ Илию; не чрезъ восхищаемаго пророка насыщаетъ, какъ некогда Данила, томимаго голодомъ во рвѣ. Но какимъ же образомъ? Ей представилось, будто бы я, особенно ею любимый (она и во снѣ не предпочитала мнѣ никого другаго), являюсь къ ней вдругъ ночью съ корзиною и самыми бѣлыми хлѣбами, потомъ, произнеся надъ ними молитву и запечатлѣвъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, по введенному у насъ обыкновенію, подаю ей вкусить, и тѣмъ возстановляю и подкрѣпляю ея силы. И сіе ночное видѣніе было для нея чѣмъ-то дѣйствительно существеннымъ; ибо съ сего времени пришла она въ себя и стала не безнадѣжна. А случившееся съ нею обнаружилось яснымъ и очевиднымъ образомъ. Когда при наступленіи дня взшелъ я къ ней рано утромъ; съ перваго раза увидѣлъ ее въ лучшемъ прежняго положеніи; потомъ сталъ, по обыкновенію, спрашивать: какъ провела ночь, и что ей нужно? — Она нимало не медля и рѣчисто сказала: «самъ ты, любезный сынъ, напиталъ меня, и потомъ спрашиваешь о моемъ здоровьи. Ты весьма добръ и сострадательнъ!» Въ то же время служанки показывали мнѣ знаками, чтобы я не противорѣчилъ, но принялъ слова ея равнодушно, и открытіемъ истины не приводилъ ея въ уныніе.

Еще присовокуплю одно происшествіе, касающееся обоихъ. Плылъ я Парѣнскимъ моремъ на корабль Егинскомъ изъ Александріи въ Грецію.

Время было самое неудобное для плаванія; но меня влекла страсть къ наукамъ, особливо же ободряло то, что корабельщики были какъ-бы свои. Но едва нѣсколько совершили мы пути, поднялась страшная буря, какихъ, по словамъ пльвшихъ со мною, и не бывало дотолѣ на ихъ памяти. Всѣ пришли въ страхъ при видѣ общей смерти: но я бѣдный боялся болѣе всѣхъ за свою душу; ибо подвергался опасности умереть некрещеннымъ, и среди губительныхъ водъ желалъ воды духовной. Посему вопіялъ, просилъ и молилъ себѣ, хотя малой отерочки. Соединяли вопль свой и пльшіе со мною, не смотря на общую опасность, усерднѣе иныхъ родственниковъ. Странные подлинно челоувѣколюбцы, наученные состраданію бѣдствіемъ! Такъ страдалъ я: но со мною страдали и родители, въ ночномъ видѣніи раздѣляя мое бѣдствіе. Они съ суши подавали помощь, своею молитвою какъ-бы заговаривая волны; о чемъ узналъ я, когда въ-послѣдствіи, по возвращеніи домой высчиталъ время. Тоже самое открылъ и намъ спасительный сонъ, какъ скоро мы вкусили оный, потому что буря нѣсколько утихла. Ночь явственно мнѣ представила, что держу Эринію, которая страшно смотритъ и грозитъ опасностію. А нѣкто изъ пльвшихъ со мною, оказывавшій ко мнѣ особенное благорасположеніе и любовь, и весьма безпокоившійся о мнѣ, видѣлъ, что во время опасности мать моя вошла въ море, и взявши корабль безъ большаго труда извлекла его на сушу. И видѣніе оправдалось; ибо море стало укрощаться, а мы вскорѣ, по непродолжительномъ бѣдствіи на морѣ, пристали къ Родосу. Во время

сей-го опасности и я принесъ себя въ даръ, давъ обѣтъ, если спасусь, посвятить себя Богу, и посвятивъ спасся.

И сіе касается обонхъ; но думаю, что иные изъ коротко знавшихъ моего родителя, давно удивляются мнѣ, который такъ долго останавливаюсь на сихъ предметахъ, какъ будто это одно и могу поставить ему въ похвалу, а доселѣ не упомянулъ о тягостныхъ временахъ, съ которыми онъ боролся, какъ будто сего или не знаю, или не почитаю важнымъ. Итакъ присовокупимъ и сіе къ сказанному.

Наше время произвело на свѣтъ первое, а думаю и послѣднее, зло—царя отступника отъ Бога и отъ здраваго смысла. Почитая для себя малымъ дѣломъ покорить Персовъ, а великимъ—низложить Христианъ, при содѣйствіи побуждающихъ его къ тому демоновъ, не оставилъ онъ безъ испытанія ни одного вида нечестія: убѣждалъ, угрожалъ, лжеумствовалъ, привлекалъ къ себѣ не только ухищреніями, но и силою. Онъ не умѣлъ утаиться, какъ ни прикрывалъ гоненіе злоухищренными выдумками; но не употреблялъ своей власти и открытымъ образомъ, чтобы мы непременно были уловлены, какъ ни есть, или обманомъ, или насиліемъ. Но найдется ли человѣкъ, который бы болѣе моего родителя или презиралъ, или послужилъ къ низложенію сего царя? Доказательствомъ пренебреженія, кромѣ многого другаго, служитъ слѣдующее. Когда стрѣлки, съ предводителемъ своимъ, посланные царемъ отнимать у насъ, или разрушать священные наши храмы, послѣ нападеній на многія другія мѣста, съ такою же дерзкою мыслию пришли сюда, и началь-

никъ ихъ, по царскому указу, сталъ требовать храма: тогда не только не совершилъ онъ желаемаго, но если бы по собственному благоразумію, или по чьему-либо совѣту, не согласился уступить моему отцу, то былъ бы растоптанъ ногами. Такъ Іерей воспламенялъ всѣхъ гнѣвомъ на него и ревностію о храмѣ! Но кто же болѣе моего родителя способствовалъ къ низложенію отступника? Онъ и открыто, не смотря на обстоятельства, всенародными молитвами и моленіями поражалъ губителя, и наединѣ выводилъ противъ него свое почное ополченіе — простертіе на землѣ, изнуреніе престарѣлой и маститой плоти своей, орошеніе пола слезами. Въ таковыхъ подвигахъ провелъ онъ почти цѣлый годъ, любомудрствуя предъ единымъ Тайновѣдцемъ, отъ насъ же стараясь укрыться; потому что, какъ сказалъ я, не любилъ хвалиться своею набожностію. И конечно утаился бы, если бы не взошелъ я однажды нечаянно; и увидѣвъ слѣды его распростертія на землѣ, не вывѣдалъ у одного изъ служителей, что сіе значило, и такимъ образомъ не узналъ ночной тайны.

Вотъ и другое повѣствованіе о подобномъ опытѣ мужества и относящееся къ тому же времени. Кесарія была въ волненіи, по случаю избранія Архіерея; потому что одинъ скончался, и искали другаго. Споры были жаркіе, и трудно было положить имъ конецъ. Городъ, по свойству жителей, а особенно въ настоящемъ случаѣ по горячности вѣры, склоненъ былъ къ мятежамъ; а знаменитость каеэдри еще болѣе усиливала страсть къ преніямъ. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда прибыло

нѣсколько Епископовъ, чтобы дать городу Архіерея. Народъ раздѣлился на многія части, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ; одинъ предлагалъ того, другой другаго, руководясь, кто дружескими связями, кто страхомъ Божиимъ. Наконецъ всѣ приходять въ согласіе, и одного изъ первостепенныхъ гражданъ (м), отличнаго по жизни, но еще не запечатлѣннаго божественнымъ Крещеніемъ, взявъ противъ воли его, при содѣйствіи военной силы, вступившей тогда въ городъ, возводятъ на престолъ, а потомъ представляютъ Епископамъ, убѣждая ихъ, и даже насильно требуя, чтобы избраннаго сподобили Таинства и нарекли Архіереемъ. Поступокъ не весьма законный, однако же показывающій сильную и пламенную вѣру! И нельзя сказать, чтобы здѣсь оказалъ себя кто-нибудь болѣе праводушнымъ и богобоязненнымъ, нежели мой родитель. Ибо чѣмъ окончилось дѣло, и до чего простерся мятежъ? Вынужденные Епископы очистили избраннаго Крещеніемъ, нарекли и возвели на престолъ, дѣйствуя болѣе руками, нежели произволеніемъ и расположеніемъ духа, какъ показало послѣдствіе. Ибо они, едва съ радостію удалились изъ города и получили полную свободу располагать собою, какъ совѣщаются между собою совѣтъ (не знаю, духовный ли?), и опредѣляютъ признавать какъ все совершенное ими не имѣющимъ силы, такъ и поставленіе Епископа незаконнымъ, поставляя ему въ вину сдѣланное имъ

(м) Евсевія.

принужденіе (хотя и самъ онъ потерпѣлъ не меньше), и воспользовавшись нѣкоторыми выраженіями, какія онъ будто бы произнесъ тогда, показавъ въ нихъ болѣе опрометчивости, нежели мудрости. Но великій Архіерей и правдивый цѣнитель дѣлъ не послѣдовалъ давшимъ такое опредѣленіе, и не одобрилъ ихъ мнѣнія; но пребылъ непреклоннымъ и непреодолимымъ, какъ-бы онъ вовсе не потерпѣлъ никакого принужденія. Ибо разсуждалъ: поелику принужденію подверглись обѣ стороны; то надобно, чтобы или обвиняющіе были обвинены, или прощающіе прощены, или, что справедливѣе, прощающіе не прощены. Если поставившіе достойны извиненія, то необходимо достойнъ онаго и поставленный. А если послѣдній не достоинъ, то ни подъ какимъ видомъ не достойны первые. Гораздо было лучше тогда претерпѣть бѣдствіе и упорствовать до конца, нежели входить въ совѣщаніе послѣ, и притомъ въ такія времена, когда всего полезнѣе прекращать старыя вражды, а не заводить новыя. Такъ происходило дѣло. Между тѣмъ приближался царь, исполненный ярости на Христіанъ, и, будучи раздраженъ рукоположеніемъ, угрожалъ повопоставленному; городъ былъ какъ-бы на остріѣ бритвы, и неизвѣстно было, не погибнетъ ли онъ черезъ день, или найдетъ еще сколько-нибудь челоѣколюбія, и спасется. Препрежнее негодованіе на гражданъ за храмъ богини счастья, разрушенный ими во времена счастливыя, усилено было послѣднимъ избраніемъ Епископа, которое царь почиталъ наравнѣ съ разграбленіемъ народнаго достоянія. Притомъ областный начальникъ, который и прежде не

былъ друженъ съ новопоставленнымъ по разномыслию въ дѣлахъ гражданскихъ, старался сдѣлать ему какое-нибудь зло, чтобы тѣмъ угодить времени. Посему писалъ онъ къ рукополагавшимъ, чтобы обвинили новопоставленнаго, и писалъ не просто, но даже съ угрозами, давая знать, что требуетъ сего самъ царь. Тогда пришло письмо и къ моему родителю. Но онъ, нимало не устрасясь, немедленно отвѣчалъ со всею смѣлостію и полнымъ присутвіемъ духа, какъ видимъ изъ самаго отвѣта. Ибо писалъ такъ: «Достопочтенный правитель! мы во всѣхъ дѣлахъ своихъ имѣемъ единаго Судію и Царя, противъ Котораго нынѣ возстаютъ. Онъ и теперъ будетъ судить насъ за рукоположеніе, которое совершено нами законно и по Его изволенію. Для васъ весьма удобно, если захотите, сдѣлать намъ насиліе въ чемъ-либо другомъ; но никто не отниметъ у насъ права защищать такое дѣло, которое совершено нами законно и справедливо; развѣ издадите еще законъ, запрещающій намъ располагать и собственными нашими дѣлами.»—Таковому отвѣту удивился и самъ получившій его, хотя нѣсколько времени и негодовалъ на оный, какъ сказывали многіе, коротко знавшіе сего начальника. Имъ остановлено и стремленіе царя; городъ спасенъ отъ опасности, (а не худо присовокупить еще) и мы избавлены отъ стыда.—Такъ дѣйствовалъ Епископъ малаго города, занимавшій второстепенную кафедру! Такъ первенствовать не гораздо ли лучше, чѣмъ вѣщать съ высшихъ престоловъ? Не лучше ли начальствовать самымъ дѣломъ, а не по имени только?

Кто же такъ удаленъ отъ обитаемой нами вселенной, чтобы не зналъ его дѣянія, послѣдняго по порядку, но перваго и важнѣйшаго по силѣ? — Въ томъ же городѣ, и по такой же причинѣ, произошло опять смятеніе, потому что потерпѣвшій такое прекрасное принужденіе (н) въ скоромъ времени скончался и переселился къ Богу, за Котораго твердо и мужественно подвизался онъ во время гоненія. Споры были тѣмъ безразсуднѣе, чѣмъ жарче. Ибо не безызвѣстно было, кто преимуществуетъ предъ всѣми; какъ солнце передъ звѣздами. Каждый видѣлъ это ясно, особенно всѣ почтеннѣйшіе и безпристрастнѣйшіе изъ гражданъ, всѣ принадлежавшіе алтарю, и наши Назореи (о), на которыхъ однихъ, по крайней мѣрѣ большею частію, должны были бы лежать подобныя избранія, въ какомъ случаѣ Церковь не терпѣла бы никакого зла; тогда какъ избранія сіи зависятъ отъ людей богатыхъ и сильныхъ, а еще болѣе отъ буйства и безразсудности черни, даже между чернію отъ людей самыхъ послѣднихъ. Почему можно теперь думать, что народныя начальства благоустроеннѣе нашего (п) начальства, которому приписывается божественная благодать, и что въ подобныхъ дѣлахъ лучшій правитель страхъ, а не разумъ. Ибо кто изъ благомыслящихъ сталъ бы искать другаго, миновавъ те-

(н) Епископъ Кесарійскій Евсевій.

(о) Монашествующіе.

(п) Духовнаго.

бя, священная и божественная глава (р), — тебя, написаннаго на рукахъ Господнихъ (Ис. 49, 16.), не связаннаго брачными ꙗузами, нестяжателя безплотнаго и почти безкровнаго, въ знаніи словесъ перваго по Словѣ, между любомудрыми мудраго, между мірскими премірнаго, друга моего и сотрудника, (выражусь даже смѣлѣе) соучастника души моей, вмѣстѣ со мною жившаго и учившагося? Я желалъ бы, чтобъ слову дана была свобода, чтобъ оно изобразило тебя въ другомъ мѣстѣ, а не въ твоёмъ присутствіи сіе описывало, гдѣ должно оставить большую часть, избѣгая подозрѣнія въ лести. Но на чемъ остановилась рѣчь? — Духъ зналъ приснаго Ему (ибо можетъ ли не знать Онъ?); однако же зависть противоборствовала. Стыжусь говорить о семъ, не желалъ бы слышать и отъ другихъ, съ такимъ усердіемъ осмѣивающихъ наши дѣла. Подобно рѣкамъ обойдемъ камни лежащіе на теченіи, почтивъ молчаніемъ достойное забвенія, и обратимся къ продолженію слова. Мужъ исполненный Духа (с) совершенно зналъ, что угодно Духу; онъ разсуждалъ, что не должно унижаться, и въ борьбѣ съ крамолою и предубѣжденіемъ уступать больше людской милости, нежели Богу; а на противъ того надобно имѣть въ виду одно — пользу Церкви и общее спасеніе. Посему писалъ, увѣщавалъ, соглашалъ народъ, священниковъ и всѣхъ служащихъ алтарю, свидѣтельствовалъ, подавалъ

(р) Св. Григорій обращаетъ слова сіи къ св. Василию Великому.

(с) Родитель Св. Григорія Богослова.

голосъ, рукополагалъ даже заочно, и заставлялъ чужихъ, подобно своимъ, уважать сѣдину. Наконецъ, поелику требовала нужда, чтобы рукоположеніе его (т) было согласно съ правилами, а число нарекающихъ было не полно и не доставало одного: то самъ удрученный старостію и недугомъ, отрывается отъ болѣзненнаго одра, съ бодростію юноши идетъ, или лучше сказать, съ мертвымъ и едва дышущимъ тѣломъ приносится въ городъ, увѣренный, что если постигнетъ его смерть, то попечительность сія составитъ для него прекрасную погребальную ризу. И здѣсь совершается нѣчто чудное, но не невѣроятное; онъ укрѣпляется трудомъ, юнѣетъ усердіемъ, распоряжаетъ, препирается, возводитъ на престолъ, возвращается домой, и носилы его служатъ ему не гробомъ, но Божиимъ кивотомъ. И если недавно восхвалялъ я его великодушіе, то въ семь случаевъ оказалось оно еще въ большей мѣрѣ. Когда сослужители его не могли снести стыда, что они побѣждены, а старецъ со властію располагаетъ дѣлами, и за сіе негодовали на него и злословили его: тогда онъ укрѣпился терпѣніемъ, и одержалъ надъ ними верхъ, взявъ въ пособіе себѣ дѣйствительнѣйшее средство — кротость и то, чтобы на злословіе не отвѣчать злословіемъ. Ибо для побѣдившаго на самомъ дѣлѣ какая опасность остаться побѣжденнымъ на словахъ? А посему когда самое время оправдало его мнѣніе; такъ плѣнилъ онъ великодушіемъ своихъ против-

(т) Св. Василія Великаго во Архієпископа Кесарійскаго.

никовъ, что, перемѣнивъ негодованіе въ удивленіе, они извинялись передъ нимъ, припадали къ колѣнамъ, стыдились прежнихъ поступковъ, и отложивъ ненависть, признали его своимъ патріархомъ, законодателемъ и судіею.

Съ таковою же ревностію возставалъ онъ и противъ еретиковъ, когда ополчились на насъ вмѣстѣ съ нечестивымъ царемъ, и поработивъ почти уже всѣхъ, думали и насъ совратить и приобщить къ другимъ. И здѣсь оказалъ онъ намъ не малую помощь, какъ самъ, такъ можетъ-быть и чрезъ меня, котораго онъ, какъ молодаго пса нехудои породы, для упражненія въ благочестіи выводилъ противъ сихъ лютыхъ звѣрей.

За одно жалуясь на обоихъ (у). Не огорчитесь моимъ дерзновеніемъ; ибо объявлю скорбь свою, хотя это и горестно! — Жалуясь на обоихъ, что меня, огорченнаго бѣдствіями жизни сел, любящаго пустыню, какъ едва-ли любить кто другой изъ нашихъ, употреблявшаго всѣ усилія, какъ можно скорбе, уклониться отъ общей бури и праха, и спастись въ безопасное мѣсто, подъ благовиднымъ именемъ священства (не знаю, какимъ образомъ), предали вы на сіе непокойное и злокозненное торжище душъ, отъ чего немало зла, или уже потерпѣлъ я, или надѣюсь еще потерпѣть; ибо понесенныя мною страданія обезнадеживаютъ даже и въ будущемъ, хотя разумъ, предполагая лучшее, и увѣряетъ въ противномъ.

(у) На своего родителя и Св. Василія Великаго, изъ которыхъ послѣдній рукоположилъ его въ Епископа.

Но не умолчу о слѣдующемъ добромъ качествѣ въ моемъ родителѣ. Онъ во всемъ былъ терпеливъ и выше нуждъ земной оболочки. Когда же страдалъ отъ послѣдняго недуга, начавшагося вмѣстѣ съ старостію, весьма продолжительнаго и мучительнаго: тогда болѣзненное состояніе было для него нѣчто общее со всѣми людьми, но въ перенесеніи болѣзни не имѣлъ онъ ничего общаго съ другими; а напротивъ того здѣсь видно было нѣчто ему одному свойственное и подобное чудесамъ, совершившимся съ нимъ прежде. Часто не проходило дня, даже часа, въ который бы не чувствовалъ онъ болѣзненныхъ припадковъ; но укрѣплялъ себя единою Литургіею, и болѣзнь, какъ-бы гонимая чьимъ повелѣніемъ, оставляла его. Проживъ почти до ста лѣтъ, сверхъ предѣловъ, положенныхъ Давидомъ пребыванію нашему на землѣ, и изъ нихъ сорокъ пять лѣтъ, что составляетъ мѣру человѣческой жизни, проведя въ священствѣ, отрѣшается онъ наконецъ отъ жизни въ старости доброй. И какъ отрѣшается? Въ молитвенномъ положеніи и съ словомъ молитвы, не оставляя и слѣда злобы, но оставивъ множество памятниковъ добродѣтели. А потому у каждаго на языкѣ и въ сердцѣ уваженіе къ нему болѣе, нежели человѣческое. И не легко найдти человѣка, который бы, вспоминая о немъ, не лобызалъ его въ своемъ воображеніи, по слову Писанія, *положивъ на устѣхъ руку* (Іов. 39, 34). Такова была жизнь его, таковы послѣдніе дни жизни, такова кончина!

Поелику же нужно было, чтобы и для потомства остался памятникъ его щедрости; то можно ли же-

лать лучшаго, чѣмъ этотъ храмъ, воздвигнутый имъ Богу и для насъ? Не многимъ воспользовавшись изъ народнаго подаянія, а большую часть пожертвовавъ отъ себя, совершилъ онъ дѣло, о которомъ не лзя умолчать, разумѣю храмъ, величиною превосходящій многіе, и красотою почти всѣ другіе храмы. Имѣя видъ равносторонняго осмиугольника, надъ прекрасными столпами и крыльцами подымають онъ вверхъ свои своды съ изображеніями на нихъ, не уступающими самой природѣ, а сверху осіяваетъ небомъ и озаряетъ взоры обильными источниками свѣта, какъ истинная его обитель; со всѣхъ сторонъ окруженъ переходами, выдающимися подъ равными углами, сдѣланными изъ блестящаго вещества и заключающими внутри себя большее пространство. Сія изяществомъ дверей и преддверій, приглашаетъ онъ издали приходящихъ; не говорю уже о внѣшнемъ украшеніи, о красотѣ четверугольныхъ камней, непримѣтно между собою соединенныхъ, изъ которыхъ одни, въ основаніяхъ и надглавіяхъ, украшающихъ углы, мраморные, а другіе добыты здѣсь, но ничѣмъ не уступаютъ чужеземнымъ. Не говорю о различныхъ видахъ и цвѣтомъ, выдавшихся и вдавшихся поясахъ отъ основанія до вершины, которая, ограничивая взоръ, подавляетъ собою зрителя. Но какъ могло бы слово въ столь короткое время изобразить произведеніе, которое требовало большаго времени, многихъ трудовъ и искусства? Или довольно будетъ сказать одно то, что когда другіе города украшаются многими, и частными и общественными, зданіями, намъ одно сіе зданіе пріобрѣтеть

славу у многихъ? Таковъ сей храмъ! А какъ для храма нуженъ сталъ іерей; то отъ себя же даетъ и іерея, не могу сказать, соотвѣтствующаго ли храму, однакоже даетъ. Поелику же требовались и жертвы; то предлагаетъ въ жертву страданія сына и его терпѣніе въ страданіяхъ, да будетъ отъ него Богу, вмѣсто подзаконной жертвы, всеплодіе словесное, жертва духовная, прекрасно потребляемая.

Что скажешь, отецъ мой? Достаточно ли сего? И сіе мое похвальное слово, напутственное или надгробное, примешь ли въ воздаяніе за труды, какими ты обременялъ себя для моего образованія? И дашь ли, по древнему обычаю, миръ слову? Здѣсь ли положишь ему предѣлъ, не терпя того, чтобы оно вполнѣ было соразмѣрно твоимъ заслугамъ? Или пожелаешь какихъ дополненій? Знаю, что и симъ удовлетворишься. Но хотя и достаточно этого; позволь еще присовокупить слѣдующее. Повѣдай намъ: какой сподобился ты славы, какимъ облеченъ свѣтомъ, какимъ облечется вскорѣ супружница твоя, какимъ облечены чада, которыхъ самъ ты предалъ погребенію; прими и меня въ тѣже селенія, или прежде новыхъ злостраданій, или по краткомъ злостраданіи въ жизни сей! А прежде горнихъ селеній, симъ сладостнымъ камнемъ, который приготовилъ ты для обоихъ, еще здѣсь почитивъ твоего и соименнаго тебѣ іерея, извини меня за сіе слово, съ твоего позволенія и предложенное и предначатое, и безбѣдно веди, во-первыхъ, всю твою паству и всѣхъ Архіереевъ, именовавшихъ тебя отцемъ своимъ, а преимуществен-

но меня потерпѣвшаго отъ тебя принужденіе, и надъ которымъ ты властительствовалъ отечески и духовно; веди безбѣдно, чтобы мнѣ не всегда жаловаться на твое принужденіе.

Что же думаешь ты (ф), судія словъ и движеній моихъ? Если сказаннаго достаточно, и ожиданіе твое удовлетворено: произнеси приговоръ; я приемлю оный. Ибо судъ твой по-истинѣ судъ Божій. Если же слово мое ниже и его (х) славы, и твоего ожиданія: помощникъ близко; — какъ благовременный дождь, пошли гласъ твой, котораго ожидаютъ его доблести. И конечно не маловажны причины, по которымъ онъ обязываетъ тебя къ сему, и какъ пастырь пастыря, и какъ отецъ сына по благодати. Что удивительнаго, если тотъ, кто чрезъ тебя возгремѣлъ въ слухъ вселенной, самъ насладится, сколько-нибудь твоимъ гласомъ?

Что же остается еще? Вмѣстѣ съ духовною Саррою, супругою великаго отца нашего Авраама, и ему равнолѣтною, полюбомудрствовать нѣсколько о погребальномъ. Матерь моя! — не одинаково естество Божеское и человѣческое, или, говоря общѣ, неодинаково естество божественнаго и земнаго. Въ божественномъ неизмѣняемо и безсмертно какъ самое бытіе, такъ и все имѣющее бытіе; ибо въ постоянномъ все постоянно. Что же бываетъ съ нашимъ естествомъ? — Оно течетъ, соглѣваетъ, и испытываетъ перемѣну за перемѣной. Посему жизнь и смерть, нами такъ назы-

(ф) Обращеніе къ Св. Василю Великому.

(х) Родителя Св. Григорія Богослова.

ваемыя, какъ ни различны по-видимому между собою, входятъ нѣкоторымъ образомъ одна въ другую и смѣняють другъ друга. Какъ жизнь, начинаясь тлѣніемъ — нашею матерью, и продолжаясь черезъ тлѣніе — непрестанное измѣненіе настоящаго, оканчивается тлѣніемъ — разрушеніемъ сея жизни: такъ смерть, избавляющая насъ отъ здѣшнихъ бѣдствій и многихъ приводящая въ жизнь горнюю, не знаю, можетъ ли быть названа въ собственномъ смыслѣ смертію. Она страшна только именемъ, а не самымъ дѣломъ; и едва-ли не безразсудной предаемся мы страсти, когда боимся того, что не страшно, а гонимся, какъ за вожделѣннымъ, за тѣмъ, чего должно страшиться. Одна для насъ жизнь — стремиться къ жизни; и одна смерть — грѣхъ, потому что онъ губить душу. Все же прочее, о чемъ иные думаютъ много, есть сонное видѣніе, играющее дѣйствительностію, и обманчивая мечта души. Если же такъ будемъ разсуждать, мать моя; то не будемъ и о жизни думать высоко, и смертію огорчаться чрезъ-мѣру. Чтò ужаснаго въ томъ, что преселяемся мы отсель въ жизнь истинную, избавившись превратностей, пучинъ, сѣтей, постыднаго оброка и вмѣстѣ съ постоянными и непреходящими существами будемъ ликовать какъ малые свѣты окрестъ великаго Свѣта? Тебя печалить разлука; да возрадуетъ же надежда. Для тебя страшно вдовство; но оно не страшно для него. И гдѣ же будетъ доброта любви, если будемъ для себя избирать легкое, а ближнему отдѣлять труднѣйшее? Во всякомъ случаѣ чтò тяжкаго для той, которая сама вскорѣ разрѣшится? Срокъ бли-

Ч. II. 10

зокъ; скорбь не продолжительна. Не станемъ малодушными помыслами обращать легкаго въ тягостное. Великаго лишились мы; за то и обладали великимъ. Потери несутъ всѣ, а обладают не многіе. Да не сокрушаетъ первое, но да утѣшаетъ послѣднее. Справедливость требуетъ, чтобы лучшее одерживало верхъ. Ты съ великимъ мужествомъ и любомудріемъ переносила потерю дѣтей, которыя были еще въ цвѣтушихъ лѣтахъ и годны для жизни; перенеси же смерть престарѣлой плоти, утружденной уже жизнію, хотя душевная сила и сохраняла въ ней чувства здоровыми. Но ты имѣешь нужду въ попечителѣ? Гдѣ же твой Исаакъ, котораго оставилъ онъ тебѣ въ-замѣнъ всѣхъ? Требууй отъ него малаго — руководенія и услугъ; и воздай ему вѣщнее — матернее благословеніе, молитвы и будущую свободу. Но ты негодуешь за предложеніе совѣтовъ: хвалю за сіе; потому что сама подавала совѣты многимъ—всѣмъ, кто ни прибѣгалъ къ твоему благоразумію во время продолжительной твоей жизни. Не къ тебѣ и слово, любому-дрѣйшая изъ женъ; пусть будетъ оно общимъ врачевствомъ утѣшенія для плачущихъ, да разумѣютъ сіе люди, предпосылающіе подобныхъ себѣ людей!

С Л О В О 19,

ГОВОРЕННОЕ СВ. ГРИГОРИЕМЪ ВОГОСЛОВОМЪ О СЛОВАХЪ СВОИХЪ ЮЛІАНУ, ПРОИЗВОДИВШЕМУ НАРОДНУЮ ПЕРЕЧИСЬ И УРАВНЕНІЕ ПОДАТЕЙ.

Какая насильственная власть, которая постоянно мучить меня изъ любви! Какая моя мудрость и опытность, когда каждый праздникъ вызываютъ меня на борьбу! Я не нахожу въ себѣ никакой мудрости, ни опытности, какъ ни разбираю и ни испытываю самъ себя. Одно, правда, сознаю въ себѣ, что можетъ-быть и не маловажно, хотя нѣкоторше называютъ это скудоуміемъ,—я бы желалъ каждую минуту умерщвлять въ себѣ жизнь, а жить жизнію сокровенною во Христѣ, стать не мелочнымъ купцомъ, но на все, что имѣю у себя, купить драгоценную жемчужину, все преходящее и тлѣнное промѣнявъ на постоянное и небесное. Такое пріобрѣтеніе конечно всего важнѣе и надежнѣе для имѣющаго умъ. Но если сіе для меня невозможно, то я желалъ бы устоять по крайней мѣрѣ въ другомъ, и престоль уступить желающимъ, а самому всю жизнь быть ребенкомъ и ученикомъ, пока не измою всей горечи сладкими водами ученія. Пусть было бы сіе однимъ и первымъ дѣломъ моего любо-

иудрія или скудоумія; а вторымъ и важнѣйшимъ слѣдующее: поелику я не въ-состояніи удерживать словомъ моимъ слово многихъ и овладѣвшее нынѣ всѣми стремленіе и желаніе учить и говорить о духовномъ, не имѣя въ себѣ Духа; то идти другимъ путемъ, сколько я увѣренъ, и лучшимъ и менѣе труднымъ, ставъ примѣромъ молчанія, научить всѣхъ безмолвію; и кто высоко о мнѣ думаетъ, того устыдитъ превосходствомъ, а кто низко и менѣе надлежащаго, того довести до скромности равенствомъ достоинствъ. Такова причина моего молчанія, такова тайна нашего воздержанія!

Но что со мною дѣлается? Меня влекутъ и порываютъ туда и сюда; входятъ о трудахъ моихъ въ тяжбу, безъ милосердія, требуя съ меня слова, какъ нѣкоего долга; любятъ меня больше, нежели самъ я себя; и всѣ стали мудрѣе меня, потому что лучше меня знаютъ время, когда говорить, и когда молчать. Они говорятъ, что не перестанутъ въ меня, какъ въ желѣзо кремнемъ, бить укоризнами, пока отъ малой искры не воспламенится огонь слова. А нѣкоторые изъ нихъ общаются уже и выгоды отъ моихъ словъ, поставляютъ мнѣ на видъ большія награды; во-первыхъ ту, что они сами себѣ сдѣлаютъ добро, предавъ себя Богу и мнѣ въ плодоношеніе слова; потомъ ту, что по случаю переписи окажется добро и всѣмъ присутствующимъ здѣсь, то-есть моему клиру, если клиръ отца моего вмѣстѣ и мой, и моему стаду, съ которыми я поступилъ бы очень несправедливо, если бы не имѣлъ усердія благодѣтельствовать имъ всѣми мѣрами. А самая лучшая награда та, что они за мое слово сами

предлагають то, чего бы посредствомъ слова надлежало домогаться съ большимъ усиліемъ. Прекрасно соревнованіе, которымъ стараются побѣдить меня! Похвально воздаяніе! Видите, какво дѣйствіе моего молчанія; оно сдѣлало самыя слова мои для васъ болѣе вождѣлѣнными. Видите, каковъ плодъ нашего безславія. О если бы такова была польза слова, какова польза молчанія!

Итакъ, поелику вамъ сіе угодно, вы побѣдили непобѣдимага, восторжествовали надъ моимъ любомудріемъ; произнесу вамъ нѣчто лучшее молчанія. А слѣдственно произнесу не что-либо нѣжное, пріятное и усладительное для многихъ своимъ благозвучіемъ (такую бесѣдою худо воздалъ бы я любящимъ меня), но скажу что-нибудь весьма мужественное и сильное, отъ чего вы могли бы сдѣлаться лучшими, какъ возведенные отъ плоти къ духу и достаточно возвысившіеся умомъ.

Сынове челоувѣчестіи, начну вамъ словами велегласнаго Давида, *доколь тяжкосердіи, вскую любите суету, и ищите лжи* (Пс. 4, 3.), почитая чѣмъ-то великимъ здѣшнюю жизнь, забавы, мелкую славу, ничтожную власть и ложное благоденствіе, которыя имѣющимъ ихъ принадлежатъ не больше, чѣмъ только надѣющимся имѣть, и надѣющимся не больше, чѣмъ вовсе нечающимъ? Все это, какъ прахъ вихремъ, восхищается и переносится отъ одного къ другому, или, какъ дымъ, разливается, какъ сновидѣніе, надъ нами издѣвается, какъ тѣнь неудержимо; когда уходитъ, не безнадежно для непріобрѣтшихъ, и когда приходитъ, не вѣрно для обладающихъ. Какъ не обратимъ взоръ къ небу,

горь? не истрезвимся? не очистимъ гноя съ глазъ? не познаемъ, въ чемъ истинное богатство? въ чемъ подлинная знаменитость? гдѣ неутрачиваемое достоинство? въ чемъ безконечное блаженство? гдѣ незыблемое, непремѣняемое, не подвергающее насъ на вѣтамъ благо? Не ихъ ли станемъ приобрѣтати, если бы такъ случилось, со многими усиліями и трудами? Не такими ли будемъ наслаждаться надеждами, если должно здѣсь чѣмъ-нибудь наслаждаться? Не помыслимъ ли о святыхъ мученикахъ и о прочихъ святыхъ, которые, подобно какимъ-то общимъ узамъ, обьяли собою всю вселенную, и въ честь которыхъ совершается настоящее празднество? Для чего они и раны, и узы, и истязанія, и прещеніе огнемъ, и остріе мечей, и лютость звѣрей, и тьму, и голодъ, и пропасти, и расхищеніе имѣній, и отторженіе членовъ, а наконецъ и самую смерть—все терпѣли охотно, какъ-бы подвизаясь въ чужемъ тѣлѣ? Чѣмъ желали они быть, что наследовать? Не всякому ли сіе извѣстно, хотя бы и не говорилъ я? Почему и намъ съ тою же надеждою, предъ тѣмъ же Раздаятелемъ награды и Подвигоположникомъ не ополчиться противъ того же мучителя, столько же и нынѣ, какъ и въ то время, жестокаго гонителя душъ, невидимаго врага и противника? Почему не подвизаться съ такимъ же мужествомъ на общемъ позорищѣ, то-есть на позорищѣ міра (если не при крайней опасности, при чемъ и освобожденіе скоро, то въ ежедневныхъ трудахъ и бореніяхъ), чтобы удостоиться тѣхъ же вѣнцевъ, или чего-нибудь весьма къ тому близкаго? А я всякому мужу и женѣ, старцу и юношѣ, городскому жителю и по-

селянину, простолюдину и начальнику, богатому и бѣдному, такъ какъ всѣхъ призываетъ одинъ подвигъ, даю совѣтъ одинъ — приготовить къ сему подвигу охотно, не разслабѣвать, не медлить, не терять времени, котораго возвратить уже не возможно. Ибо настоящее время есть время дѣланія, а будущее — время воздаянія.

Слышите, что говоритъ Спаситель: *возстаните, идемъ отсюда* (Іоан. 14, 31.); говоритъ не тогдашнимъ только ученикамъ, которыхъ изводитъ мѣстно изъ Іудей, но и всѣмъ послѣдующимъ, чтобы всѣхъ преселить отсель и привлечь къ Себѣ вознесенному, по обѣтованію (Іоан. 12, 32.). Послѣдуемъ за благимъ Владыкою, убѣжимъ отъ мірскихъ похотей, убѣжимъ отъ обманчиваго міра и міродержителя; всецѣло посвятимъ себя Творцу; почтимъ образъ Божій, уважимъ званіе, измѣнимъ жизнь. Для чего унижаемъ себя, будучи высокими? Для чего останавливаемся на видимомъ? Пусть всякій, во всякое время, при всякомъ образѣ жизни и обстоятельствъ, по мѣрѣ собственной своей силы, и по мѣрѣ данной ему благодати, принесетъ Богу плодъ, какой можетъ, чтобы добродѣтелями всякой мѣры наполнить намъ всѣ горнія обители, пожавъ столько, сколько посѣяли, или, лучше сказать, столько вложивъ въ Божіи житницы, сколько воздѣлали. Пусть приносятъ въ даръ, — кто богатство, а кто нищету; кто усердіе къ ближнему, а кто охотное принятіе предлагаемаго усердіемъ; кто похвальное дѣло, а кто глубокое наблюденіе; кто благовременное слово, а кто благоразумное молчаніе; кто непреткновенное ученіе и жизнь ему не противорѣчущую, а кто благо-

послушный и благопокорный слухъ; кто чистое дѣвство, совершенно отрѣшающее отъ міра, а кто честный бракъ не вовсе отлучающій отъ Бога; кто воздержаніе безъ надменія, а кто и употребленіе безъ похотливости; одинъ ничѣмъ неразвлекаемое упражненіе въ молитвахъ и пѣсняхъ духовныхъ, другой тщательное защищеніе требующихъ помощи. Всѣ же да приносятъ слезы, очищеніе отъ грѣховъ, восхожденіе и усиліе простираться впередъ. Прекраснымъ будетъ плодоношеніемъ и простота, и уцѣломудренный смѣхъ, и обузданный гнѣвъ, и глазъ, удерживаемый отъ безчинія, и умъ не допускаемый до разсѣянности.

Какъ бы ни было маловажно приносимое Богу, и какъ бы ни далеко отстояло отъ совершенства, но оно не столько мало, чтобы Богъ не нашелъ сего угоднымъ и вовсе не принялъ, хотя и праведнымъ судомъ взвѣшиваетъ милость. И Павлово насажденіе пріемлетъ Онъ какъ Павлово; пріемлетъ и напоеніе Аполлосово, и двѣ лепты вдовицы, и мытарево смиреніе, и Манассіину исповѣдь. Когда Моисей водружалъ на землѣ скинію во образъ небеснаго; тогда всѣ приносили, что было имъ вѣлно. А добротные подаатели (мужи и жены), одни золото, другіе сребро и дорогіе камни для верхней ризы, другія *виссонъ сканый и червленницу пряденую; одни багряницу, кожи овни очервленены*, другія самое худшее, *влысы козій* (Исх. гл. 25 и 35); каждый и каждая, что имѣли у себя на тотъ разъ, все приносили въ дѣло скиніи, и никто изъ самыхъ бѣдныхъ не остался безъ приношенія. Такъ и мы въ честную Божію скинію сея церкви,

юже водрузи Господь, а не человекъ (Евр. 8, 2.), въ скинію, созидаемую изъ различныхъ украшеній добродѣтели, хотя одинъ меньше, а другой больше, но всё будемъ вносить одинаково, при строительствѣ Духа слагаемые и сочетаваемые въ дѣло совершенно, въ жилище Христово, въ храмъ святой. Безъ сомнѣнія же, не внесемъ столько, сколько получили, хотя и все внесемъ. Ибо и то отъ Бога, что мы существуемъ, знаемъ Бога и имѣемъ, что внести. Но всего прекраснѣе и человѣколюбивѣе то, что Богъ измѣряетъ подаваніе не достоинствомъ подаваемого, но силами и расположеніемъ плодоносящаго.

Итакъ не медли сдѣлаться щедрымъ, но будьте имъ теперь, и по недостатку достойнаго, не отказывай во всемъ. Напротивъ того одно внеси, другое пожелай внести, а объ иномъ молись, чтобы Богъ даровалъ прощеніе немощи. Онъ говоритъ: *да не лишися предо Мною тощъ* (Исх. 23, 15). Никто да не будетъ тощъ и бесплоденъ; ни одна душа да не окажется лишеною плодородія и чадородія. Всякій да плодоноситъ Богу, что у него есть и составляетъ его собственность: согрѣшающій—исправленіе; текущій подвигомъ добрымъ—неослабность; юный—воздержаніе; сѣдина—благоразуміе; богатый—щедрость; бѣдный—благодарность; начальствующій—некичливость; судія—кротость. *Священницы облекитесь* (или, правильнѣе сказать, облечемся) *правдою* (Пс. 131, 9.). Не будемъ расточать овецъ паствы, не погубимъ тѣхъ, за кого положилъ душу *Пастырь добрый*, Который знаетъ Своихъ и Своими знаемъ, *глашаетъ по име-*

ни (Иоан. 10, 3.), вводитъ овецъ и изводитъ ихъ изъ невѣрія въ вѣру, изъ настоящей жизни въ будущее упокоеніе. Побоймся того, чтобы, во исполненіе угрозы, съ насъ не начался судъ (1 Петр. 4, 17.), намъ не принять *отъ руки Господни сугубы грѣхи* (Ис. 40, 2.); потому что сами не входимъ, и препятствуемъ тѣмъ, которые могутъ взойдти.

Овцы не пасите пастырей, и не выступайте изъ своихъ предѣловъ; для васъ довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законовъ законодателямъ. *Нѣсть бо нестроенія и безпорядка Богъ, но мира и порядка* (1 Кор. 14, 33.). Посему да не замышляетъ стать головою, кто съ трудомъ служить рукою или ногою, или другимъ еще менѣ важнымъ членомъ тѣла; напротивъ того, братія, *кѣждо въ званіи, въ немже призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ* (1 Кор. 7, 20.), хотя бы и достоинъ былъ высшаго. Довольствоваться настоящимъ гораздо похвальнѣе, нежели домогаться званія, какого не получилъ. Кому можно безъ опасности слѣдовать за другимъ, тотъ не желай начальствовать съ опасностію для себя. Да не нарушается законъ подчиненія, которымъ держится и земное и небесное, чтобы чрезъ многоначаліе не дойти до безначалія.

Образовавшіе въ себѣ даръ слова не слишкомъ полагайтесь на сей даръ, не мудрствуйте до излишества и паче разума, не желайте во всемъ, даже и со вредомъ, одерживать верхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, только было бы полезно, уступайте надъ

собою и побѣду. Принесите слово въ даръ Слово; обратите ученость въ оружіе оправданія, а не смерти.

Воины *досольни будите оброки вашими* (Лук. 3, 14.), и не требуйте сверхъ положеннаго. Такъ повелѣваетъ вамъ со мною Іоаннъ, великій проповѣдникъ истины, гласъ предтекашій Слово. Чтѣ же разумѣтъ онъ подъ оброкомъ? Очевидно царское содержаніе и подарки, какіе дѣлаютъ по закону за отличія. А отъ кого *лишшеe?* Остерегаюсь произнести неприязненное слово; но вы сами поймете, хотя и воздержусь.

Градоправители *воздадите Кесарева Кесареви, и Божіа Богови* (Матѣ. 22, 21.). *Емуже дань, а емуже страхъ* (Рим. 13, 7.). А когда говорю страхъ, запрещаю любостыжаніе. Какую же получимъ себѣ выгоду? — можетъ-быть скажете вы. — Великую, изъ всѣхъ величайшую, и если угодно, при посредствѣ моемъ, благія надежды и первенство въ горнемъ градѣ, а не въ семъ маломъ и малѣйшемъ изъ городовъ, въ которомъ (изъ уваженія къ мѣсту моего воспитанія скажу еще скромно) и начальствовать нѣтъ большой чести и славы. Пожелаемъ тамъ быть первыми, пріобрѣтемъ тамошнюю славу; въ-замѣнъ сострадательности, какой не видимъ къ себѣ здѣсь, упокоимся въ нѣдрахъ Авраамовыхъ.

Будемъ *праведный судъ судить* (Іоан. 7, 24.), *измемъ нища и убога* (Пс. 81, 4.); *помилуемъ вдовицу и сироту, искупимъ убиваемыхъ* (Притч. 24, 11.), *или* (выражусь гораздо легче) *не будемъ*

сами убивать; не презримъ просящаго у насъ даже крохъ со стола; не пройдемъ мимо покрытаго струпами и лежащаго въ нашихъ воротахъ. Не будемъ предаваться забавамъ, когда другіе злостраждутъ; не погнушаемся подобнымъ себѣ рабомъ, чтобы не подпасть намъ, друзья и братія, одной участи съ богачемъ, не *страдать во пламени*, не отдѣляться *пропастію* отъ праведныхъ, не просить нищаго Лазаря *концемъ перста устудить палимый языкъ нашъ* (Лук. 16, 24—26.), и просить напрасно. Будемъ добродушны, милосерды, сострадательны; будемъ подражать Владыкѣ, Который велитъ восходить солнцу для добрыхъ и злыхъ, и всѣхъ одинаково питаетъ дождемъ. Не дозволимъ себѣ обогащаться нищетою другихъ; не отступимъ такъ далеко отъ Божіей правдивости; не смѣшаемъ богатства своего съ чужими слезами, отъ которыхъ оно, какъ отъ ржавчины и моли, пропадетъ, или (скажу словомъ Писанія) *изблуется* (Иов. 20, 15.). Но ежели мы алчны болѣе, чѣмъ должно; то есть и добрая любостыжательность. Дадимъ здѣсь нѣчто малое, чтобы тамъ обогатиться.

Сіи правила общи для всѣхъ, а не для однихъ только гражданскихъ начальниковъ; потому что для общаго недуга и врачевства общія. А ты, составляющій у насъ перепись, переписывай насъ правдиво; веди не тщательную перепись моихъ словъ, отъ которыхъ нѣтъ, или мало, пользы, и только пріятность и удовольствіе для слуха, но святую и челоуѣколюбивую перепись моего народа, уваживъ, если не что другое, то самое время; потому что и Спаситель раждается во время переписи. Сказано:

изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написати всю вселенную. Перепись началась. Взыде же и Иосифъ въ Вифлеемъ, написатися съ Марією обрученною ему, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова (Лук. 2, 1—5.). И въ сіе-то время раждается Спаситель; о чудо! Создатель и Владыка всего раждается въ бѣдной и малой обители. Устрашимся тайны, почтимъ домостроительство, и сами принесемъ нѣчто въ даръ времени. Нынѣ Ангелы радуются; нынѣ пастыри осіяваются; нынѣ звѣзда течетъ съ востока къ великому и неприступному Свѣту; нынѣ волхвы поклоняются, приносятъ дары, познають Царя всяческихъ, и прекрасно по звѣздѣ угадываютъ Небснаго. Нынѣ Иродъ неистовствуетъ, избиваетъ дѣтей, и за Освободителя истребляетъ тѣхъ, которые должны были получить свободу. Но мы станемъ съ поклоняющимися и Обнищавшему за насъ до тѣла (а) принесемъ не ливанъ, какъ Богу, не золото, какъ Царю, не смирну, какъ вкусившему за насъ смерть, но дары таинственные, превышающіе видимое, то-есть ничего не возьмемъ, ни въ чемъ не уступимъ богатству предпочтенія предъ бѣдностію, не обидимъ твари для твари. Ты со Христомъ ведешь перепись, со Христомъ взвѣшиваешь, со Главою назначаешь цѣну, съ Словомъ вычисляешь. Нынѣ для тебя наипаче раждается Христость, есть Богъ, и содѣлывается человѣкомъ и живетъ съ человѣки (Варух. 3, 8.).

(а) Или до принятія на себя тѣла, какъ-бы нѣкотораго рубища, или до сложенія съ Себя и самаго тѣла въ смерти крестной.

Что показываетъ слово сіе? Оно, по моему разсужденію, вразумляетъ тѣхъ, кому повѣряютъ подобныя дѣла, что Богъ всегда входитъ въ важнѣйшія распоряженія Правительствъ. И съ одной стороны, чтобы устыдить производящихъ перепись, во время переписи вступаетъ въ общеніе съ плотію и съ людьми, а съ другой стороны, чтобы утѣшить насъ въ рабствѣ и научить искренности (чего также не должно вынискать изъ вида), Самъ платитъ *дидрахму* за Себя и за Петра, досточестнѣйшаго изъ учениковъ (Матѣ. 17, 24—27.). Ибо для насъ сталъ Онъ человѣкомъ и принялъ зракъ раба, за наши беззаконія веденъ былъ на смерть. Такъ поступалъ Спаситель, Который, какъ Богъ, могъ спасти единымъ изволеніемъ. Но Онъ содѣлалъ то, что для насъ важнѣе и наиболѣе насъ пристыжаетъ, сталъ намъ подобострастнымъ и равночестнымъ. Ужели же мы, ученики кроткаго, челоуѣколюбиваго и столько для насъ послужившаго Христа, не будемъ подражать милосердію Владыки? Ужели не будемъ милостивы къ подобнымъ намъ рабамъ, чтобы и самимъ заслужить милость Господа, Который возмѣряетъ, какъ сами будемъ мѣрить? Ужели не захотимъ чрезъ кротость пріобрѣсть души своей? Довольно для свободныхъ рабства, довольно и того различія, что созданные изъ одной персти, кто властвуетъ, а кто состоитъ подъ властію; кто налагаетъ подати, а кто вносится въ число дающихъ подать; кто можетъ дѣлать неправду и зло, а кто молится и употребляетъ всѣ усилія, чтобы не потерпѣть зла. Довольно различія между созданными по единому образу, въ одномъ достоинствѣ, между

наслѣдниками одной и тойже жизни, между тѣми, за которыхъ Христось равно умеръ! Довольно сего для свободныхъ! Не будемъ отягчать сего ига и наказанія за первый нашъ грѣхъ. Да погибнетъ зло и первое основаніе зла—лукавый, *сплцимъ намъ встъявий плевелы* (Матѣ. 13, 25.) (чѣмъ означается, что началомъ зла бываетъ нерадѣніе о добрѣ, равно какъ началомъ тьмы—удаленіе свѣта)! Вотъ что произведено древомъ и горькимъ вкушеніемъ, и завистливымъ зміемъ и преслушаніемъ, за которое осуждены мы проводить жизнь въ потѣ лица. Отъ-сего я сталъ нагъ и безобразенъ, позналъ наготу, облекся въ кожаную ризу, низпалъ изъ рая, обратился въ землю, изъ которой взять, и вмѣсто наслажденія имѣю одно то, что узналъ собственное свое бѣдствіе, вмѣсто кратковременнаго удовольствія осужденъ на непрестанную скорбь и неприязнь къ тому, который ко вреду былъ много возлюбленъ и привлекъ меня къ себѣ посредствомъ вкушенія. Такова мнѣ награда за грѣхъ! Въ-слѣдствіе сего я долженъ родиться на трудъ, жить и разрушаться. Грѣхъ есть мать нужды, и нужда—любостыжательности, и любостыжательность—браней, а бранями произведены на свѣтъ подати—самое тягостное въ нашемъ осужденіи. Но по крайней мѣрѣ мы, подлежащіе тому же осужденію, не станемъ увеличивать наказанія, и не будемъ злы къ другимъ. Богъ требуетъ отъ насъ взаимнаго чело-вѣколюбія, хотя Самъ и наказываетъ насъ.

Будетъ и другая перепись, другій составитель переписи; если ты слыхалъ о *книгѣ живыхъ* (Пс. 68, 29.) и о *книгѣ неснасаемыхъ*. Тамъ всѣ мы

будемъ вписаны, или, лучше сказать, уже вписаны, каждый по достоинству проведенной имъ жизни. Тамъ и богатство имѣеть не больше, и бѣдность не меньше, а также и милость и вражда, и все прочее, чѣмъ здѣсь закрывается справедливость. Всѣ мы вписаны перстомъ Божиимъ, и въ день откровенія отверста намъ будетъ книга. *Малъ и великъ тамо есть* (Иов. 3, 19.), и *рабъ купно съ господиномъ*, скажу словами Соломона (Премудр. 18, 11.), и Царь съ подвластнымъ, и знатность подлѣ вводимыхъ въ перепись. Умолчу о томъ, что и выговорить ужасно; однакожь скажу, что, какъ сами пишемъ, такъ и будемъ написаны. Сіе-то написаніе содѣлай и ты для себя какъ можно болѣе милостивымъ, оказавши намъ милость и человѣколюбіе.

Что скажешь на сіе? Что напишешь, наилучшій другъ и сверстникъ, слушавшій со мною однихъ учителей и одни уроки, хотя Богъ и сопрічислил меня нынѣ къ лучшему (повременю говорить: къ труднѣйшему) жребію—учить васъ, облеченныхъ властію? Что скажешь ты, плодъ благочестиваго отечества и рода, священная отрасль священныхъ родителей и корень еще болѣе священныхъ чадъ? Какъ примешь слова мои? Убѣдительно ли онѣ? или потребуешь, чтобъ я долѣе услаждалъ тебя?— Правда, не гадать о семъ нужно, но достовѣрно можно знать, что слова мои издавна имѣютъ надъ тобою силу. И если не на другое что, то на самыя слова положиться могу, что онѣ всегда удобно ведутъ тебя къ прекрасному, и ты или предшествуешь имъ, или послѣдуешь. Ибо симъ-то именно

и отличаются мудрые отъ людей обыкновенныхъ. Однакоже присовокуплю нѣчто къ сказанному.

Ты воздашь уже награду словамъ моимъ, какова бы она ни была. Но и слова мои воздаютъ тебѣ и приводятъ къ тебѣ нищихъ, весь ликъ Іереевъ, ликъ любомудрыхъ, никакими узами не привязанныхъ къ дольному, обладающихъ только собственными тѣлами, и тѣлами несовершенно, ничего неимѣющихъ для Кесаря, но все посвятившихъ Богу — пѣснопѣнія, молитвы, бдѣнія, слезы, стяжаніе не легко пріобрѣтаемое, то-есть, чтобы умирать для міра, жить для Христа, изнурять плоть, отвлекать душу отъ тѣла. Ихъ — служителей и таинниковъ Божіихъ, прозрителей въ небесное, начатокъ нашего рода, опору и вѣнцы Вѣры, драгоценныя жемчужины, камни храма, для котораго основаніе и краеугольный камень — Христосъ, то-есть прекрасной полноты Церкви, ихъ пощадивъ или всецѣло воздавъ Богу, совершишь ты превосходнѣйшее дѣло и для нихъ, и для себя, и для всѣхъ насъ. И я желаю, чтобы это богатство пришло тебѣ отъ насъ, а не великія сокровища золота и серебра, которыя теперь существуютъ, но вскорѣ существовать не будутъ.

Таково вамъ плодоношеніе моего слова! Оно ниже вашей надежды, но соразмѣрно моимъ силамъ. Воздайте и вы мнѣ нѣчто большее моего приношенія, — благопокорность, чтобы, сверхъ всего прочаго, менѣ имѣть нужды въ моихъ словахъ, *разумляюще другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ* (Евр. 10, 24.), чтобы сподобившись милости-

ваго и челоуѣколюбиваго написанія на небесахъ, и ликовствуя предъ Царемъ всяческихъ, въ чемъ и состоитъ все занятіе написанныхъ тамъ, совершать Богу хвалу, созерцая и превознося единую славу и свѣтлость Божества — Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо Ему слава, и честь, и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРАГО ТОМА.

ТВОРЕНИЯ Св. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА.

	Стран.
СЛОВО 14, о любви къ бѣднымъ.	1
СЛОВО 15, говоренное въ присутствіи отца, который безмолвствовалъ отъ скорби, послѣ того какъ градъ опустошилъ поля.	47
СЛОВО 16, на память Св. Мучениковъ Маккавеевъ.	70
СЛОВО 17, говоренное встревоженнымъ жителямъ Назі- анза и прогнѣванному градоначальнику.	87
СЛОВО 18, говоренное въ похвалу отцу и въ утѣшеніе матери Нонны въ присутствіи Св. Василія, къ которому обращено вступленіе въ слово.	100
СЛОВО 19, говоренное Св. Григоріемъ Богословомъ о словахъ своихъ Юліану, производившему на- родную перепись и уравненіе податей.	147
СЛОВО 20, о поставленіи Епископовъ и о догматѣ Св. Троицы.	163
СЛОВО 21, Похвальное Аванасію Великому, Архіепис- копу Александрійскому.	176
СЛОВО 22, о мирѣ, говоренное въ общемъ собраніи единовѣрныхъ, бывшемъ послѣ примиренія.	214
СЛОВО 23, о мирѣ, говоренное въ Константинополѣ по случаю распри, происшедшей въ народѣ о нѣкоторыхъ несогласныхъ между собою Епи- скопахъ	228

		Стран
СЛОВО 24,	въ похвалу Св. Священномученика Кипріяна, говоренное на другой день его памяти, по возвращеніи Григоріевомъ изъ села.	246
СЛОВО 25,	въ похвалу Философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія.	266
СЛОВО 26,	произнесенное Св. Григоріемъ Богословомъ о себѣ самомъ, когда овъ, послѣ Максимова покушенія занять архіепископскій престолъ въ Константинополь, возвратился изъ села.	291

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
7	7	сослужитель	сослужителя
20	17	или низкой	низкой
23	9	дальнюю	дольнюю
27	1	Невродь	Невродь
28	27	разнымъ	равнымъ
64	9	бѣдствія	бѣдствія.
70	3	о Маккавейхъ.	о Маккавейяхъ?
248	2	сильнѣ	важнѣ.

